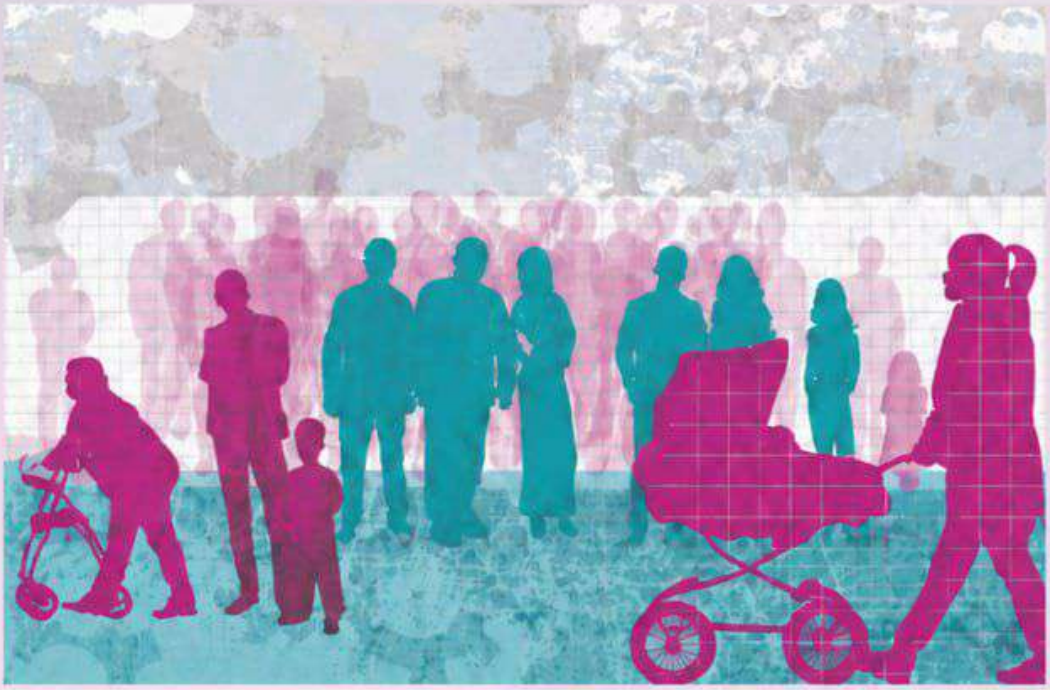
DEMOGRAFIYA VA MEHNAT BOZORI

DEMOGRAPHCY
AND LABOR ECONOMICS

V
SON

2026

Elektron ilmiy-ommabop jurnal

(+998) 50-005-45-69
https://t.me/demografiya_mehnatbozori
demografiya_mehnat_bozori@mail.ru

DEMOGRAFIYA VA MEHNAT BOZORI

2026-yil
5-son

Elektron ilmiy-ommabop jurnal
Электронный научно-популярный журнал
Electronic popular science journal

BOSH MUHARRIR:
Umurzoqov Bahodir Xamidovich

MUHARRIR:
Bahriddinova Muazzam Azam qizi

TAHRIR HAY'ATI:
Abduraxmonov Qalandar Xodjaevich, i.f.d., akademik.
Sharipov Kongiratbay Avezimbetovich, t.f.d., prof.,
Xudoyqulov Sadirdin Karimovich, i.f.d., prof.,
Axmedov Durbek Qudratillaevich, i.f.d., professor
Umurzakov Baxodir Xamidovich, i.f.d., prof.,
Zokirova Nodira Qalandarovna, i.f.d., prof.,
Abduraxmonova Gulnora Qalandarovna, i.f.d., prof.,
Mamadaliyeva Xafiza Xoldarovna, i.f.d., prof.,
Nasimov Dilmurod Abdulloyevich, i.f.d., prof.,
Arabov Nurali Uralovich, i.f.d., prof.,
Irmatova Aziza Baxromovna, i.f.d., prof.,
Tojiyeva Zulxumor Nazarovna, g.f.d., professor
Isayev Faxriddin Ikramovich, i.f.d., prof.
Usmanov Anvar Saidmaxmudovich, i.f.d., professor
Qodirov Abdurashid Madjidovich, i.f.d., professor
Hermann Sterzinger, i.f.d., professor (Germaniya)
Ibragimov Lutfullo Ziyadullayevich, DSc., professor
Qurbonov Paxlavon Rustamovich, DSc, dotsent
Shakarov Zafar Gaffarovich, PhD, dotsent
Gulmurodov Kamoliddin Abduqodir o'g'li, PhD
Hamrokulov Mirabbos Ortiqovich, PhD
Maxmudov Asliddin Sirojiddin o'g'li, PhD
To'xtayeva Xurshida Farxodovna, PhD

MUNDARIJA

Umurzakov Bahodir Hamidovich
O‘zbekiston aholisining 2050-yilgacha demografik rivojlanish konsepsiyasi: ustuvor muammolar va maqsadli ko‘rsatkichlarni baholash..... **3**
Mamadaliyeva Xafizaxon Xoldarovna, Bahriddinova Muazzam Azam qizi
Reproduktiv jarayonlardagi demografik paradokslar va ularning raqamli transformatsiya sharoitida namoyon bo‘lishi: O‘zbekiston uchun dalillar va tadqiqot modeli..... **14**
Xamdamov Shoh-Jaxon Raxmat o‘g‘li, Sodiqjonov Lochinbek Bahromjon o‘g‘li
Suv resurslarining barqaror rivojlanishga ta’siri: O‘zbekiston, Tojikiston va Ozarbayjon misolida..... **30**
Ashurzoda Luiza Muxtarovna
Oliy ta’lim qamrovining kengayishi va ta’lim sifati o’rtasidagi nisbat..... **42**
Gulmurodov Kamoliddin Abduqodir o‘g‘li
Inson kapitali sifatini oshirishning innovatsion iqtisodiyotga ta’sirini baholash..... **51**
Nishanova Zulxayo Bahromovna
Mehnat migrantlari pul o‘tkazmalariga qaramlik va uning O‘zbekiston iqtisodiyotining tarkibiy transformatsiyasiga ta’siri..... **62**
Асқарова Муҳаббат Ибрахимовна
Ёшлар учун рақамли бандлик имкониятлари ёшлар бандлигини таъминлашнинг самарали ечими сифатида..... **79**
Баҳриддинова Муаззам Азам қизи
Ўзбекистонда аҳолининг такрор барпо бўлиш жараёнларининг меҳнат ресурслари шаклланишига таъсирини баҳолаш (2026 йил аҳоли рўйхатга олиш натижалари асосида)..... **89**
Гафурова Зебохон Дильшод кизи
Формирование устойчивой модели экономического роста регионов Узбекистана на основе цифровых и экологических инноваций..... **100**
Usmonov Anvar Saidmahmudovich
O‘zbekistonda ichki va tashqi migratsiya jarayonlari transformatsiyasi va uning urbanizatsiya jarayonlariga ta’siri..... **110**
Qilichov Ulug‘bek Rustam o‘g‘li
Yoshlar bandligi va demografik dividend: o'zbekiston mehnat bozoridagi tendensiyalar va ustuvor yo'nalishlar..... **117**
Omanova Kamola Botir qizi
O‘zbekistonda ayollar bandligi va ta’limi bilan tug‘ilish ko‘rsatkichlari o‘rtasidagi bog‘liqlik: hududiy va tarmoq tahlili..... **126**
Hamrokulov Mirabbos Ortiqovich
Demographic trends and their impact on labour market activity in uzbekistan: evidence on the demographic window of opportunity..... **139**
Нуруддинова Адиба Газиевна
Неформальная занятость: масштабы и пути дальнейшей формализации..... **150**

O‘ZBEKISTON AHOLISINING 2050-YILGACHA DEMOGRAFIK RIVOJLANISH KONSEPSIYASI: USTUVOR MUAMMOLAR VA MAQSADLI KO‘RSATKICHLARNI BAHOLASH

Umurzakov Bahodir Hamidovich
Iqtisodiyot fanlari doktori, professor,
Toshkent davlat iqtisodiyot universiteti huzuridagi
“O‘zbekiston iqtisodiyotini rivojlantirishning
ilmiy asoslari va muammolari” ilmiy-tadqiqot markazi
umurzakovboxodir807@gmail.com

Annotatsiya. *Maqolada O‘zbekiston aholisining 2050-yilgacha bo‘lgan davrda demografik rivojlanishi Konsepsiyasidagi tashxis, ustuvor yo‘nalishlar va kutilayotgan natijalar tahlil qilingan. Konsepsiyadagi sakkizta ustuvor muammo va o‘n bir yo‘nalish o‘zaro bog‘liqligiga ko‘ra guruhlangan, bazaviy demografik ko‘rsatkichlar hamda mehnat bozoriga demografik bosim miqdoriy baholangan. 2030–2050-yillarga mo‘ljallangan o‘n bir maqsadli ko‘rsatkich bazaviy daraja, ifoda aniqligi va muddat bo‘yicha tekshirilgan. Natijalar har yili mehnat yoshiga 520 ming kishi kirgani holda yaratiladigan doimiy ish o‘rinlari 360 mingdan oshmasligini (kamomad kamida 160 ming), o‘n bir maqsadning faqat yettitasi uchun bazaviy qiymat keltirilganini hamda muddat faqat bittasiga belgilanganini ko‘rsatdi. Maqolada maqsadli ko‘rsatkichlarni aniqlashtirish va monitoring tizimini shakllantirish bo‘yicha takliflar asoslangan.*

Kalit so‘zlar: *demografik rivojlanish, demografik siyosat, Konsepsiya, tug‘ilish, o‘lim, mehnat migratsiyasi, maqsadli ko‘rsatkichlar, O‘zbekiston.*

КОНЦЕПЦИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ НАСЕЛЕНИЯ УЗБЕКИСТАНА ДО 2050 ГОДА: ПРИОРИТЕТНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ОЦЕНКА ЦЕЛЕВЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ

Умурзаков Баходир Хамидович
доктор экономических наук, профессор
Научно-исследовательского Центра “Научные основы
и проблемы развития экономики Узбекистана” при
Ташкентском экономическом Университете

Аннотация. *В статье проанализированы диагностика, приоритетные направления и ожидаемые результаты Концепции демографического развития населения Узбекистана до 2050 года. Восемь приоритетных проблем и одиннадцать направлений Концепции сгруппированы по взаимосвязи, количественно оценены базовые демографические показатели и демографическое давление на рынок труда. Одиннадцать целевых показателей на 2030–2050 годы проверены по наличию базового уровня, точности*

формулировки и срокам. Результаты показали, что при ежегодном вступлении в трудоспособный возраст 520 тыс. человек создается не более 360 тыс. постоянных рабочих мест (дефицит не менее 160 тыс.), что базовый уровень указан лишь для семи из одиннадцати целей, а срок установлен только для одной. В статье обоснованы предложения по уточнению целевых показателей и формированию системы мониторинга.

Ключевые слова: *демографическое развитие, демографическая политика, Концепция, рождаемость, смертность, трудовая миграция, целевые показатели, Узбекистан.*

THE CONCEPT OF DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF UZBEKISTAN'S POPULATION UNTIL 2050: PRIORITY PROBLEMS AND ASSESSMENT OF TARGET INDICATORS

Umurzakov Bahodir Hamidovich
Doctor of Economics, Professor,
Research Center "Scientific Foundations and Problems of the Development of the Economy of Uzbekistan" under Tashkent State University of Economics

Abstract. *The article analyzes the diagnosis, priority areas and expected results of the Concept of demographic development of Uzbekistan's population until 2050. The eight priority problems and eleven areas of the Concept are grouped by their interdependence, and the baseline demographic indicators and the demographic pressure on the labor market are quantified. Eleven target indicators for 2030–2050 are checked for the availability of a baseline, the precision of wording and deadlines. The results show that 520 thousand people enter working age every year while no more than 360 thousand permanent jobs are created (a shortfall of at least 160 thousand), that a baseline is given for only seven of the eleven targets, and that a deadline is set for only one. The article substantiates proposals for clarifying the targets and building a monitoring system.*

Keywords: *demographic development, demographic policy, Concept, fertility, mortality, labor migration, target indicators, Uzbekistan.*

Kirish.

Demografik jarayonlar – tug‘ilish, o‘lim, oila va migratsiya – mamlakat iqtisodiy taraqqiyotining uzoq muddatli shartlarini belgilaydi: ular mehnat resurslari hajmini, ta’lim va sog‘liqni saqlashga bo‘lgan talabni, pensiya tizimidagi yuklamani hamda hududlarning o‘sish imkoniyatlarini oldindan aniqlab beradi. Shu sababli demografik siyosat alohida soha siyosati emas, balki boshqa yo‘nalishlar bilan uyg‘un shakllantiriladigan umumiy strategiyaning bir qismi bo‘lishi lozim (United Nations, 1995).

O‘zbekiston bu jihatdan o‘tish bosqichida turibdi. Konsepsiyada keltirilgan

ma’lumotlarga ko‘ra, 2026-yil boshida aholi soni 38,3 million kishiga yetgan, yillik o‘sish 713,7 ming kishini (1,9 foiz) tashkil etgan. 2025-yilda 879,6 ming chaqaloq tug‘ilib, 177,1 ming kishi vafot etgan, ya’ni tabiiy o‘sish 702,5 ming kishiga teng bo‘lgan. Shu bilan birga yosh tarkibi o‘zgarmoqda: so‘nggi uch yilda 60 va undan katta yoshdagilar ulushi 7,4 dan 8,5 foizga ko‘tarildi, mehnat yoshiga esa har yili 520 mingdan ortiq kishi kirib kelmoqda. Boshqacha aytganda, yosh aholining inersiyasi hali kuchli, qarish jarayoni esa allaqachon boshlangan.

Bunday vaziyatda 2050-yilgacha mo‘ljallangan Konsepsiya muhim ahamiyat kasb etadi: u sakkizta ustuvor muammoni ajratib ko‘rsatadi, o‘n bir yo‘nalish bo‘yicha chora-tadbirlarni belgilaydi va 2030–2050-yillar uchun kutilayotgan natijalarni sanab o‘tadi. Biroq siyosat hujjatining samaradorligi uning maqsadlarini o‘lchash va kuzatib borish imkoniyatiga bog‘liq. Maqolaning maqsadi – Konsepsiyadagi tashxis va maqsadli ko‘rsatkichlarni miqdoriy jihatdan baholash hamda ularni takomillashtirish yo‘nalishlarini asoslashdan iborat. Buning uchun uchta vazifa hal etildi: bazaviy demografik ko‘rsatkichlar tizimlashtirildi; mehnat bozoriga demografik bosim hisoblandi; maqsadli ko‘rsatkichlar bazaviy daraja, ifoda aniqligi va muddat bo‘yicha tekshirildi.

Adabiyotlar sharhi.

Demografik rivojlanishning nazariy asosi demografik o‘tish g‘oyasiga borib taqaladi: Notestein (1945) o‘lim va tug‘ilish darajasining ketma-ket pasayishini sanoatlashuv hamda urbanizatsiya bilan bog‘ladi. Coale va Hoover (1958) yuqori tug‘ilish daromadi past mamlakatlarda jamg‘arma va jon boshiga daromad o‘sishini sekinlashtirishini ko‘rsatgan; Becker (1960) esa bola sonini oilaning iqtisodiy tanlovi sifatida talqin qilib, daromad va bola ‘sifati’ o‘rtasidagi almashuvga e’tibor qaratdi. Keyingi bosqich – ikkinchi demografik o‘tish – Van de Kaa (1987) hamda Lesthaeghe (2010) ishlarida qadriyatlar o‘zgarishi, nikoh va ajralish xulq-atvori nuqtai nazaridan tavsiflangan.

Yosh tarkibi o‘zgarishining iqtisodiy oqibatlari demografik dividend konsepsiyasida umumlashtirilgan. Bloom va Williamson (1998) Sharqiy Osiyo tajribasida mehnatga layoqatli yoshdagilar ulushining oshishi o‘sishning muhim qismini tushuntirishini ko‘rsatgan; Bloom va boshq. (2003) esa dividend o‘z-o‘zidan paydo bo‘lmasligini, u mehnat bozori, ta’lim va institutlar sifatiga bog‘liqligini ta’kidlagan. Mason va Lee (2006) aholi qarigan sharoitda jamg‘arma va inson kapitaliga investitsiyalar orqali ikkinchi dividendga erishish mumkinligini asoslagan, Lutz va boshq. (2008) ta’lim darajasini demografik prognozlarga kiritish zarurligini ko‘rsatgan.

Migratsiya nazariyalarida Lee (1966) «itaruvchi» va «tortuvchi» omillarni ajratgan, Todaro (1969) hamda Harris va Todaro (1970) kutilayotgan daromad farqi va ishsizlik ehtimolini ko‘chish qarorining asosiy sababi deb hisoblagan, Massey va boshq. (1993) esa tarmoqlar, institutlar va kumulyativ sababiyatni qo‘shib, xalqaro migratsiya nazariyalarini umumlashtirgan. Demografik jarayonlarni o‘lchash va prognozlash usullari Preston va boshq. (2001) ishida keng yoritilgan, xalqaro prognozlar esa BMT tomonidan muntazam yangilanadi (United Nations, 2024).

Siyosat maqsadlarini baholashda Doran (1981) taklif qilgan mezonlar – aniqlik, o‘lchanuvchanlik, erishuvchanlik, dolzarblik va muddatlilik – keng qo‘llaniladi. Aholishunoslik va taraqqiyot bo‘yicha Qohira konferensiyasi (United Nations, 1995) demografik omilni barcha ijtimoiy-iqtisodiy strategiyalarga kiritishni tavsiya qilgan; Konsepsiya ham shu yondashuvga tayanishini bildiradi. Mazkur maqola yuqoridagi mezonlarni O‘zbekiston Konsepsiyasining maqsadli ko‘rsatkichlariga qo‘llaydi.

Tadqiqot metodologiyasi.

Tahlil Konsepsiya matni, undagi statistik ma’lumotlar va BMT prognozlariga tayanadi. Tadqiqot uch bosqichdan iborat. Birinchi bosqichda hujjat mazmuni tahlil qilinib, uning sakkizta ustuvor muammosi (2.1–2.8-bandlar) va o‘n bir yo‘nalishi (3.1–3.11-bandlar) o‘zaro bog‘liqligiga ko‘ra uch blokka guruhlandi: aholi takror barpo bo‘lishi va salomatligi (tug‘ilish, o‘lim, oila, gender, yetimlik); inson kapitali va mehnat bozori (ta’lim, bandlik); hududiy joylashuv va migratsiya (ichki va tashqi migratsiya, urbanizatsiya). Statistika va kadrlar yo‘nalishlari ularning barchasini ta’minlovchi tizimli blok sifatida qaraldi.

Ikkinchi bosqichda bazaviy ko‘rsatkichlar bo‘yicha oddiy demografik hisob-kitoblar bajarildi: umumiy koeffitsiyentlar, o‘zgarish sur’atlari, yosh guruhlari ulushi, mehnat yoshiga kiruvchilar va yaratilayotgan ish o‘rinlari balansi. Uchinchi bosqichda 2030–2050-yillarga mo‘ljallangan o‘n bir maqsadli ko‘rsatkich uch mezon bo‘yicha – bazaviy daraja keltirilganligi, ifodaning aniqligi (mutlaq yoki nisbiy o‘zgarish, davr) va muddati – hamda ichki uyg‘unlik, ya’ni ko‘rsatkichlarning o‘zaro mosligi nuqtai nazaridan tekshirildi. Hisob-kitoblar muallifga tegishli; ma’lumotlar hisobot davrlari turlicha bo‘lgani uchun jadvallarda davr alohida ko‘rsatildi.

Tahlil va natijalar.

Konsepsiya bazaviy demografik vaziyatni 1-jadvalda jamlangan ko‘rsatkichlar bilan tavsiflaydi. 2025-yilda tug‘ilganlar soni vafot etganlardan 5,0 baravar ko‘p bo‘lgan (879,6 ming va 177,1 ming), tabiiy o‘sish koeffitsiyenti 18,5 promilleni

tashkil etgan. Migratsiya saldosi manfiy (–13,2 ming kishi), ammo u tabiiy o‘sishning atigi 1,9 foizini qoplaydi (muallif hisob-kitobi), shuning uchun aholi o‘sishining asosiy omili hamon tabiiy ko‘payishdir.

1-jadval

Konsepsiyadagi bazaviy demografik ko‘rsatkichlar

Ko‘rsatkich	Qiymat	Davr
Aholi soni, million kishi	38,3	2026-yil 1-yanvar
Aholining yillik o‘sishi, ming kishi (foiz)	713,7 (1,9)	2026-yil 1-yanvar
Tug‘ilganlar soni, ming kishi	879,6	2025
Umumiy tug‘ilish koeffitsiyenti, ‰	23,2	2025
Vafot etganlar soni, ming kishi	177,1	2025
Umumiy o‘lim koeffitsiyenti, ‰	4,7	2025
Tabiiy o‘sish, ming kishi (‰)*	702,5 (18,5)	2025
Migratsiya saldosi, ming kishi	–13,2	hisobot davri
Yosh tarkibi: mehnat yoshidan kichik / mehnat yoshidagi / mehnat yoshidan katta, %	32,2 / 56,0 / 11,8	2025-yil 1-iyul
60 va undan katta yoshdagilar ulushi, %	8,5 (uch yil oldin 7,4)	so‘nggi uch yil
Kutilayotgan umr ko‘rish davomiyligi: jami (erkaklar / ayollar), yosh	75,5 (72,0 / 78,9)	2025
Chaqaloqlar o‘limi, ‰	9,0 (2018-yilda 11,7)	2025
Onalar o‘limi, 100 ming tirik tug‘ilganga	18,5 (2018-yilda 20,2)	2025
Nikohlar / ajralishlar, ming	328,7 / 36,5 (2020-yilda 315,2 / 33,1)	2025

Manba: *Konsepsiya (loyiha) ma’lumotlari. * Tabiiy o‘sish koeffitsiyenti – muallif hisob-kitobi (tug‘ilish va o‘lim koeffitsiyentlari ayirmasi).*

O‘lim ko‘rsatkichlari dinamikasi ikki xil. Chaqaloqlar o‘limi 2018–2025-yillarda 11,7 dan 9,0 promillegacha (23 foizga), onalar o‘limi 20,2 dan 18,5 gacha (8 foizga) pasaygan. Biroq mehnat yoshidagi o‘lim barqaror saqlanmoqda: 2025-yilda 50,2 ming kishi, ya’ni barcha vafot etganlarning 28 foizi shu guruhga to‘g‘ri kelgan, erkaklar o‘limi ayollarnikidan o‘rtacha 1,6 baravar yuqori. Sabablar tarkibida qon aylanish tizimi kasalliklari (34 foiz), baxtsiz hodisalar (21 foiz) va onkologik kasalliklar (16 foiz) birgalikda 71 foizni beradi; bu yo‘qotishlarning katta qismi

profilaktika va xavfsizlik choralariga sezgir sabablarga bog‘liqligini bildiradi. Natijada kutilayotgan umr ko‘rish davomiyligida jinslar o‘rtasidagi tafovut 6,9 yilga (72,0 va 78,9) yetmoqda.

Oila-nikoh sohasida nikohlar soni 2020–2025-yillarda 4,3 foizga (315,2 mingdan 328,7 minggacha), ajralishlar esa 10,3 foizga (33,1 mingdan 36,5 minggacha) oshgan; ajralishlarning nikohlarga nisbati 10,5 dan 11,1 foizga ko‘tarilgan. Boshqacha aytganda, ajralishlar nikohlarga qaraganda 2,4 baravar tezroq ko‘paymoqda. Yosh tarkibida esa qarish alomatlari aniq: 60 va undan katta yoshdagilar soni uch yilda 19 foizga oshib, ularning ulushi 7,4 dan 8,5 foizga ko‘tarilgan. Konsepsiyada keltirilgan BMT prognozlariga ko‘ra bu ulush 23 foizgacha, ya’ni hozirgidan taxminan 2,7 baravar ko‘payadi.

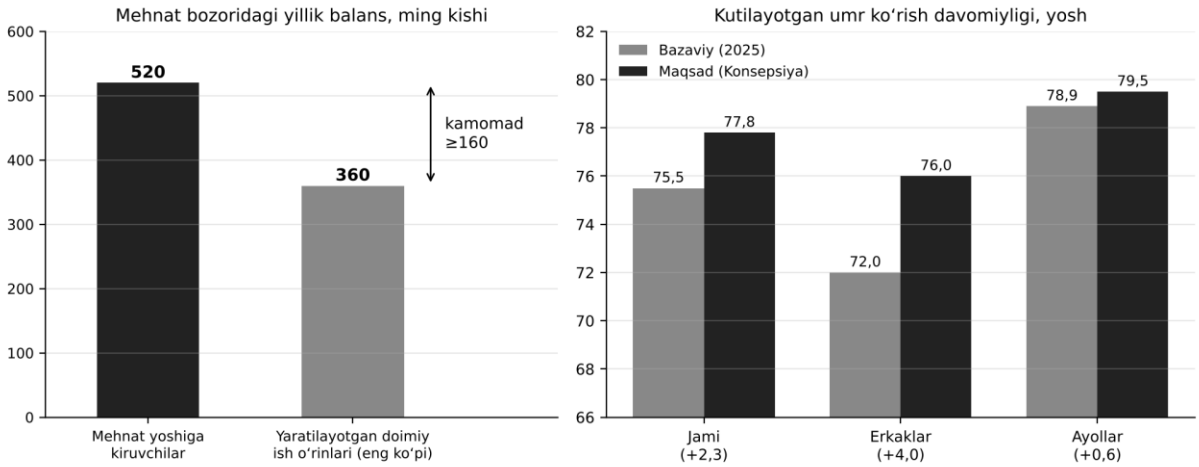
Eng keskin muammo mehnat bozoridagi muvozanatdir. Konsepsiyaga ko‘ra, har yili 520 mingdan ortiq kishi mehnat yoshiga kiradi, yaratilayotgan doimiy ish o‘rinlari esa 360 mingdan oshmaydi (1-rasm). Bu har yili kamida 160 ming kishilik kamomadni bildiradi; oqimlar o‘zgarmasa, 2026–2030-yillarda u kamida 0,8 million kishiga yetadi (muallif hisob-kitobi). Konsepsiyada yaratilayotgan ish o‘rinlarining qamrov ulushi 65 foiz deb baholangan, 360 ming chegara qiymat sifatida olinsa u ko‘pi bilan 69 foizga (360/520) teng bo‘ladi; ehtimol, hujjatdagi ko‘rsatkich o‘rtacha yillik qiymatga tayangan. Bosim hududlar bo‘yicha notekis: oltita viloyat – Samarqand, Farg‘ona, Qashqadaryo, Andijon, Namangan va Surxondaryo – yangi kiruvchilarning 59,4 foizini beradi (2-jadval).

2-jadval

Mehnat yoshiga kiruvchilar va migratsiya saldosi: eng katta olti hudud

Hudud	Mehnat yoshiga kiruvchilar, ming kishi	Ulushi, %	Migratsiya saldosi, ming kishi
Samarqand viloyati	63	12,1	–5,9
Farg‘ona viloyati	60	11,5	–
Qashqadaryo viloyati	54	10,4	–7,2
Andijon viloyati	47	9,0	–
Namangan viloyati	43	8,3	–
Surxondaryo viloyati	42	8,1	–
Olti hudud jami	**309**	**59,4**	**–**
Boshqa hududlar	211	40,6	–
Respublika bo‘yicha	**520**	**100,0**	**–13,2**

Manba: *Konsepsiya (loyiha) ma’lumotlari asosida muallif hisob-kitobi. Tire (–) – Konsepsiyada ma’lumot keltirilmagan.*

1-rasm. Mehnat bozoridagi yillik balans va kutilayotgan umr ko‘rish davomiyligi: bazaviy va maqsadli qiymatlar

Manba: *Konsepsiya (loyiha) ma’lumotlari asosida muallif hisob-kitobi.*

Hududiy manzara qiziqarli qonuniyatni ko‘rsatadi. Konsepsiyaga ko‘ra tashqi mehnat migratsiyasi eng ko‘p kuzatiladigan olti hudud (Samarqand, Andijon, Farg‘ona, Qashqadaryo, Namangan, Surxondaryo) mehnat yoshiga kiruvchilar soni eng ko‘p olti hudud bilan aynan mos keladi. 2025-yilda xorijga ishlash uchun ketganlar 2,36 million kishini (aholining 6–7 foizini) tashkil etgan, bu mehnat yoshiga kiruvchilarning yillik oqimidan 4,5 baravar ko‘p. Ichki mobillik esa past: ichki migrantlar bo‘yicha kelganlar 162,1 ming, ketganlar 164,7 ming kishi, ijobiy saldo faqat Toshkent shahrida (+28 ming) qayd etilgan, eng katta salbiy saldo Qashqadaryo (–7,2 ming) va Samarqand (–5,9 ming) viloyatlariga to‘g‘ri kelgan. Bu moslik tashqi migratsiya demografik bosimni qisman yumshatayotganini ko‘rsatadi, biroq bu ta’sirni hisoblash uchun ketganlar sonini hududlar kesimida alohida e’lon qilish zarur.

Konsepsiyaning 2030–2050-yillarga mo‘ljallangan maqsadli ko‘rsatkichlari 3-jadvalda bazaviy darajaga nisbatan baholangan. Jami o‘n bir ko‘rsatkichdan yettitasi (tug‘ilish koeffitsiyenti, aholi o‘sishi, chaqaloqlar va onalar o‘limi, umr ko‘rish davomiyligi, ajralishlar, urbanizatsiya) uchun bazaviy daraja keltirilgan (64 foiz); maktabgacha ta’lim qamrovi, ayollar va yoshlar bandligi hamda qonuniy tartibda ishga yuboriladigan ishchi kuchi bo‘yicha esa bazaviy qiymat yo‘q, shu sababli ularning erishuvchanligini baholab bo‘lmaydi. Aniq muddat faqat ajralishlar koeffitsiyenti uchun (2030-yil) ko‘rsatilgan, qolganlari umumiy 2030–2050-yillar oralig‘iga tegishli.

3-jadval

Konsepsiyaning maqsadli ko‘rsatkichlarini baholash

Maqsad	Bazaviy daraja	Talab etiladigan o‘zgarish (muallif hisob-kitobi)	Baholash
Tug‘ilish koeffitsiyenti 18–20‰; yillik o‘sish 1,5%	23,2‰; 1,9%	–3,2…–5,2‰ (–14…–22%); –0,4 p.p.	O‘lchanadi; 1,5% o‘sish faqat tug‘ilish ≈19,7‰ bo‘lganda mos
Chaqaloqlar o‘limi har yili 3 punktga, onalar o‘limi 2 punktga kamayishi	9,0‰; 18,5	Tarixiy sur’atdan (yiliga 0,39 va 0,24 punkt) 7,8 va 8,2 baravar tez	Ifoda noreal: 9,0 dan 3 yilda nolga yetadi; yakuniy qiymat yoki foizli pasayish kerak
Umr ko‘rish davomiyligi 77,8 yosh (erkaklar 76,0; ayollar 79,5)	75,5 (72,0; 78,9)	+2,3 (erkaklarda +4,0; ayollarda +0,6)	O‘lchanadi; yutuq asosan erkaklar o‘limiga bog‘liq (6,7 baravar)
Ajralishlar koeffitsiyentini 2030-yilgacha 2 baravar kamaytirish	1,0–1,2‰; ajralishlar 33,1 → 36,5 ming	Yiliga taxminan –12,9% (hozir ≈+2,0% o‘sish)	Bazaviy qiymat ikki xil; tendensiyaga zid
Maktabgacha ta’lim qamrovi 90%	Keltirilmagan	–	Baholab bo‘lmaydi
Ayollar bandligini 25%, yoshlar bandligini 80% ga oshirish	Keltirilmagan	–	Nisbiy yoki mutlaq ekani, yosh chegarasi noaniq
Urbanizatsiya darajasi 60%	51,0%	+9 p.p.; shahar aholisi ≈+5,2 mln (41 mln da)	O‘lchanadi; 3.8 va 3.9-bandlar bilan muvofiqlashtirish zarur
Qonuniy ishga yuboriladigan ishchi kuchini 10% ga ko‘paytirish	Keltirilmagan	–	Bazaviy qiymat yo‘q

Manba: *Konsepsiya (loyiha) ma’lumotlari asosida muallif hisob-kitobi.*

Ichki uyg‘unlik tekshiruvi ham muhim natijalar berdi. Birinchidan, agar tug‘ilish koeffitsiyenti 18–20 promille, o‘lim koeffitsiyenti esa hozirgi 4,7 promille bo‘lsa, tabiiy o‘sish 13,3–15,3 promille (1,33–1,53 foiz) bo‘ladi; shuning uchun 1,5 foizlik o‘sish maqsadi tug‘ilishning yuqori chegarasi (≈19,7 promille) bilangina to‘liq mos keladi, aholi qarishi bilan o‘lim koeffitsiyenti oshsa, o‘sish bundan ham past bo‘ladi. Ikkinchidan, chaqaloqlar o‘limini «har yili 3 punktga» kamaytirish bazaviy 9,0 promilleda uch yilda nolga olib keladi va 2018–2025-yillardagi haqiqiy sur’atdan (yiliga 0,39 punkt, yillik nisbiy pasayish taxminan 3,6 foiz) deyarli 8 baravar tez;

onalar o‘limi uchun ham xuddi shunday. Uchinchidan, umr ko‘rish davomiyligi maqsadida erkaklar uchun +4,0, ayollar uchun +0,6 yil ko‘zda tutilgan: demak, maqsadga erishish mehnat yoshidagi erkaklar o‘limini, ayniqsa qon aylanish kasalliklari va baxtsiz hodisalardan o‘limni keskin kamaytirishga bog‘liq.

To‘rtinchidan, ajralishlar koeffitsiyentini 2030-yilgacha ikki baravar qisqartirish uchun ularning soni yiliga o‘rtacha 12,9 foizga kamayishi kerak, holbuki 2020–2025-yillarda yiliga taxminan 2,0 foizga o‘sgan. Beshinchidan, urbanizatsiyani 51 dan 60 foizga yetkazish 2050-yilda 41 million aholi bo‘lganda shahar aholisini 19,4 dan 24,6 million kishiga, ya’ni 5,2 millionga oshirishni anglatadi; shu bilan birga 3.8-bandda yirik shaharlar va poytaxt aholisi o‘sishini cheklash, 3.9-bandda qishloqdan shaharga erkin ko‘chishga sharoit yaratish ko‘zda tutilgan, bu ikki yo‘nalish bir-biriga zid talqin qilinishi mumkin. Nihoyat, bosqichlar mazmunida (2026–2030 va 2030–2040-yillar) ichki va tashqi migratsiya, urbanizatsiya, statistika va kadrlar yo‘nalishlari (3.8–3.11-bandlar) hamda yoshlar bandligi alohida tadbirlar sifatida ko‘rsatilmagan, vaholanki aynan ular 2.5 va 2.7-bandlardagi muammolarni hal etishi kerak.

Xulosa va takliflar.

Tadqiqot natijalari quyidagi xulosalarga olib keladi. Birinchidan, Konsepsiyaning tashxisi demografik vaziyatning ikki tomonlama xususiyatini to‘g‘ri aks ettiradi: tabiiy o‘sish yuqori (702,5 ming kishi), tug‘ilganlar o‘lganlardan 5 baravar ko‘p, lekin qarish alomatlari kuchaymoqda va mehnat yoshidagi erkaklar o‘limi yuqori. Ikkinchidan, har yili mehnat yoshiga kiruvchi 520 ming kishiga nisbatan doimiy ish o‘rinlari 360 mingdan oshmaydi, kamomad kamida 160 ming kishi, 2026–2030-yillarda esa kamida 0,8 million kishi; yangi kiruvchilarning 59,4 foizi oltita viloyatga to‘g‘ri keladi va ular tashqi mehnat migratsiyasi eng yuqori hududlar bilan mos tushadi. Uchinchidan, o‘n bir maqsadli ko‘rsatkichdan yettitasi uchun bazaviy daraja keltirilgan, muddat esa faqat bittasi uchun belgilangan; chaqaloqlar va onalar o‘limi hamda ajralishlar maqsadlari mavjud tendensiyalardan keskin farq qiladi. To‘rtinchidan, bosqichlar mazmunida migratsiya va urbanizatsiya yo‘nalishlari aks etmagan.

Shu asosda quyidagi takliflar beriladi:

- har bir maqsadli ko‘rsatkich uchun bazaviy yil, qiymat, ma’lumot manbasi va hisoblash usulini ko‘rsatuvchi indikator pasportini shakllantirish; bazaviy qiymati yo‘q ko‘rsatkichlar (maktabgacha ta’lim qamrovi, ayollar va yoshlar bandligi, qonuniy mehnat migratsiyasi) uchun ularni birinchi navbatda aniqlash;

➢ chaqaloqlar va onalar o‘limi maqsadlarini yakuniy qiymat yoki yillik foizli pasayish (tarixiy sur’at – taxminan 3,6 foiz) ko‘rinishida qayta ifodalash;

➢ umr ko‘rish davomiyligi maqsadini mehnat yoshidagi erkaklar o‘limi bo‘yicha alohida indikatorlar (qon aylanish kasalliklari, baxtsiz hodisalar) bilan bog‘lash;

➢ bandlik maqsadlarida o‘zgarish turini (nisbiy yoki mutlaq), yosh chegarasini va bazaviy darajani aniqlashtirish, mehnat yoshiga kiruvchilar va yaratilayotgan ish o‘rinlari balansini hududlar kesimida har yili e’lon qilish, olti viloyat uchun alohida chora-tadbirlar dasturini ishlab chiqish;

➢ ichki va tashqi migratsiya, urbanizatsiya, statistika va kadrlar yo‘nalishlarini birinchi bosqich (2026–2030-yillar) tadbirlariga kiritish, 3.8 va 3.9-bandlar o‘rtasidagi ziddiyatni bartaraf etish, tashqi migratsiya bo‘yicha ma’lumotlarni hududlar kesimida e’lon qilish;

➢ 2030, 2035 va 2040-yillar uchun oraliq nazorat qiymatlarini belgilash, yillik monitoring hisobotini yuritish hamda Konsepsiyadagi aholi prognozlarini joriy statistika va BMT (2024) so‘nggi nashriga moslab yangilash.

Tadqiqotning keyingi yo‘nalishi – yosh-jins tarkibini hisobga oluvchi kogort-komponent usuli asosida hududiy prognozlarni tuzish, ish o‘rinlari balansini tarmoqlar kesimida baholash hamda boshqa mamlakatlarning demografik konsepsiyalari bilan solishtirishdir.

Adabiyotlar:

1. *Becker, G.S. (1960) ‘An economic analysis of fertility’, in Universities-National Bureau Committee for Economic Research (ed.) Demographic and economic change in developed countries. Princeton: Princeton University Press, pp. 209–240.*

2. *Bloom, D.E., Canning, D. and Sevilla, J. (2003) The demographic dividend: a new perspective on the economic consequences of population change. Santa Monica, CA: RAND.*

3. *Bloom, D.E. and Williamson, J.G. (1998) ‘Demographic transitions and economic miracles in emerging Asia’, World Bank Economic Review, 12(3), pp. 419–455.*

4. *Coale, A.J. and Hoover, E.M. (1958) Population growth and economic development in low-income countries: a case study of India’s prospects. Princeton: Princeton University Press.*

5. *Doran, G.T. (1981) ‘There’s a S.M.A.R.T. way to write management’s goals and objectives’, Management Review, 70(11), pp. 35–36.*

6. *Harris, J.R. and Todaro, M.P. (1970) 'Migration, unemployment and development: a two-sector analysis', American Economic Review, 60(1), pp. 126–142.*

7. *Lee, E.S. (1966) 'A theory of migration', Demography, 3(1), pp. 47–57.*

8. *Lesthaeghe, R. (2010) 'The unfolding story of the second demographic transition', Population and Development Review, 36(2), pp. 211–251.*

9. *Lutz, W., Cuaresma, J.C. and Sanderson, W. (2008) 'The demography of educational attainment and economic growth', Science, 319(5866), pp. 1047–1048.*

10. *Mason, A. and Lee, R. (2006) 'Reform and support systems for the elderly in developing countries: capturing the second demographic dividend', Genus, 62(2), pp. 11–35.*

11. *Massey, D.S., Arango, J., Hugo, G., Kouaouci, A., Pellegrino, A. and Taylor, J.E. (1993) 'Theories of international migration: a review and appraisal', Population and Development Review, 19(3), pp. 431–466.*

12. *Notestein, F.W. (1945) 'Population – the long view', in Schultz, T.W. (ed.) Food for the world. Chicago: University of Chicago Press, pp. 36–57.*

13. *Preston, S.H., Heuveline, P. and Guillot, M. (2001) Demography: measuring and modeling population processes. Oxford: Blackwell.*

14. *Todaro, M.P. (1969) 'A model of labor migration and urban unemployment in less developed countries', American Economic Review, 59(1), pp. 138–148.*

15. *United Nations (1995) Report of the International Conference on Population and Development, Cairo, 5–13 September 1994. New York: United Nations.*

16. *United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2024) World Population Prospects 2024. New York: United Nations.*

17. *Van de Kaa, D.J. (1987) 'Europe's second demographic transition', Population Bulletin, 42(1), pp. 1–59.*

18. O'zbekiston aholisining 2050-yilgacha bo'lgan davrda demografik rivojlanishi Konsepsiyasi (loyiha) (2026).

REPRODUKTIV JARAYONLARDAGI DEMOGRAFIK PARADOKSLAR VA ULARNING RAQAMLI TRANSFORMATSIYA SHAROITIDA NAMOYON BO‘LISHI: O‘ZBEKISTON UCHUN DALILLAR VA TADQIQOT MODELI

Mamadaliyeva Xafiza Xoldarovna
Iqtisodiyot fanlari doktori, prof.
Plexanov nomidagi Rossiya iqtisodiyot universitetining Toshkent filiali
ORCID:0009-0002-8412-8062
Bahriddinova Muazzam Azam qizi
TDIU huzuridagi “O‘zbekiston iqtisodiyotini rivojlantirishning ilmiy asoslari va muammolari” ilmiy-tadqiqot markazi katta ilmiy xodimi
ORCID: 0000-0002-3742-5622

Annotatsiya. *Ayollar bandligi va tug‘ilish o‘rtasidagi bog‘liqlik vaqt, mamlakat va institutsional sharoitga qarab o‘zgaradi. Maqolada yuqori daromadli jamiyatlarda kuzatilgan bu bog‘liqlikning shartli o‘zgarishi O‘zbekistonni o‘rganishga qanchalik asos bo‘la olishi tahlil qilinib, mumkin bo‘lgan raqamli-demografik paradoks uchun tadqiqot modeli taklif etilgan: raqamli ish, onlayn tadbirkorlik va moslashuvchan bandlik ayollarning iqtisodiy faolligini oshirib, ish va oila o‘rtasidagi ba’zi cheklovlarni yumshatishi mumkin, raqamli tengsizlik, ish joyining beqarorligi va nikohning kechikishi esa teskari yo‘nalishda ta’sir qilishi ehtimol. Demografik nazariya hamda tug‘ilish, ayollar bandligi, oila siyosati, O‘zbekiston va raqamli muhit bo‘yicha empirik tadqiqotlar umumlashtirilgan, tug‘ilish va bandlik nisbatini ifodalovchi DP = F/E ko‘rsatkichining ehtiyotkor varianti ishlab chiqilgan va uning sababiy emas, tavsifiy indeks sifatida talqin qilinishi lozimligi asoslangan. O‘zbekiston holatini hududiy va yakka tartibdagi bo‘ylama ma’lumotlar asosida o‘rganish zarurligi ko‘rsatilgan. Raqamli-demografik paradoks tasdiqlangan milliy fakt emas, sinab ko‘riladigan farazdir; uning amaliy ahamiyati tug‘ilishni ma’muriy maqsadga aylantirmasdan, ayollar tanlovini kengaytiruvchi oila, mehnat, bolalarga qarash va raqamli inklyuziya siyosatini shakllantirishdadir.*

Kalit so‘zlar: *demografik o‘tish, tug‘ilish, ayollar bandligi, reproduktiv xulq-atvor, raqamli transformatsiya, masofaviy ish, O‘zbekiston, raqamli tengsizlik, hududiy demografiya, ish va oilani uyg‘unlashtirish.*

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПАРАДОКСЫ В РЕПРОДУКТИВНЫХ ПРОЦЕССАХ И ИХ ПРОЯВЛЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ: ФАКТЫ И МОДЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЛЯ УЗБЕКИСТАНА

Мамадалиева Хафиза Холдаровна
Доктор экономических наук, проф.
Ташкентский филиал Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова
Бахриддинова Муаззам Азам кизи
Научно-исследовательский центр «Научные основы и проблемы развития экономики Узбекистана» при ТГЭУ

Аннотация. *Связь между занятостью женщин и рождаемостью не является неизменной во времени, между странами и институциональными условиями. В статье анализируется, может ли условное изменение этой связи, наблюдавшееся в странах с высоким уровнем дохода, служить основой для изучения Узбекистана, и предлагается модель исследования возможного цифрово-демографического парадокса: цифровая работа, онлайн-предпринимательство и гибкая занятость могут повышать экономическую активность женщин и смягчать часть ограничений между работой и семьей, тогда как цифровое неравенство, нестабильность занятости и откладывание брака могут действовать в обратном направлении. Обобщены демографическая теория и эмпирические исследования рождаемости, женской занятости, семейной политики, Узбекистана и цифровой среды; разработан осторожный вариант показателя соотношения рождаемости и занятости DP = F/E и обосновано, что его следует трактовать как описательный индекс, а не причинную меру. Показано, что случай Узбекистана необходимо изучать на региональных и индивидуальных лонгитюдных данных. Цифрово-демографический парадокс – это проверяемая гипотеза, а не установленный национальный факт; его практическое значение состоит в разработке семейной, трудовой, детской и цифровой политики, расширяющей выбор женщин и не превращающей рождаемость в административную цель.*

Ключевые слова: *демографический переход, рождаемость, занятость женщин, репродуктивное поведение, цифровая трансформация, удаленная работа, Узбекистан, цифровое неравенство, региональная демография, совмещение работы и семьи.*

DEMOGRAPHIC PARADOXES IN REPRODUCTIVE PROCESSES AND THEIR MANIFESTATION UNDER DIGITAL TRANSFORMATION: EVIDENCE AND A RESEARCH FRAMEWORK FOR UZBEKISTAN

Mamadaliyeva Khafiza Kholdarovna
Doctor of Economic Sciences, prof.
Tashkent Branch of the Plekhanov Russian University of Economics
Bahriddinova Muazzam Azam qizi
Scientific Research Center "Scientific Foundations and Problems of Economic Development of Uzbekistan" under Tashkent State University of Economics

Abstract. *The relationship between women's employment and fertility is not fixed across time, countries or institutional settings. This article examines whether the conditional reversal of this relationship observed in high-income societies can inform the study of Uzbekistan and proposes a research framework for a possible digital–demographic paradox: digital work, online entrepreneurship and flexible employment may increase women's economic activity and reduce some work–family constraints, while digital inequality, job insecurity and the postponement of marriage may operate in the opposite direction. The article synthesises demographic theory and empirical research on fertility, female employment, family policy, Uzbekistan and digital environments, develops a cautious version of the fertility–employment indicator DP = F/E and shows why it should be treated as a descriptive index rather than a causal measure. It argues that the Uzbek case should be investigated with regional and individual-level longitudinal data. The digital–demographic paradox is therefore a testable hypothesis, not an established national fact; its policy relevance lies in designing family, labour, childcare and digital-inclusion policies that expand women's choices without treating fertility as an administrative target.*

Keywords: *demographic transition, fertility, female employment, reproductive behaviour, digital transformation, remote work, Uzbekistan, digital inequality, regional demography, work–family reconciliation.*

Kirish.

Aholining takror barpo bo‘lishini o‘rganish iqtisodiy rivojlanish va tug‘ilish o‘rtasidagi oddiy qarama-qarshilik bilan cheklanib qolmasligi kerak. Ko‘plab tarixiy

tahlillarda rivojlanish, ta’lim, urbanizatsiya va ayollar bandligining kengayishi tug‘ilishning pasayishi bilan birga kuzatilgan. Biroq bu bog‘liqlik institutsional sharoitga qarab farqlanadi va vaqt o‘tishi bilan o‘zgarishi mumkin: bir xil bandlik maqomi ish haqi, ish joyining barqarorligi, bolalarga qarash xizmatlari, oilaviy ta’til, oiladagi gender munosabatlari, uy-joy xarajatlari, migratsiya va texnologiyadan foydalanish imkoniyatiga qarab turlicha demografik oqibat keltiradi.

Maqolada muhokama qilinadigan demografik paradoks shartli xususiyatga ega. U rivojlanish tug‘ilishni mexanik ravishda oshiradi, degan ma’noni bildirmaydi. Gap ayollar bandligi va tug‘ilish o‘rtasidagi avvalgi manfiy bog‘liqlik jamiyatlar ish va ota-onalikni uyg‘unlashtiruvchi institutlarni shakllantirgach susayadigan yoki teskarisiga aylanadigan holatlar haqida ketmoqda. Luci-Greulich va Thévenon (2014) OECD mamlakatlari bo‘yicha tadqiqotida daromad va tug‘ilish o‘rtasidagi kuchli manfiy bog‘liqlik iqtisodiy ishlab chiqarishning yuqori darajasida saqlanmasligini, ayollar bandligi esa ota-onalarning ish va oilani uyg‘unlashtirish imkoniyati yaxshilangan joylarda tug‘ilishning tiklanishi bilan birga o‘zgarganini aniqlagan. Matysiak va Vignoli (2026) Yevropa, Shimoliy Amerika va Avstraliyadagi 94 ta tadqiqotning 572 ta samara o‘lchamini qamragan meta-tahlilida avval kuchli manfiy bo‘lgan bandlik–tug‘ilish bog‘liqligi 2000–2010-yillarda statistik jihatdan ahamiyatsiz bo‘lib qolganini, bir necha mamlakat guruhida esa musbatga aylanganini, Germaniya va Janubiy Yevropada esa manfiyligicha qolganini ko‘rsatgan.

Bu natijalarni O‘zbekistonga bevosita ko‘chirib bo‘lmaydi: mamlakatning demografik tarixi, oila tizimi, mehnat bozori, ijtimoiy himoya modeli, urbanizatsiya xususiyati va migratsiya profili boshqacha. Shunga qaramay xalqaro adabiyot foydali tahliliy savol beradi: qanday sharoitlarda ayollarning iqtisodiy ishtiroki barqaror yoki yuqori tug‘ilish bilan yonma-yon mavjud bo‘la oladi? Raqamli transformatsiya mehnat tashkil etilishini o‘zgartirayotgan hozirgi davrda bu savol ayniqsa dolzarb. Masofaviy ish, onlayn xizmatlar, platforma bandligi, raqamli tadbirkorlik va moslashuvchan jadval haq to‘lanadigan ish bilan uy majburiyatlari o‘rtasidagi hududiy ajralishni qisqartirishi mumkin. Shu bilan birga raqamli ish beqaror, yetarlicha tartibga solinmagan va notekis taqsimlangan bo‘lishi ham ehtimol; internetning tarqalishi esa axborot muhitini, orzu-intilishlarni, juftlik shakllanishini va reproduktiv qarorlar vaqtini ham o‘zgartirishi mumkin.

Maqolaning to‘rtta maqsadi bor. Birinchidan, demografik paradoksning nazariy mazmunini aniqlashtirish. Ikkinchidan, O‘zbekistonning tug‘ilish va reproduktiv jarayonlarini tarixiy va hududiy tabaqalashgan kontekstga joylash. Uchinchidan, raqamli-demografik paradoksni tasdiqlangan xulosa emas, sinab ko‘riladigan

mexanizm sifatida shakllantirish. To‘rtinchidan, tug‘ilish, ayollar bandligi va raqamli transformatsiya o‘rtasidagi bog‘liqlikni baholash uchun empirik dizayn taklif etish. Markaziy g‘oya shundan iboratki, ayollar bandligi o‘zgarmas ishorali demografik sabab emas: uning ta’siri bandlik mustaqillik va uy xo‘jaligi xavfsizligini oshiradimi yoki yetarli institutsional qo‘llab-quvvatlovsiz vaqt xarajati va noaniqlikni kuchaytiradimi, shunga bog‘liq. Shu sababli raqamli transformatsiya ayrim ayollar uchun ish va oilani uyg‘unlashtirishni yengillashtirsa, boshqalar uchun kechiktirish, beqarorlik va tengsizlikni kuchaytirishi mumkin.

Adabiyotlar sharhi.

Demografik o‘tish va ish–oila munosabati. Demografik o‘tish nazariyasi tug‘ilishning pasayishini keng ijtimoiy-iqtisodiy o‘zgarishlar – o‘limning kamayishi, ta’lim kengayishi, urbanizatsiya, oilaviy strategiyalar o‘zgarishi va bola tarbiyasi xarajatlarining oshishi – bilan bog‘laydi. Mamlakatlararo dalillar bu bog‘liqliklarni bitta mexanizmga keltirib bo‘lmasligini bir necha bor ko‘rsatgan: Caudell (2015) 167 mamlakatning to‘rt o‘n yillik ma’lumotlarini tahlil qilib, o‘lim, iqtisodiy rivojlanish va ayollar imkoniyatlarining kengayishi tug‘ilish bilan bog‘liqligini, biroq ularning hissasi aholi va davrga qarab farqlanishini hamda ko‘pincha chiziqli emasligini aniqlagan. Panopoulou va Tsakloglou (1999) tug‘ilish ayollar ta’limi va urbanizatsiya bilan manfiy bog‘langanini, ayollarning ishchi kuchida ishtiroki bilan esa mamlakatlararo ahamiyatli bog‘liqlik topilmaganini ko‘rsatgan; bu bandlikni ta’lim, urbanizatsiya, oilani rejalashtirish kabi modernizatsiyaning boshqa o‘zaro bog‘liq jihatlaridan ajratish muhimligini bildiradi.

Iqtisodiy modellar bola tug‘ishning muqobil xarajatini ta’kidlaydi: ayollarning ish haqi va bandlik imkoniyatlari oshganda bola tarbiyasiga sarflangan vaqt yuqoriroq yo‘qotilgan daromadga teng bo‘ladi. Bola parvarishi va uy ishlari asosan ayollar zimmasida qolsa, bu mexanizm tug‘ilishni kamaytiradi. Biroq bandlik uy xo‘jaligi daromadini oshirishi, noaniqlikni kamaytirishi, kelishuv kuchini mustahkamlashi va bola ko‘rishni moliyaviy jihatdan yengillashtirishi ham mumkin. Natijada bog‘liqlik institutlarga bog‘liq bo‘lib qoladi: Bernhardt (1993) ayrim sanoatlashgan jamiyatlarda qisman bandlik va institutsional bolalar muassasalari kengayishi bandlik va onalik o‘rtasidagi nomuvofiqlikni susaytirganini, shu bilan birga oiladagi gender tuzilmalari va hokimiyat munosabatlari ham muhimligini ta’kidlagan. Hilgeman va Butts (2009) 20 ta rivojlangan mamlakatda to‘liq stavkali bandlik va milliy bandlik darajasi kutilayotgan tug‘ilishni kamaytirishini, bolalar muassasalariga qamrov esa tug‘ilish bilan musbat bog‘langanini va onalarning ishchi

kuchidan chiqib ketishini kamaytirish orqali tug‘ilish pasayishini yumshatishi mumkinligini topgan.

Bundan bandlik bolalarga qarash xizmati mavjud joyda o‘z-o‘zidan tug‘ilishni oshiradi, degan xulosa chiqmaydi. Bandlik–tug‘ilish bog‘liqligi vaqtning tashkil etilishi, to‘lanmaydigan mehnatning taqsimlanishi, daromadning bashoratliligi va xizmatlar mavjudligiga bog‘liq. Rasmiy ishga ega, lekin ish soatlarini nazorat qila olmaydigan, arzon bolalar muassasasi va ishonchli onalik himoyasiga ega bo‘lmagan ayol uchun bandlik ota-onalik xarajatini oshiradi; barqaror ish, moslashuvchan jadval, yaqin bolalar muassasasi va qo‘llab-quvvatlovchi oilaviy muhitga ega boshqa ayol uchun esa u bola ko‘rishga to‘sqinlik qilmaydi, hatto yordam beradi.

Bandlik–tug‘ilish munosabatining o‘zgarishini shartli va institutsional hodisa sifatida tushunish to‘g‘ri. Oshio (2019) 24 ta OECD mamlakati ma’lumotlari bo‘yicha ma’lumotlar qanchalik yangi bo‘lsa, mamlakat o‘ziga xosliklari nazorat qilinganda ayollarning ishchi kuchida ishtiroki va umumiy tug‘ilish koeffitsiyenti o‘rtasidagi vaqt qatori bog‘liqligi shunchalik musbat bo‘lishini aniqlagan va buni bandlik oshgani sari bola tug‘ilishiga qulayroq bo‘lib borgan ijtimoiy va institutsional sharoit bilan izohlagan. Luci-Greulich va Thévenon (2014) ham iqtisodiy rivojlanish ota-onalarning ish va oilani uyg‘unlashtirishini yaxshilovchi institutsional o‘zgarishlar bilan birga bormasa, tug‘ilishning qayta oshishi kichik bo‘lib qolishini ta’kidlagan. Matysiak va Vignoli (2026) tarixiy o‘zgarish tezisini mustahkamlaydi, biroq uni umumlashtirishni ham cheklaydi: dalillar Yevropa, Shimoliy Amerika va Avstraliyadan olingan, musbat bog‘liqlik esa mamlakat guruhlari bo‘yicha bir xil emas. Shu sababli tushuncha universal qonun sifatida emas, O‘zbekiston uchun bandlik, oila institutlari, ijtimoiy normalar, raqamli kirish va reproduktiv vaqt o‘zaro ta’siri haqidagi faraz sifatida qaralishi kerak.

O‘zbekistondagi reproduktiv kontekst. O‘zbekistonning reproduktiv jarayonlari izchillik va o‘zgarishning uyg‘unligida shakllangan. Agadjanian va Makarova (2003) nikoh va bola tug‘ilishi dinamikasini tahlil qilib, oilaviy xulq-atvordagi izchillik bilan qayta qurish, mustaqillik va keng ijtimoiy-iqtisodiy o‘zgarishlar bilan bog‘liq siljishlar murakkab o‘zaro ta’sirda bo‘lganini ko‘rsatgan; bu tug‘ilishdagi o‘zgarishni bitta iqtisodiy omilga oddiy javob deb qarash mumkin emasligidan ogohlantiradi. Istiqomat joyi va oilaviy kontekstning ahamiyatini tarixiy so‘rov dalillari ham tasdiqlaydi: 1996-yilgi O‘zbekiston demografik va sog‘liq so‘rovida qishloq ayollari shahar ayollariga nisbatan taxminan bitta ko‘proq bola tug‘gan (umumiy tug‘ilish koeffitsiyenti mos ravishda 3,7 va 2,7), nikoh yoshi va istalgan oila hajmida ham farqlar qayd etilgan (Olenick, 1998). Bu ma’lumotlar tarixiy bo‘lib, joriy hududiy

baholar sifatida ishlatilmasligi kerak; ammo ular O‘zbekiston tahlilida shahar va qishloq, nikoh vaqti, tug‘ilish tartibi, yosh, ta’lim va istalgan bolalar sonini ajratish zarurligini ko‘rsatadi.

Markaziy Osiyo bo‘yicha tadqiqotlar 2000-yillar boshidan keyin tug‘ilishning ko‘tarilganini ham qayd etgan. Spoorenberg (2013) Qozog‘iston, Qirg‘iziston va O‘zbekistonda tug‘ilishning yaqinda oshishi turli tug‘ilish tartiblaridagi o‘zgarishni aks ettirganini va ma’lum etnik guruhlarda to‘plangani ko‘rsatgan. Bu natija taklif etilayotgan paradoks uchun muhim: umumiy tug‘ilish oshishi yoki barqaror qolishi mumkin, turli guruhlar esa turlicha reproduktiv traektoriyadan o‘tadi. O‘zbek tadqiqotlarida oila tuzilmasi, ta’lim, sog‘liq, moliyaviy sharoit va oila barqarorligi tug‘ilish dinamikasini belgilovchi omillar sifatida tavsiflanib, aholi o‘sishi demografik dividend imkoniyati bilan bog‘langan (H, 2022). Bu da’volar tabaqalashtirilgan ma’lumotlarda sinalishi kerak: demografik dividend o‘z-o‘zidan paydo bo‘lmaydi, u ishchi kuchi yoshidagi aholining unumli bandlik, ta’lim, sog‘liq va ijtimoiy himoyaga erishishiga bog‘liq.

Hududiy tahlil muhim, chunki milliy o‘rtacha ko‘rsatkichlar turli demografik rejimlarni yashirishi mumkin. O‘zbekistondagi ijtimoiy-iqtisodiy nomutanosibliklar bo‘yicha tadqiqotda daromad, bandlik, infratuzilma va ijtimoiy xizmatlardan foydalanishdagi farqlar hududlar kesimida tug‘ilish, o‘lim va migratsiya bilan bog‘liqligi qayd etilgan (Mamadalieva, 2026). Demografik tendensiyalar va mehnat bozori bo‘yicha tadqiqotda hududiy kontrastlar, jumladan Toshkent shahrida tug‘ilishning pastligi va o‘limning yuqoriligi, ichki migratsiya buni qoplamasa mehnat taklifi bosimi yuzaga kelishi mumkinligi ko‘rsatilgan (Sodirovich va Muhamadiyevna, 2021). Bu topilmalar hududiy yondashuvni asoslaydi, lekin ayrim hududlarda raqamli-demografik paradoks borligini o‘zi tasdiqlamaydi. Qashqadaryo, Surxondaryo, Samarqand, Farg‘ona yoki Toshkent haqidagi da’volar tug‘ilish, ayollar bandligi, ta’lim, urbanizatsiya, migratsiya, raqamli kirish va uy xo‘jaligi xususiyatlari bo‘yicha uyg‘unlashtirilgan, sanasi aniq ma’lumotlarni talab qiladi; ularsiz hududiy tavsiflar isbotlangan natija emas, tahliliy kutish sifatida berilishi kerak.

Raqamli transformatsiya va reproduktiv xulq-atvor. Raqamli transformatsiya tug‘ilishga bir necha kanal orqali ta’sir qilishi mumkin. Masofaviy ish yo‘lga ketadigan vaqtni qisqartiradi va bandlikning hududiy moslashuvchanligini oshiradi; onlayn xizmatlar harakatlanish cheklovi bor ayollar uchun daromad imkoniyatini yaratadi; raqamli tadbirkorlik uy xo‘jaligi daromadini diversifikatsiya qiladi; elektron davlat xizmatlari bolalarga qarash, sog‘liq, ta’lim va ijtimoiy himoya haqidagi axborotdan

foydalanishni yaxshilaydi. Bu mexanizmning ishonchliligini Xitoy dalillari tasdiqlaydi: Wang va Fan (2025) mehnat bo‘yicha so‘rov ma’lumotlari va instrumental o‘zgaruvchilar strategiyasi yordamida moslashuvchan ish va tug‘ilish niyatini o‘rganib, moslashuvchanlik kuchliroq tug‘ilish niyati bilan bog‘langanini, bu bog‘liqlik qisman ish va oila ziddiyati, ishdan va hayotdan qoniqishning kamayishi orqali o‘tganini, haqiqiy tug‘ilish xulq-atvori bilan ham musbat bog‘liqlik borligini ko‘rsatgan. Bu topilmalar Xitoydan olingan va O‘zbekistondagi raqamli ishga emas, moslashuvchan ishga tegishli; shu sababli ular mexanizmni qo‘llab-quvvatlaydi, to‘g‘ridan-to‘g‘ri milliy xulosa bermaydi. Gibrid ish tug‘ilish darajasini emas, uning vaqtini ham o‘zgartirishi mumkin: ayol barqaror raqamli daromad, tan olingan malaka yoki moslashuvchan ish tartibiga ega bo‘lgunicha bola tug‘ilishini kechiktirishi, sharoit yaxshilangach esa qisman qoplashi mumkin.

Raqamli transformatsiya teskari yo‘nalishda ham ishlashi mumkin. Onlayn ish beqaror daromad, to‘lanmaydigan “doim aloqada bo‘lish”, algoritmik nazorat, zaif mehnat huquqlari va ish bilan uy o‘rtasidagi xiralashgan chegarani o‘z ichiga olishi mumkin. Raqamli kirish ta’lim va karyera imkoniyatlarini kengaytirib, nikoh yoki birinchi tug‘ilishni kechiktirishi, onlayn muhit esa muqobil turmush tarzlariga ta’sirni oshirib, iqtisodiy kutishlarni kengaytirishi va oila qurish xarajatini ko‘tarishi mumkin. 71 ta mamlakat bo‘yicha mamlakatlararo tadqiqotda iqtisodiy rivojlanish, aholi xususiyatlari va gender tenglik ko‘rsatkichlari nazorat qilinganda internetning tarqalishi umumiy tug‘ilishning pastligi bilan bog‘langani, bu manfiy bog‘liqlik rivojlanayotgan mamlakatlarda ahamiyatli, rivojlangan mamlakatlarda esa musbat, ammo statistik ahamiyatsiz bo‘lgani aniqlangan (Chow va boshq., 2026). Natija raqamlashtirish o‘z-o‘zidan tug‘ilishni qo‘llab-quvvatlaydi, degan taxminga qarshi ogohlantiradi. Moslashuvchan ish va internet tarqalishi o‘rtasidagi zohiriy qarama-qarshilik nazariy jihatdan ma’lumotli: raqamli transformatsiya bitta o‘zgaruvchi emas. Internetga kirish, raqamli ko‘nikmalar, masofaviy ish, platforma bandligi, onlayn ta’lim, raqamli davlat xizmatlari va raqamli tengsizlik turlicha demografik ta’sirga ega bo‘lishi mumkin.

Tadqiqot metodologiyasi.

Maqola kontseptual-tahliliy xususiyatga ega: u o‘n yettita manbadagi nazariy va empirik dalillarni umumlashtiradi, ular asosida mexanizmni shakllantiradi va uni O‘zbekiston ma’lumotlarida sinash uchun o‘lchov hamda tadqiqot dizaynini taklif etadi. Empirik hisob-kitoblar o‘tkazilmagan, shu sababli natijalar tasdiqlangan

baholar emas, sinaladigan faraz va o‘lchov protokolidir.

Tug‘ilish va ayollar iqtisodiy ishtiroki nisbatini ifodalovchi ko‘rsatkich DP = F/E formulasi bilan beriladi, bunda F – tug‘ilish o‘lchovi, E – ayollar bandligi yoki iqtisodiy faollik darajasi. Nisbatdan hududlar yoki davrlar bo‘yicha tug‘ilishni ayollar iqtisodiy ishtirokiga nisbatan solishtirish ko‘zda tutiladi. Ko‘rsatkichni izchil qo‘llash uchun quyidagi o‘lchov protokoli taklif etiladi:

– aniqlanmagan “tug‘ilish koeffitsiyenti” o‘rniga umumiy tug‘ilish koeffitsiyenti yoki yosh bo‘yicha tug‘ilish koeffitsiyentlaridan foydalanish;

– ayollar bandligini yosh guruhi, bandlik maqomi, ish soati, tarmoq, rasmiylik, kasb va masofaviy yoki gibrid ish bo‘yicha aniqlash;

– nisbat bilan birga surat va maxrajni alohida e’lon qilish;

– F va E uchun bir xil bazaviy yil va bir xil hududiy birliklardan foydalanish;

– yosh tarkibi va shahar-qishloq tarkibini standartlashtirish yoki modellashtirish;

– korrelyatsiya va sababiy ta’sirni farqlash;

– so‘rov asosidagi baholar uchun ishonch oraliqlarini keltirish;

– natijalarning tug‘ilish va bandlikning muqobil o‘lchovlariga chidamliligini tekshirish.

Kuchliroq empirik model tug‘ilish natijalarini bandlik, raqamli kirish, bolalarga qarash xizmati, ta’lim, migratsiya, daromad, urbanizatsiya va uy xo‘jaligi tuzilmasi funksiyasi sifatida baholaydi. Hududiy qat’iy effektlar vaqt bo‘yicha o‘zgarmaydigan farqlarni, vaqt effektlari milliy shoklarni nazorat qilishi mumkin. Yakka tartibdagi modellar tug‘ilish niyati, tug‘ilish vaqti va yakuniy tug‘ilganlar sonini o‘rganadi; vositachilik tahlili moslashuvchan ish daromad xavfsizligi yoki ish va oila ziddiyatining kamayishi orqali ishlashini tekshiradi. Mos dizayn hududiy panel ma’lumotlarni yakka tartibdagi yoki uy xo‘jaligi so‘rovlari bilan birlashtiradi: hududiy ma’lumotlar bir necha yil uchun tug‘ilish, ayollar bandligi, ish haqi, ta’lim, urbanizatsiya, bolalarga qarash xizmati, migratsiya, internetga kirish va uy xo‘jaligi daromadini; yakka ma’lumotlar tug‘ilish niyati, tug‘ilganlar soni, birinchi tug‘ilishdagi yosh, bandlik maqomi, ish soati, jadval moslashuvchanligi, masofaviy ish, daromad, sherik xususiyatlari, bolalarga qarash va migratsiya tajribasini qamrashi kerak. Minimal tahlil tavsifiy hududiy profillar, yoshi standartlashtirilgan tug‘ilish taqqoslari, korrelyatsiya va ko‘p o‘zgaruvchili regressiyani o‘z ichiga oladi; kuchliroq variant panel qat’iy effektlar, birinchi va keyingi tug‘ilishlar uchun hodisalar tarixi modellari, hududlarga joylashgan shaxslar uchun ko‘p darajali modellar hamda raqamli kirish va bandlik turi bilan o‘zaro ta’sir a’zolaridan

foydalanadi. Siyosat yoki infratuzilma o‘zgarishlari ishonchli ekzogen o‘zgaruvchanlik yaratgan joyda kvazieksperimental usullar sababiy talqinni yaxshilaydi. Davr tug‘ilishi kogort tug‘ilishidan ajratilishi lozim: kechikish sababli tug‘ilishning vaqtinchalik kamayishi yakuniy oila hajmini shunga mos kamaytirmasdan umumiy tug‘ilish koeffitsiyentini pasaytirishi, vaqtinchalik tiklanish esa doimiy o‘zgarish emas, qoplovchi tug‘ilishlarni aks ettirishi mumkin.

Tadqiqot savollari quyidagicha. RQ1: ayollar bandligi va tug‘ilish o‘rtasidagi bog‘liqlik O‘zbekiston hududlari hamda shahar-qishloq muhitlarida farqlanadimi? RQ2: masofaviy, gibrid yoki onlayn ish ayollar bandligi va tug‘ilish niyati yoki vaqti o‘rtasidagi bog‘liqlikni o‘zgartiradimi? RQ3: bolalarga qarash xizmatlaridan foydalanish bandlik va tug‘ilish munosabatida vositachilik qiladimi? RQ4: raqamli tengsizlik daromad, ta’lim, yosh va qishloq guruhlarida turlicha tug‘ilish ta’sirini beradimi? RQ5: mehnat migratsiyasi va uy xo‘jaligining ajralishi ayollar bandligi, raqamli ish va reproduktiv qarorlar bilan qanday o‘zaro ta’sirda bo‘ladi? Mos farazlar shartli bo‘lib qoladi:

– H1: bandlik–tug‘ilish bog‘liqligi hududlar bo‘yicha geterogen va bitta milliy koeffitsiyent bilan to‘liq ifodalanmaydi;

– H2: ayollarda jadval nazorati, barqaror daromad, bolalarga qarash xizmati va qo‘llab-quvvatlovchi oilaviy muhit bo‘lgan joyda bandlik tug‘ilish bilan ko‘proq mos keladi;

– H3: masofaviy yoki gibrid ish ish va oila ziddiyatining pastligi bilan bog‘liq, biroq bu bog‘liqlik beqaror platforma ishidagi ayollarga qaraganda barqaror va himoyalangan ishdagi ayollarda kuchliroq;

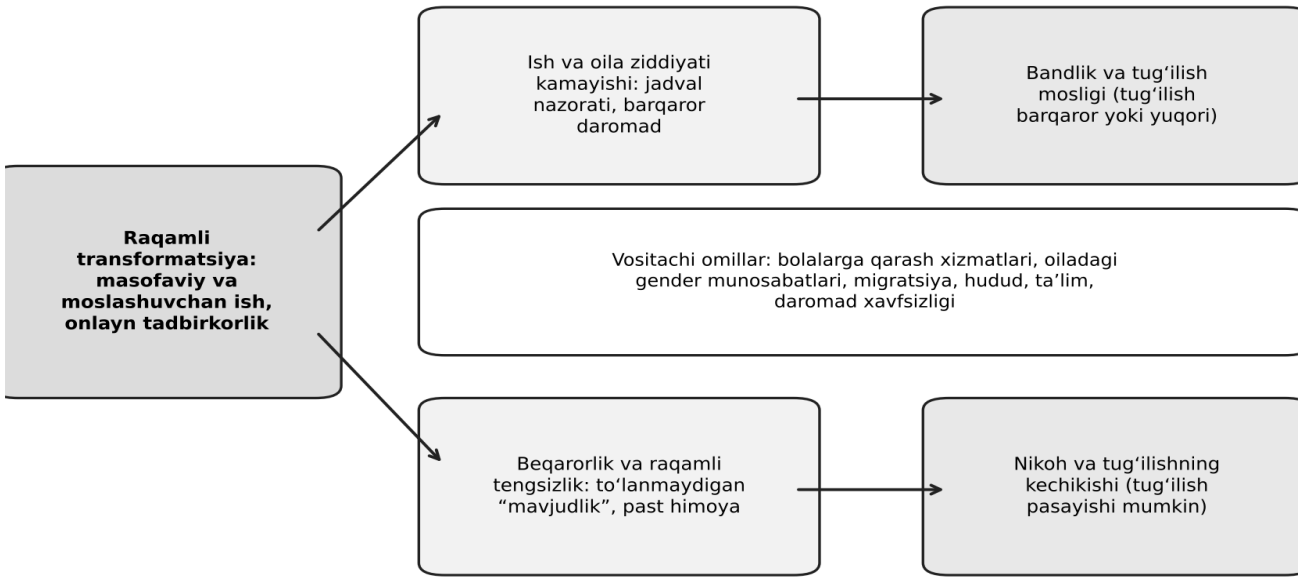
– H4: raqamli tengsizlik bandlik va tug‘ilish o‘rtasidagi munosabatni moderatsiya qiladi: raqamli jihatdan qamrab olinganlarda musbat yoki neytral, beqarorlik va chetlanishga duch kelgan guruhlarda esa manfiyroq bog‘liqlik hosil qiladi;

– H5: migratsiya va uy xo‘jaligining ajralishi tug‘ilish vaqtini o‘zgartiradi va mahalliy bandlik bilan tug‘ilish o‘rtasidagi munosabatni xiralashtirishi mumkin.

Tahlil va natijalar.

Raqamli-demografik paradoks tushunchasi. Maqolada raqamli-demografik paradoks shartli holat sifatida aniqlanadi: raqamli transformatsiya ayollarning iqtisodiy faolligini oshiradi, lekin oddiy muqobil xarajat modeli bashorat qiladigan tug‘ilish pasayishini keltirib chiqarmaydi, chunki ish va oila uyg‘unligini ham yaxshilaydi. Faraz uch qismdan iborat: (1) raqamli kirish va moslashuvchan ish

ayollar bandligi yoki daromad imkoniyatini oshiradi; (2) institutsional va uy xo‘jaligi sharoitlari raqamli ish ish-oila ziddiyatini kamaytiradimi yoki kuchaytiradimi, shuni hal qiladi; (3) tug‘ilish natijalari raqamli kirish, ish sifati, bolalarga qarash, gender munosabatlari, migratsiya va iqtisodiy xavfsizlikka qarab hududlar va ijtimoiy guruhlar bo‘yicha farqlanadi (1-rasm).

1-rasm. Raqamli transformatsiya tug‘ilishga ta’sirining taklif etilayotgan mexanizmi

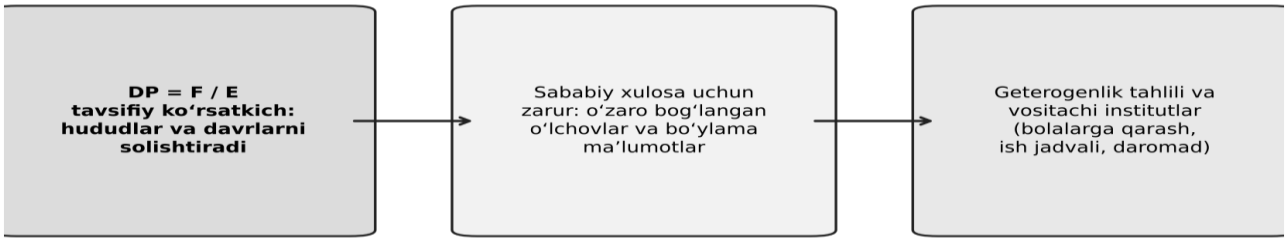
Manba: *Muallif tomonidan ishlab chiqilgan kontseptual model; empirik baho emas.*

Faraz raqamlashtirish O‘zbekistonda tug‘ilishni oshiradi, degan da’vo sifatida talqin qilinmasligi kerak. U geterogen ta’sirlarni bashorat qiladi. Raqamli inklyuziya barqaror daromad va moslashuvchanlik bergan joyda tug‘ilishni qo‘llab-quvvatlashi, bandlik kengayib, bolalarga qarash yordami zaif qolgan joyda neytral bo‘lishi, raqamli ish beqarorlikni oshirsa, oila qurishni kechiktirsa yoki faqat yuqori ma’lumotli shahar guruhlariga naf bersa, tug‘ilishni kamaytirishi mumkin.

DP = F/E ko‘rsatkichini talqin qilish.

DP ko‘rsatkichi tavsifiy boshlang‘ich nuqta sifatida foydali bo‘lishi mumkin, ammo uni talqin qilish ehtiyotkorlikni talab qiladi. Birinchidan, F va E izchil aniqlanishi kerak: umumiy tug‘ilish koeffitsiyenti, tug‘ilishning dag‘al koeffitsiyenti, yosh bo‘yicha va tartib bo‘yicha tug‘ilish o‘zaro almashtirib bo‘lmaydi. Ikkinchidan, nisbat o‘lchov birliklari va maxrajga sezgir: 1000 aholiga dag‘al tug‘ilish koeffitsiyentini bandlik foiziga bo‘lish umumiy tug‘ilish koeffitsiyentini bandlikdagi ayollar ulushiga bo‘lishdan boshqa shkalaga ega. Uchinchidan, yuqori nisbat “ilg‘or”

yoki “an’anaviy” demografik modelni bildirmaydi; u yosh tarkibi, nikoh vaqti, migratsiya, ta’lim, daromad yoki o‘lchov xatosini aks ettirishi mumkin. Samarqand viloyati uchun Tairova (2024) 2014–2023-yillar tahlilida tug‘ilish va ayollar bandligi o‘rtasida teskari bog‘liqlikni qayd etgan va ayollarning ish hamda oila majburiyatlarini uyg‘unlashtirishini, jumladan maktabgacha ta’limdan foydalanishni yaxshilashni qo‘llab-quvvatlovchi siyosatni tavsiya qilgan. Bu topilma bog‘liqlik yo‘nalishi paradoks tushunchasidan taxmin qilinmay, har bir joy uchun baholanishi zarurligini ko‘rsatadi.

2-rasm. DP = F/E nisbati tavsifiy ko‘rsatkichdir: mexanizmni sinash uchun bog‘langan o‘lchovlar, bo‘ylama ma’lumotlar va vositachi institutlar tahlili talab etiladi

Manba: *Muallif tomonidan ishlab chiqilgan kontseptual sxema.*

Nisbat sababiy bog‘liqlikni ham isbotlamaydi: DP qiymatining pasayishi bandlikning oshishi, tug‘ilishning kamayishi, yosh tarkibining o‘zgarishi yoki ularning har qanday uyg‘unligi bilan bog‘liq bo‘lishi mumkin. Stolnitz (1956) kengroq tarkibiy muammoni ko‘rsatgan: aholining ijtimoiy-iqtisodiy tarkibi o‘zgarsa, tarmoq bo‘yicha tug‘ilish tendensiyalari farq qilganda ham umumiy tug‘ilish o‘zgarishi mumkin. Shu sababli hududiy taqqoslarda yosh, urbanizatsiya, tartib va boshqa tarkibiy omillar standartlashtirilishi kerak (2-rasm).

Paradoksni sinash uchun zarur ko‘rsatkichlar to‘plami 1-jadvalda jamlangan. U tugallangan hisob-kitoblar natijasi emas, tadqiqot dizaynidir.

Hududiy ahamiyati: Qashqadaryo va boshqa hududlar. Taklif etilayotgan model Qashqadaryoga alohida e’tibor qaratadi va u yerda yuqori tug‘ilish, qishloq istiqomati, ayollar bandligining pastligi, migratsiya va kengayib borayotgan raqamli kirish birga mavjud bo‘lishi mumkinligini ko‘rsatadi. Bu holat tadqiqot uchun mos: an’anaviy reproduktiv xulq-atvor bilan yangi raqamli bandlik o‘rtasidagi o‘zaro ta’sirni o‘rganishga imkon beradi. Biroq bu bog‘liqliklarning yo‘nalishi va kattaligi taxmin qilinmay, baholanishi kerak. Qashqadaryo bo‘yicha tadqiqot tumanlar yoki shaharlarni bir xil davr va ta’riflarda solishtirishi, yosh va tug‘ilish tartibi bo‘yicha tug‘ilishni, rasmiy va norasmiy

maqom bo‘yicha ayollar bandligini, qishloq istiqomatini, ta’lim, migratsiya, internetga kirish, raqamli ko‘nikmalar, bolalarga qarash xizmati, daromad va uy xo‘jaligi tarkibini qamrashi lozim. Masofaviy ishlaydigan ayollarni oddiy internetdan foydalanuvchilardan ajratish zarur, chunki internetga kirish raqamli bandlikni bildirmaydi.

1-jadval

Raqamli-demografik paradoksni O‘zbekistonda sinash uchun taklif etilgan o‘zgaruvchilar

Tahliliy jihat	Asosiy indikator	Zarur tafsilot	Talqin
Tug‘ilish darajasi	Umumiy tug‘ilish koeffitsiyenti; yosh bo‘yicha tug‘ilish koeffitsiyenti	Hudud, shahar/qishloq, yosh, tug‘ilish tartibi	Bola tug‘ish darajasi va vaqti
Tug‘ilish vaqti	Birinchi tug‘ilishdagi yosh; tug‘ilishlar oralig‘i	Ta’lim, bandlik, nikoh, hudud	Kechikish yoki tezlashish
Ayollar bandligi	Bandlik va ishchi kuchida ishtirok darajasi	Yosh, ta’lim, tarmoq, ish soati, rasmiylik	Iqtisodiy ishtirok
Raqamli ish	Masofaviy, gibrid, onlayn yoki platforma asosidagi ish ulushi	Hudud, kasb, daromad, raqamli ko‘nikma	Haq to‘lanadigan ishning tashkil etilishi
Ish va oila uyg‘unligi	Bolalarga qarash xizmati, ta’til, jadval nazorati, yo‘lga ketadigan vaqt	Uy xo‘jaligi turi, bolalar yoshi, hudud	Institutsional vositachilik
Iqtisodiy xavfsizlik	Daromad, daromad o‘zgaruvchanligi, uy-joy va bolalarga qarash xarajatlari	Uy xo‘jaligi daromadi, bandlik turi	Oila qurish imkoniyati
Migratsiya	Vaqtinchalik migratsiya, qaytish, uy xo‘jaligining ajralishi	Jins, yosh, manzil, davomiylik	Uzilish yoki resurs ta’siri
Raqamli inklyuziya	Internet, qurilma va raqamli savodxonlikka kirish	Daromad, jins, qishloq/shahar, ta’lim	Raqamli imkoniyatlarga notekis kirish

Manba: *Muallif tomonidan taklif etilgan tadqiqot dizayni; tugallangan hisob-kitoblar natijasi emas.*

Tahlil raqamli bandlik haqiqatan parvarish bilan mos kelishini ham sinashi kerak. Uyda ishlash yo‘lga ketadigan vaqtni qisqartirishi mumkin, lekin umumiy yuklamani kamaytirmasligi ehtimol: ayollar haq to‘lanadigan onlayn ishni to‘lanmaydigan uy mehnati bilan qo‘shib, qo‘sh yuklamaga duch kelishi mumkin. Shu sababli ish soati, jadval nazorati, uzilishlar, bolalarga qarash tartiblari va oila a’zolari parvarish majburiyatlarini bo‘lishishi o‘lchanishi kerak. Xuddi shu mantiq Toshkent, Samarqand, Farg‘ona, Surxondaryo va boshqa hududlarga ham tegishli: ayollar bandligi yuqori, tug‘ilish past shahar to‘g‘ridan-to‘g‘ri bandlik ta’siri emas, nikohning kechikishi va yuqoriroq ta’limni

aks ettirishi mumkin; tug‘ilish yuqori, o‘lchangan bandlik past qishloq hududi esa rasmiy statistika qamrab olmaydigan to‘lanmaydigan oilaviy mehnat yoki norasmiy faoliyatni o‘z ichiga olishi mumkin.

Xulosa va takliflar.

Tadqiqot natijalari quyidagi xulosalarga olib keladi. Birinchidan, ayollar bandligi va tug‘ilish o‘rtasidagi munosabat tarixiy va institutsional kontekstlarda o‘zgargan; dalillar bandlik tug‘ilishni muqarrar pasaytiradi yoki avtomatik tiklaydi, degan universal da’voni qo‘llab-quvvatlamaydi, bog‘liqlik bolalarga qarash xizmati, gender munosabatlari, ish sharoiti, daromad xavfsizligi, migratsiya, urbanizatsiya, ta’lim va oila siyosatiga bog‘liq. Ikkinchidan, O‘zbekiston uchun demografik paradoks shartli tadqiqot muammosi sifatida shakllantirilishi kerak: asosiy savol raqamli transformatsiya ayrim ayollar uchun bandlik va oila qurishni mosroq qiladimi, boshqalar uchun esa kechikish va beqarorlikni kuchaytiradimi. Uchinchidan, internet tarqalishi va tug‘ilish bo‘yicha mamlakatlararo dalillar raqamlashtirish rivojlanayotgan va rivojlangan kontekstlarda turlicha ta’sir qilishini ko‘rsatadi (Chow va boshq., 2026). To‘rtinchidan, DP = F/E nisbati hududiy kontrastlarni tavsiflashga yordam berishi mumkin, ammo demografik modelni yoki sababiy mexanizmni o‘zi isbotlamaydi; uni aniq o‘lchovlar, yosh standartlashtirish, surat va maxrajni alohida e’lon qilish hamda bo‘ylama ko‘p darajali tahlil bilan to‘ldirish zarur. Modelning asosiy hissasi nisbatning o‘zida emas, tug‘ilish, bandlik, raqamli kirish, bolalarga qarash, migratsiya va hududiy tengsizlikni bitta sinaladigan modelga birlashtirishdadir.

Taklif etilgan raqamli-demografik paradoks O‘zbekiston uchun tahlil qilingan materialda empirik tasdiqlanmagan; maqola kontseptual va uslubiy asos beradi, tugallangan hududiy statistik sinov emas; DP ko‘rsatkichi mikroma’lumotlar bilan validatsiya qilinmagan va sababiy baho keltirilmagan. Xalqaro dalillarning ko‘pi yuqori daromadli mamlakatlarga tegishli; tadqiqotlar ayollar bandligi va tug‘ilishni turli tahlil darajalarida o‘lchaydi; masofaviy ish, platforma bandligi, raqamli ko‘nikmalar va raqamli tengsizlik demografik modellarga kam kiritilgan; hududiy statistika norasmiy ish, to‘lanmaydigan oilaviy mehnat va vaqtinchalik migratsiyani yetarli qamramasligi, tug‘ilish o‘lchovlari esa kechikish va yosh tarkibidan buzilishi mumkin. Bu bo‘shliqlar tushunchadan voz kechish emas, tadqiqot kun tartibini belgilaydi.

Shu asosda quyidagi takliflar beriladi:

- bolalarga qarash xizmatini mehnat bozori va demografik infratuzilma sifatida rivojlantirish, bu onalarning ishchi kuchidan chiqib ketishini kamaytirishi mumkinligini hisobga olish (Hilgeman va Butts, 2009);

➢ moslashuvchan ishni mehnat sifati masalasi sifatida tartibga solish: himoyalangan masofaviy ishni beqaror platforma ishidan ajratish, chunki moslashuvchanlik haqiqiy jadval nazorati, bashorat qilinadigan daromad va himoya bo‘lgandagina tug‘ilish niyatini qo‘llab-quvvatlaydi;

➢ raqamli inklyuziyani gender jihatdan sezgir va hududiy maqsadli qilish: qurilma, keng polosali aloqa, raqamli ko‘nikma, xavfsiz onlayn to‘lovlar va tan olingan o‘qitishni bolalarga qarash, transport, sog‘liq va ijtimoiy himoya xizmatlari bilan uyg‘unlashtirish;

➢ demografik siyosatga migratsiyani kiritish: vaqtinchalik mehnat migratsiyasi uy xo‘jaligi resurslarini oshirsa-da, uzoq ajralish nikoh, tug‘ilish vaqti va parvarishga ta’sir qilishi mumkin, shu sababli migratsiya ma’lumotlarini maxfiylikni saqlagan holda reproduktiv va uy xo‘jaligi so‘rovlari bilan bog‘lash;

➢ siyosatni shiorlar emas, natijalar bo‘yicha baholash: bola tug‘ilgandan keyin ayollar bandligining saqlanishi, daromad, bolalarga qarashdan foydalanish, jadval nazorati, tug‘ilish vaqti, istalgan va amalga oshgan tug‘ilish, uy xo‘jaligi farovonligi va hududiy tengsizlikni kuzatish; sog‘liq, mustaqillik yoki bola farovonligi yaxshilanmagan tug‘ilish oshishini shartsiz yutuq deb hisoblamaslik.

Tadqiqotning keyingi yo‘nalishi – Qashqadaryo va boshqa hududlar bo‘yicha uyg‘unlashtirilgan hududiy panel va yakka tartibdagi so‘rov ma’lumotlarini yig‘ish, DP ko‘rsatkichini mikroma’lumotlarda validatsiya qilish hamda H1–H5 farazlarini ko‘p darajali va hodisalar tarixi modellarida sinashdir. Oxir-oqibat raqamli-demografik paradoks O‘zbekistonda yuzaga kelishi mumkin, ammo u umumiy tendensiyalardan yoki tanlangan hududiy misollardan xulosa chiqarib emas, ishonchli ma’lumotlar bilan ko‘rsatilishi kerak.

Adabiyotlar:

1. *Agadjanian, V. and Makarova, E. (2003) ‘From Soviet modernization to post-Soviet transformation: understanding marriage and fertility dynamics in Uzbekistan’, Development and Change. Available at: https://doi.org/10.1111/1467-7660.00314.*

2. *Bernhardt, E.M. (1993) ‘Fertility and employment’, European Sociological Review. Available at: https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.esr.a036659.*

3. *Caudell, M.A. (2015) ‘The interplay of mortality, economics, and female empowerment in fertility transformations’, Cross-Cultural Research. Available at: https://doi.org/10.1177/1069397115591152.*

4. *Chow, T., Tang, C.S.K. and Siu, T.S.U. (2026) ‘Reproductive health in digitally transforming societies: internet diffusion and fertility patterns across 71 nations’, Health Psychology Research. Available at: https://doi.org/10.36922/hpr026200094.*

5. *H, A.H. (2022) Changes of reproductive behavior of women of fertile age in Uzbekistan and factors of modern fertility increase. CyberLeninK.*

6. *Hilgeman, C. and Butts, C.T. (2009) ‘Women’s employment and fertility: a welfare*

regime paradox', Social Science Research. Available at: https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2008.08.005.

7. *Luci-Greulich, A. and Thévenon, O. (2014) 'Does economic advancement "cause" a re-increase in fertility? An empirical analysis for OECD countries (1960–2007)', European Journal of Population / Revue Européenne de Démographie. Available at: https://doi.org/10.1007/s10680-013-9309-2.*

8. *Mamadalieva, E. (2026) 'Socio-economic imbalances and their impact on human resource reproduction in the regions of Uzbekistan', Respublica Literaria. Available at: https://doi.org/10.47850/rl.2026.7.1.93-103.*

9. *Matysiak, A. and Vignoli, D. (2026) 'The end of an era: the vanishing negative effect of women's employment on fertility', Population and Development Review. Available at: https://doi.org/10.1111/padr.70053.*

10. *Olenick, I. (1998) 'Among Uzbekistani women little difference exists between actual and desired levels of fertility', International Family Planning Perspectives. Available at: https://doi.org/10.2307/2991919.*

11. *Oshio, T. (2019) 'Is a positive association between female employment and fertility still spurious in developed countries?', Demographic Research. Available at: https://doi.org/10.4054/demres.2019.41.45.*

12. *Panopoulou, G. and Tsakloglou, P. (1999) 'Fertility and economic development: theoretical considerations and cross-country evidence', Applied Economics. Available at: https://doi.org/10.1080/000368499323229.*

13. *Sodirovich, U.B. and Muhamadiyevna, K.G. (2021) 'Demographic trends and their impact on the labor market of Uzbekistan', ACADEMICIA: An International Multidisciplinary Research Journal. Available at: https://doi.org/10.5958/2249-7137.2021.00854.5.*

14. *Spoorenberg, T. (2013) 'Fertility changes in Central Asia since 1980', Asian Population Studies. Available at: https://doi.org/10.1080/17441730.2012.752238.*

15. *Stolnitz, G.J. (1956) 'Population composition and fertility trends', American Sociological Review. Available at: https://doi.org/10.2307/2088427.*

16. *Tairova, A. (2024) 'The impact of fertility on the female employment rate in the Samarkand region of the Republic of Uzbekistan', Voprosy Statistiki. Available at: https://doi.org/10.34023/2313-6383-2024-31-6-69-81.*

17. *Wang, Z. and Fan, Z. (2025) 'Freedom and cradle: the impact of flexible work on Chinese women's fertility intention', Population, Space and Place. Available at: https://doi.org/10.1002/psp.70111.*

SUV RESURSLARINING BARQAROR RIVOJLANISHGA TA'SIRI: O'ZBEKISTON, TOJIKISTON VA OZARBAYJON MISOLIDA

Xamdamov Shoh-Jaxon Raxmat o'g'li
Toshkent davlat iqtisodiyot universiteti dotsenti
sh.xamdamov@tsue.uz
Sodiqjonov Lochinbek Bahromjon o'g'li
Talaba, Toshkent davlat iqtisodiyot universiteti, Toshkent, O'zbekiston
alsodiqamericano@gmail.com

Annotatsiya. *Maqolada suv resurslari, iqtisodiy o'sish va qashshoqlik darajasi o'rtasidagi bog'liqlik O'zbekiston, Tojikiston va Ozarbayjon misolida tahlil qilinadi. Tadqiqot 1990–2022-yillarni qamrab olgan 33 yillik panel ma'lumotlariga asoslangan. Ma'lumotlar tarkibida suv ko'rsatkichi (WS), yalpi ichki mahsulotning logarifmi (lnGDP) va qashshoqlik darajasi (POV) mavjud. Vaqtli qatorlarning statsionarligi ADF testi orqali tekshirildi. Barcha darajadagi qatorlar 5% ahamiyatlilik darajasida statsionar emasligi aniqlandi. Shundan so'ng qatorlar differensiallandi va VAR modeli baholandi. Optimal laglar O'zbekiston (UZB) uchun 4, Tojikiston (TJK) uchun 1, Ozarbayjon (AZE) uchun 4 etib tanlandi. VAR natijalariga ko'ra, ayniqsa Ozarbayjonda suv ko'rsatkichi, iqtisodiy o'sish va qashshoqlik o'rtasida kechikkan ta'sirlar kuzatiladi. Granger sababiylik testi texnik xatolik (NaN/ERR) bergani sababli bu bo'yicha ishonchli xulosa chiqarilmadi. Prognozlar 2023–2027-yillarga mo'ljalangan bo'lib, ular asosan differensial ko'rinishdagi o'zgarishlarni ifodalaydi. Tadqiqot natijalari suv resurslarini boshqarish, iqtisodiy o'sishni rag'batlantirish va qashshoqlikni qisqartirish bo'yicha kompleks siyosat yuritish zarurligini ko'rsatadi.*

Kalit so'zlar: *suv resurslari, barqaror rivojlanish, VAR modeli, ADF testi, qashshoqlik, YaIM, O'zbekiston, Tojikiston, Ozarbayjon, transchegaraviy suvlar, iqtisodiy o'sish.*

IMPACT OF WATER RESOURCES ON SUSTAINABLE DEVELOPMENT: THE CASE OF UZBEKISTAN, TAJIKISTAN AND AZERBAIJAN

Khamdamov Shoh-Jakhon
Associate Professor, Tashkent State University of Economics
Sodikjonov Lochinbek
Student, Tashkent State University of Economics, Tashkent, Uzbekistan

Abstract. *This article examines the relationship between water resources, economic growth and poverty levels in Uzbekistan, Tajikistan and Azerbaijan. The study is based on 33 years of panel data covering 1990–2022. The data includes water indicator (WS), logarithm of GDP (lnGDP) and poverty rate (POV). Stationarity of time series was tested using the ADF test. All series at levels were found to be non-stationary at the 5% significance level. The series were then differenced and a VAR model was estimated. Optimal lags were selected as 4 for Uzbekistan (UZB), 1 for Tajikistan (TJK), and 4 for Azerbaijan (AZE). According to VAR results, lagged effects between water indicator, economic growth and poverty are observed, especially in Azerbaijan. Due to technical errors (NaN/ERR) in the Granger causality test, no reliable conclusion was drawn. Forecasts are made for 2023–2027, mainly representing changes in differenced form. The results indicate the need for a comprehensive policy on water resource management, economic growth promotion and poverty reduction.*

Keywords: *water resources, sustainable development, VAR model, ADF test, poverty, GDP, Uzbekistan, Tajikistan, Azerbaijan, transboundary waters, economic growth.*

ВЛИЯНИЕ ВОДНЫХ РЕСУРСОВ НА УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ: НА ПРИМЕРЕ УЗБЕКИСТАНА, ТАДЖИКИСТАНА И АЗЕРБАЙДЖАНА

Хамдамов Шах-Жахон Рахмат оглы
Доцент Ташкентского государственного экономического университета
Содикжонов Лочинбек Бахромжон угли
Студент, Ташкентский государственный экономический университет, Ташкент, Узбекистан

Аннотация. *В статье анализируется взаимосвязь между водными ресурсами, экономическим ростом и уровнем бедности на примере Узбекистана, Таджикистана и Азербайджана. Исследование основано на 33-летних панельных данных за 1990–2022 годы. Данные включают водный показатель (WS), логарифм ВВП (lnGDP) и уровень бедности (POV). Стационарность временных рядов проверялась с помощью теста ADF. Все ряды на уровнях оказались нестационарными при 5% уровне значимости. Затем ряды были продифференцированы и оценена модель VAR. Оптимальные лаги выбраны: 4 для Узбекистана (UZB), 1 для Таджикистана (TJK), 4 для Азербайджана (AZE). Согласно результатам VAR, запаздывающие эффекты между водным показателем, экономическим ростом и бедностью наблюдаются, особенно в Азербайджане. Из-за технических ошибок (NaN/ERR)*

в тесте причинности Грейнджера достоверный вывод не сделан. Прогнозы составлены на 2023–2027 годы и в основном отражают изменения в дифференцированной форме. Результаты указывают на необходимость комплексной политики в области управления водными ресурсами, стимулирования экономического роста и сокращения бедности.

Ключевые слова: *водные ресурсы, устойчивое развитие, модель VAR, тест ADF, бедность, ВВП, Узбекистан, Таджикистан, Азербайджан, трансграничные воды, экономический рост.*

Kirish.

Suv resurslari barqaror rivojlanishning muhim omillaridan biridir. Aholi o‘sishi, iqtisodiy faoliyatning kengayishi, qishloq xo‘jaligi va sanoat ehtiyojlari suvga bo‘lgan talabni oshirmoqda. Jahon banki ko‘rsatkichlari mamlakatlarning iqtisodiy o‘sishi va qashshoqlik darajasini baholash imkonini beradi [1]; FAO AQUASTAT ma’lumotlar bazasi suv resurslari va ulardan foydalanish hajmini aks ettiradi [2]; Ekologiya, atrof-muhitni muhofaza qilish va iqlim o‘zgarishi vazirligi ma’lumotlari mamlakatdagi ekologik va suv holatini tavsiflaydi [3]; Statistika agentligi ma’lumotlari esa iqtisodiy va ijtimoiy ko‘rsatkichlar dinamikasini ifodalaydi [4]. Markaziy Osiyo va Janubiy Kavkaz mintaqalarida suv taqchilligi, transchegaraviy suv resurslaridan foydalanish va iqlim o‘zgarishi bilan bog‘liq muammolar dolzarb ahamiyat kasb etmoqda. Suv resurslari nafaqat iqtisodiy, balki ijtimoiy va ekologik barqarorlikning kafolatidir. Markaziy Osiyoda suv resurslari transchegaraviy xususiyatga ega bo‘lib, davlatlararo hamkorlikni talab qiladi. Ozarbayjon esa Janubiy Kavkazda suv resurslaridan foydalanish va iqtisodiy o‘sish o‘rtasidagi munosabatni o‘rganish uchun qiyosiy misol bo‘la oladi.

Ushbu tadqiqotda suv ko‘rsatkichi, iqtisodiy o‘sish va qashshoqlik darajasi o‘rtasidagi munosabat O‘zbekiston, Tojikiston va Ozarbayjon misolida o‘rganiladi. Maqsad – suv resurslaridan foydalanishning iqtisodiy o‘sish va qashshoqlikni qisqartirishga ta’sirini ekonometrik jihatdan baholash. Tadqiqot natijalari suv resurslarini boshqarish bo‘yicha strategik qarorlar qabul qilishda muhim ahamiyatga ega.

Tadqiqotning maqsadi – suv resurslarining iqtisodiy o‘sish va qashshoqlikka ta’sirini O‘zbekiston, Tojikiston va Ozarbayjon misolida baholash. Ushbu maqsadga erishish uchun quyidagi vazifalar belgilandi:

– suv resurslari, iqtisodiy o‘sish va qashshoqlik o‘rtasidagi nazariy bog‘liqlikni o‘rganish;

– ADF testi yordamida vaqtli qatorlarning statsionarligini tekshirish;

– VAR modeli asosida optimal laglarni tanlash va modelni baholash;

– Granger sababiylik testini o‘tkazish;

– 2023–2027-yillar uchun prognozlar hisoblash;

– suv resurslarini boshqarish bo‘yicha takliflar ishlab chiqish.

Tadqiqotning ilmiy yangiligi shundaki, u suv resurslari, iqtisodiy o‘sish va qashshoqlik o‘rtasidagi munosabatni VAR modeli asosida uch mamlakat misolida qiyosiy tahlil qiladi. Shuningdek, tadqiqotda differensiallangan qatorlar asosida prognozlar hisoblanadi va natijalar ehtiyotkorlik bilan talqin qilinadi. Tadqiqotning ilmiy ahamiyati shundaki, u suv resurslari, iqtisodiy o‘sish va qashshoqlik o‘rtasidagi munosabatni bir vaqtning o‘zida uch mamlakat misolida tahlil qilib, suv resurslarini boshqarish bo‘yicha amaliy tavsiyalar ishlab chiqishga xizmat qiladi.

Adabiyotlar tahlili.

Suv resurslari va iqtisodiy rivojlanish o‘rtasidagi bog‘liqlik ko‘plab tadqiqotlarda o‘rganilgan. Ayrim ishlarda suv ta’minoti va irrigatsiya xizmatlarining yaxshilanishi qishloq xo‘jaligi samaradorligini oshiradi, bu esa daromadlarni ko‘paytiradi va qashshoqlikni kamaytiradi. Boshqa tadqiqotlarda suvdan foydalanish samaradorligi past bo‘lgan hududlarda iqtisodiy o‘sish barqaror bo‘lmasligi qayd etiladi. Shuningdek, suv resurslarini boshqarishda davlat siyosati, investitsiyalar, texnologik yangilanish va institutsional sifat muhim rol o‘ynaydi.

Metodologik jihatdan Sims (1980) tomonidan taklif etilgan VAR modeli makroiqtisodiy o‘zgaruvchilar o‘rtasidagi dinamik munosabatlarni tahlil qilishda keng qo‘llaniladi [5]. Granger (1969) sababiylik testi o‘zgaruvchilar o‘rtasidagi sabab-oqibat bog‘liqliklarini aniqlashga yordam beradi [6]. Dickey va Fuller (1979) tomonidan ishlab chiqilgan ADF testi esa vaqtli qatorlarning statsionarligini tekshirishning asosiy usuli hisoblanadi [7]. Ushbu tadqiqotda mazkur metodlar zamonaviy ekonometrik tahlil talablariga mos ravishda qo‘llanildi.

Markaziy Osiyo davlatlari uchun suv resurslari nafaqat iqtisodiy, balki ijtimoiy va ekologik barqarorlikning kafolatidir. O‘zbekistonda atrof-muhit sifati bo‘yicha olib borilgan tadqiqotlar ekologik omillar iqtisodiy va ijtimoiy natijalar bilan chambarchas bog‘liqligini ko‘rsatadi. Xususan, Usmanov va Xamdamov Toshkent shahrida havoning ifloslanishining barqaror rivojlanishga ta’sirini tahlil qilgan [8]; Bekmirzaev va Yusupov sanoat chiqindilarining shahar havosi ifloslanishiga ta’sirini o‘rgangan [9]; Djuraev yashil hududlarning havo sifatini yaxshilashdagi rolini yoritgan [10]; Ergashev havo ifloslanishining aholi salomatligiga ta’sirini baholagan [11]; Ganiev havo ifloslanishini monitoring qilish tizimlarini baholagan [12]; Ismailov va Xamraev transport chiqindilarini kamaytirish strategiyalarini siyosat nuqtayi nazaridan tahlil qilgan [13]; Karimov esa shahar rejalashtirishining havo ifloslanishini kamaytirishdagi rolini ko‘rsatgan [14]. So‘nggi yillarda raqamli texnologiyalar va sun’iy intellektning O‘zbekiston iqtisodiyotidagi o‘rni ortib bormoqda [15]; suv resurslarini boshqarishda ham raqamli texnologiyalar,

masofadan zondlash va monitoring tizimlaridan foydalanish tendensiyasi kuchaymoqda. Bu esa suv yo‘qotishlarini kamaytirish va samaradorlikni oshirishga xizmat qiladi.

Ushbu tadqiqot mavjud adabiyotlarni to‘ldiruvchi ravishda uch mamlakat uchun VAR modeli asosida qisqa muddatli dinamik munosabatlarni baholaydi. Ozarbayjon Janubiy Kavkazda suv resurslaridan foydalanish va iqtisodiy o‘sish o‘rtasidagi munosabatni o‘rganish uchun qiyosiy misol bo‘lib xizmat qiladi.

Tadqiqot metodologiyasi.

Tadqiqotda 1990–2022-yillarni qamrab olgan 33 yillik ma’lumotlardan foydalanildi. Yakuniy dataset 33 satr va 9 ustundan iborat. Ustunlar: WS_UZB, WS_TJK, WS_AZE – suv ko‘rsatkichi; lnGDP_UZB, lnGDP_TJK, lnGDP_AZE – YaIMning logarifmi; POV_UZB, POV_TJK, POV_AZE – qashshoqlik darajasi.

Ma’lumotlar manbasi sifatida Jahon banki [1], FAO AQUASTAT [2], Ekologiya, atrof-muhitni muhofaza qilish va iqlim o‘zgarishi vazirligi [3], O‘zbekiston Statistika agentligi [4] hamda boshqa rasmiy manbalardan foydalanildi. Tahlil Python dasturining statsmodels kutubxonasi yordamida amalga oshirildi.

Metodologik bosqichlar quyidagilardan iborat:

Kengaytirilgan Dikki–Fuller (ADF) testi [7] yordamida qatorlarning statsionarligi tekshirildi.

Statsionar bo‘lmagan qatorlar differensiallandi.

Vektor avtoregressiya (VAR) modeli [5] uchun optimal laglar AIC, BIC, FPE va HQIC axborot mezonlari asosida tanlandi.

Har bir mamlakat uchun VAR modeli baholandi.

Granger sababiylik testi [6] o‘tkazildi.

2023–2027-yillar uchun prognozlar hisoblandi.

VAR modeli quyidagi ko‘rinishga ega:

$$Y_t = A_1 Y_{t-1} + A_2 Y_{t-2} + \ldots + A_p Y_{t-p} + u_t$$

bu yerda Y_t – endogen o‘zgaruvchilar vektori, A – koeffitsientlar matritsasi, u_t – xatolik vektori.

Optimal laglar tanlangandan so‘ng, har bir tenglama OLS usulida baholandi. Model barqarorligi AR ildizlari orqali tekshirildi. Granger sababiylik testi uchun F-testidan foydalanildi. Prognozlar differensiallangan qatorlar asosida hisoblandi va ular darajadagi mutlaq qiymatlar emas, balki o‘zgarishlar ko‘rinishida talqin qilinishi kerak.

Tadqiqotda quyidagi gipotezalar ilgari surildi:

H1: Suv ko‘rsatkichi iqtisodiy o‘sishga ta’sir qiladi.

H2: Iqtisodiy o‘sish qashshoqlikni kamaytiradi.

H3: Suv ko‘rsatkichi qashshoqlikka ta’sir qiladi.

Ushbu gipotezalar VAR modeli va Granger sababiylik testi yordamida tekshirildi.

Tahlil va natijalar muhokamasi.

ADF testi (darajalar). ADF testi [7] natijalariga ko‘ra, barcha qatorlar 5% ahamiyatlilik darajasida statsionar emas (1-jadval).

1-jadval.

ADF testi natijalari (darajalar)

Qator	ADF statistikasi	p-qiymat	Lag	Statsionar (5%)
WS_UZB	−0,9904	0,7567	10	Yo‘q
lnGDP_UZB	−0,5546	0,8809	1	Yo‘q
POV_UZB	−1,2241	0,6631	3	Yo‘q
WS_TJK	−1,1232	0,7057	2	Yo‘q
lnGDP_TJK	0,2848	0,9766	0	Yo‘q
POV_TJK	−0,6364	0,8625	0	Yo‘q
WS_AZE	−2,8309	0,0540	2	Yo‘q
lnGDP_AZE	−0,7003	0,8467	1	Yo‘q
POV_AZE	−1,4128	0,5761	0	Yo‘q

Manba: *muallif hisob-kitoblari; dastlabki ma’lumotlar [1, 2, 4].*

Demak, qatorlar darajada statsionar emas. Shu sababli ular differensiallandi va keyingi tahlillar differensiallangan dataset asosida o‘tkazildi. Differensiallangan dataset 32 satr va 9 ustundan iborat.

Optimal laglarni tanlash. UZB uchun AIC bo‘yicha 4-lag, BIC bo‘yicha 1-lag, FPE bo‘yicha 1-lag, HQIC bo‘yicha 1-lag eng yaxshi natija berdi. Yakuniy tanlov 4-lag bo‘ldi. TJK uchun barcha mezonlar 0-lagni ko‘rsatdi, ammo amalda 1-lag tanlandi. AZE uchun AIC bo‘yicha 4-lag, BIC bo‘yicha 0-lag, FPE bo‘yicha 4-lag, HQIC bo‘yicha 0-lag eng yaxshi natija berdi. Yakuniy tanlov 4-lag bo‘ldi. Tanlangan optimal laglar: UZB = 4, TJK = 1, AZE = 4 (2-jadval).

2-jadval.

Axborot mezonlari bo‘yicha optimal laglar

Mamlakat	AIC	BIC	FPE	HQIC	Tanlangan lag
UZB	4	1	1	1	4
TJK	0	0	0	0	1
AZE	4	0	4	0	4

Manba: *muallif hisob-kitoblari; dastlabki ma’lumotlar [1, 2, 4].*

VAR modeli natijalari. O‘zbekiston (UZB). WS_UZB tenglamasida L2.WS_UZB koeffitsienti 0,9007 (p=0,000), L4.WS_UZB koeffitsienti −1,0918 (p=0,000) bo‘lib, suv ko‘rsatkichida kechikkan tebranishlar mavjudligini ko‘rsatadi. lnGDP_UZB tenglamasida

L1.POV_UZB −0,0285 (p=0,039) va L4.POV_UZB 0,0362 (p=0,020) ahamiyatli. POV_UZB tenglamasida L1.POV_UZB 1,0825 (p=0,000), L3.POV_UZB 0,6758 (p=0,041) va L4.POV_UZB −0,4883 (p=0,083) koeffitsientlari kuzatiladi. Bu qashshoqlikning o‘z-o‘zidan kuchli davom etish xususiyatini bildiradi. O‘zbekistonda suv ko‘rsatkichi va qashshoqlik o‘rtasidagi bog‘liqlik to‘g‘ridan-to‘g‘ri emas, balki kechikkan ta’sirlar orqali namoyon bo‘ladi.

Tojikiston (TJK). VAR modelida asosan POV_TJK tenglamasidagi L1.POV_TJK koeffitsienti 0,4346 (p=0,018) ahamiyatli. Boshqa ko‘rsatkichlar bo‘yicha ishonchli ta’sirlar kuzatilmadi. Bu Tojikistonda suv, YaIM va qashshoqlik o‘rtasidagi qisqa muddatli bog‘liqlik nisbatan kuchsiz ekanini ko‘rsatadi. Ehtimol, Tojikistonda suv resurslaridan foydalanish iqtisodiyotga ta’siri uzoq muddatli investitsiyalar va infratuzilma loyihalari orqali kechikadi.

Ozarbayjon (AZE). WS_AZE tenglamasida bir nechta ahamiyatli koeffitsientlar mavjud: L1.WS_AZE −0,4320 (p=0,022), L2.lnGDP_AZE −8,1446 (p=0,002), L2.POV_AZE −0,6051 (p=0,037), L3.POV_AZE −0,7095 (p=0,014), L4.WS_AZE 0,6134 (p=0,003), L4.lnGDP_AZE 2,3196 (p=0,026). POV_AZE tenglamasida L1.POV_AZE 0,4099 (p=0,018), L3.WS_AZE −0,2718 (p=0,003), L4.WS_AZE 0,4766 (p=0,000) ahamiyatli. Demak, Ozarbayjonda suv ko‘rsatkichi, iqtisodiy o‘sish va qashshoqlik o‘rtasida kechikkan ta’sirlar yaqqolroq namoyon bo‘ladi. Ayniqsa, suv ko‘rsatkichining 4-lagi qashshoqlikka ijobiy ta’sir qilishi (0,4766) suv resurslarining uzoq muddatli iqtisodiy samaraga ega ekanini ko‘rsatadi.

Granger sababiylik testi. Granger sababiylik testi [6] natijalarida barcha yo‘nalishlar bo‘yicha NaN/ERR holati qayd etildi. Bu texnik xatolik model spetsifikatsiyasi, ma’lumotlar sifati yoki statsionarlik shartlarining buzilishi bilan bog‘liq bo‘lishi mumkin. Shu sababli bu test asosida ishonchli sababiy xulosa chiqarilmadi. Kelgusi tadqiqotlarda model spetsifikatsiyasi, ma’lumotlar sifati va statsionarlik shartlarini qayta tekshirish zarur. Shuningdek, VECM modeli yoki tuzilmaviy VAR yondashuvlari qo‘llanishi mumkin.

Prognoz natijalari (2023–2027). Quyidagi prognozlar differensiallangan qatorlar asosida olingan, ya’ni ular darajadagi mutlaq qiymatlar emas, balki o‘zgarishlar ko‘rinishida talqin qilinishi kerak (3-, 4- va 5-jadvallar).

3-jadval.

O‘zbekiston (UZB) uchun prognoz natijalari, 2023–2027

Yil	WS_UZB	lnGDP_UZB	POV_UZB
2023	−8,4115	0,1175	3,6667
2024	14,8842	−0,1197	5,7126
2025	15,6345	−0,5365	8,3815
2026	10,8402	−0,5537	8,0408
2027	17,7994	−0,7657	5,5027

Manba: *muallif hisob-kitoblari; dastlabki ma’lumotlar [1, 2, 4].*

3-jadvaldan ko‘rinadiki, O‘zbekistonda suv ko‘rsatkichining prognoz o‘zgarishlari

beqaror va katta amplitudaga ega: 2023-yilda −8,4115 bo‘lgan o‘zgarish 2024-yilda 14,8842 ga, 2025-yilda 15,6345 ga ko‘tariladi, 2026-yilda 10,8402 ga tushadi va 2027-yilda 17,7994 ga yetadi. Prognoz davri uchun o‘zgarishlar yig‘indisi taxminan 50,75 birlikni tashkil etadi, ya’ni boshlang‘ich yildagi darajaga nisbatan suv ko‘rsatkichi umuman oshishi kutiladi, biroq bu o‘sish tekis emas, balki keskin tebranishlar bilan kechadi. Bunday tebranishlar VAR natijalarida WS_UZB tenglamasida L2 va L4 koeffitsientlarining qarama-qarshi ishorali (0,9007 va −1,0918) bo‘lishi bilan mos keladi va suv ko‘rsatkichidagi kechikkan, davriy xarakterdagi dinamikani aks ettiradi.

YaIM logarifmining o‘zgarishi 2023-yilda ijobiy (0,1175) bo‘lsa-da, 2024-yildan boshlab manfiy bo‘lib, −0,1197 dan −0,7657 gacha chuqurlashib boradi. Prognoz davri uchun jami o‘zgarish taxminan −1,86 ga teng bo‘lib, bu iqtisodiy o‘sish sur’atlarining sekinlashishi mumkinligini bildiradi. Qashshoqlik ko‘rsatkichining o‘zgarishi esa butun davr mobaynida ijobiy: 3,6667 dan 2025-yilda 8,3815 gacha oshib, 2026–2027-yillarda 8,0408 va 5,5027 ga pasayadi. Jami o‘zgarish taxminan 31,30 birlikni tashkil etadi, ya’ni model qashshoqlik ko‘rsatkichining oshishini, o‘sish sur’atining esa 2025-yildan keyin sekinlashishini ko‘rsatmoqda. Bu natija VAR modelidagi POV_UZB tenglamasida L1 koeffitsientining yuqori (1,0825) bo‘lishi, ya’ni qashshoqlikning o‘z-o‘zidan davom etish xususiyati bilan izohlanishi mumkin.

Shunday qilib, O‘zbekiston uchun prognozlar suv ko‘rsatkichining beqarorligi, iqtisodiy o‘sishning sekinlashishi va qashshoqlik ko‘rsatkichining oshishi o‘rtasida murakkab bog‘liqlik mavjudligini ko‘rsatadi. Prognozlar differensiallangan qatorlar asosida olingani va Granger testi natija bermagani sababli, bu bog‘liqlikni sabab-oqibat sifatida emas, balki model asosidagi dinamik tendensiya sifatida talqin qilish lozim.

4-jadval.

Tojikiston (TJK) uchun prognoz natijalari, 2023–2027

Yil	WS_TJK	lnGDP_TJK	POV_TJK
2023	0,5177	0,0501	−1,7841
2024	0,0607	0,0393	−2,0619
2025	−0,1089	0,0425	−2,1723
2026	−0,1543	0,0455	−2,2377
2027	−0,1663	0,0473	−2,2770

Manba: *muallif hisob-kitoblari; dastlabki ma’lumotlar [1, 2, 4].*

4-jadvalda Tojikiston uchun prognoz natijalari keltirilgan. Suv ko‘rsatkichining o‘zgarishi 2023-yilda 0,5177 bo‘lib, 2024-yilda 0,0607 ga keskin kamayadi, 2025–2027-yillarda esa nolga yaqin va sal manfiy qiymatlar (−0,1089, −0,1543 va −0,1663) qabul qiladi. Prognoz davri uchun jami o‘zgarish atigi 0,15 birlikni tashkil etadi, ya’ni

suv ko‘rsatkichi amalda deyarli o‘zgarmay qoladi. O‘zbekistondagi keskin tebranishlardan farqli o‘laroq, Tojikistonda prognoz trayektoriyasi silliq va barqaror, bu VAR modelida (1-lag) suv ko‘rsatkichi bo‘yicha ahamiyatli koeffitsientlar aniqlanmaganligi bilan mos keladi.

YaIM logarifmining o‘zgarishi barcha yillarda ijobiy va kichik (0,0393 dan 0,0501 gacha) bo‘lib, jami taxminan 0,22 ni tashkil etadi. Bu iqtisodiy o‘sishning sekin, ammo uzluksiz davom etishini bildiradi. Qashshoqlik ko‘rsatkichining o‘zgarishi barcha yillarda manfiy: −1,7841 dan −2,2770 gacha, ya’ni har yili pasayish sur’ati biroz kuchayib boradi. Prognoz davri uchun jami o‘zgarish taxminan −10,53 birlikni tashkil etadi, bu uch mamlakat ichida qashshoqlikning eng aniq va izchil pasayishidir. Mazkur natija POV_TJK tenglamasidagi L1 koeffitsientining (0,4346) ahamiyatli bo‘lishi, ya’ni qashshoqlik dinamikasining asosan o‘z kechikishlari bilan bog‘liqligi bilan uyg‘un.

Demak, Tojikistonda suv ko‘rsatkichining o‘zgarishlari kichik bo‘lganida ham iqtisodiy o‘sish barqaror, qashshoqlik esa pasayish tendensiyasida qolishi kutilmoqda. Biroq suv, YaIM va qashshoqlik o‘rtasidagi bevosita bog‘liqlik VAR natijalarida ishonchli tasdiqlanmagani sababli, qashshoqlikning pasayishini faqat suv omiliga bog‘lash to‘g‘ri bo‘lmaydi; unda boshqa omillar, jumladan infratuzilma loyihalari va tashqi omillar ham rol o‘ynashi mumkin.

5-jadval.

Ozarbayjon (AZE) uchun prognoz natijalari, 2023–2027

Yil	WS_AZE	lnGDP_AZE	POV_AZE
2023	−1,0464	0,2868	1,4996
2024	−2,1665	0,1830	−1,4189
2025	−0,1371	0,0897	0,1582
2026	−0,7809	0,0219	−0,3499
2027	−0,6999	0,0408	−0,3100

Manba: *muallif hisob-kitoblari; dastlabki ma’lumotlar [1, 2, 4].*

5-jadvalga ko‘ra, Ozarbayjonda suv ko‘rsatkichining o‘zgarishi prognoz davrining barcha yillarida manfiy: 2023-yilda −1,0464, 2024-yilda −2,1665 bilan eng past nuqtaga tushadi, 2025-yilda −0,1371 ga ko‘tariladi va 2026–2027-yillarda −0,7809 hamda −0,6999 atrofida qoladi. Jami o‘zgarish taxminan −4,83 birlikni tashkil etadi, ya’ni suv ko‘rsatkichining pasayish tendensiyasi kuzatiladi. Bu uch mamlakat ichida suv ko‘rsatkichi bo‘yicha yagona izchil manfiy trayektoriya bo‘lib, VAR modelida Ozarbayjon uchun suv ko‘rsatkichining o‘z kechikishlari va YaIM bilan bog‘liq ko‘plab ahamiyatli koeffitsientlar aniqlangani bilan mos keladi.

YaIM logarifmining o‘zgarishi barcha yillarda ijobiy bo‘lsa-da, 2023-yildagi 0,2868 dan 2024-yilda 0,1830 ga, 2025-yilda 0,0897 ga va 2026-yilda 0,0219 ga

qadar izchil kamayadi, 2027-yilda esa 0,0408 ga ozgina tiklanadi. Prognoz davri uchun jami o‘zgarish taxminan 0,62 ni tashkil etadi, ya’ni iqtisodiy o‘sish davom etadi, ammo uning sur’ati sezilarli sekinlashadi. Qashshoqlik ko‘rsatkichining o‘zgarishi aralash dinamikaga ega: 2023-yilda 1,4996 ga oshib, 2024-yilda −1,4189 ga keskin pasayadi, 2025-yilda 0,1582 ga qaytadi va 2026–2027-yillarda −0,3499 hamda −0,3100 ga teng bo‘ladi. Jami o‘zgarish taxminan −0,42 birlik bo‘lib, qashshoqlikning umumiy darajasi deyarli o‘zgarmasligini, ya’ni yil sayin tebranishlar bir-birini muvozanatlashini ko‘rsatadi.

Shunday qilib, Ozarbayjonda suv ko‘rsatkichining pasayishi, iqtisodiy o‘sish sur’atining sekinlashishi va qashshoqlikning tebranma dinamikasi bir vaqtda kuzatiladi. Bu natijalar POV_AZE tenglamasida suv ko‘rsatkichining 3- va 4-lagi (−0,2718 va 0,4766) ahamiyatli ekanligi, ya’ni suv omilining qashshoqlikka ta’siri kechikib namoyon bo‘lishi haqidagi xulosani qo‘llab-quvvatlaydi. Shu bilan birga, prognozlar differensiallangan qatorlarga asoslangani va Granger testi ishonchli natija bermagani sababli, ularni aniq sababiy bog‘liqlik emas, balki ehtiyotkorlik bilan talqin qilinadigan taxminiy tendensiya sifatida qabul qilish lozim.

Umuman olganda, prognozlarga ko‘ra, O‘zbekistonda suv ko‘rsatkichi o‘zgarishlari beqaror, qashshoqlik o‘zgarishi esa ijobiy tomonga siljishi mumkin. Tojikistonda qashshoqlik o‘zgarishi manfiy, ya’ni qashshoqlikning pasayish tendensiyasi saqlanadi. Ozarbayjonda esa aralash dinamika kuzatiladi.

Natijalar muhokamasi.

Tadqiqot natijalari suv resurslari, iqtisodiy o‘sish va qashshoqlik o‘rtasidagi munosabat murakkab va mamlakatga xos ekanini ko‘rsatadi. O‘zbekistonda qashshoqlikning kechikkan ta’sirlari sezilarli. Tojikistonda bog‘liqlik kuchsizroq. Ozarbayjonda esa suv ko‘rsatkichi va iqtisodiy o‘sishning qashshoqlikka ta’siri yaqqolroq. Bu farqlar mamlakatlarning iqtisodiy tuzilmasi, suv resurslaridan foydalanish samaradorligi va institutsional rivojlanish darajasi bilan bog‘liq bo‘lishi mumkin.

Shuningdek, suv resurslari ko‘rsatkichi sifatida ishlatilgan WS o‘zgaruvchisi faqat suv miqdorini emas, balki uning sifatini ham aks ettirishi mumkin. Kelgusi tadqiqotlarda suv resurslarining iqtisodiyotga ta’sirini baholashda suvdan foydalanish samaradorligi, sug‘orish tizimlari holati va suv yo‘qotishlari kabi qo‘shimcha ko‘rsatkichlarni kiritish maqsadga muvofiq.

Granger testidagi xatolik va differensiallangan qatorlar asosida olingan prognozlar natijalarni ehtiyotkorlik bilan talqin qilishni talab etadi. Kelgusi tadqiqotlarda uzoq muddatli kointegratsiya, VECM modeli va tuzilmaviy uzilishlar testlaridan foydalanish maqsadga muvofiq.

Xulosa va takiflar.

Mazkur tadqiqot suv resurslari, iqtisodiy o‘sish va qashshoqlik o‘rtasidagi munosabatni uch mamlakat misolida baholadi. ADF testi barcha qatorlar darajada statsionar emasligini ko‘rsatdi. VAR modeli natijalari mamlakatlar bo‘yicha turlicha ta’sirlarni aniqladi. O‘zbekiston va Ozarbayjonda kechikkan ta’sirlar kuchliroq, Tojikistonda esa nisbatan kuchsiz. Granger testidagi texnik xatolik sababli sababiylik bo‘yicha qat’iy xulosa chiqarilmadi.

Shunga qaramay, olingan natijalar suv resurslarini boshqarish va qashshoqlikni qisqartirish bo‘yicha strategik qarorlar qabul qilishda muhim ahamiyatga ega. Kelgusi tadqiqotlarda uzoq muddatli kointegratsiya, VECM modeli va tuzilmaviy uzilishlar testlaridan foydalanish maqsadga muvofiq. Shuningdek, suv resurslarining iqtisodiyotga ta’sirini baholashda suvdan foydalanish samaradorligi, sug‘orish tizimlari holati va suv yo‘qotishlari kabi qo‘shimcha ko‘rsatkichlarni kiritish zarur.

Tadqiqot natijalariga asoslanib quyidagi takliflar ishlab chiqildi:

1. Suv resurslarini boshqarishni takomillashtirish. Suvdan foydalanish samaradorligini oshirish, yo‘qotishlarni kamaytirish va zamonaviy irrigatsiya texnologiyalarini joriy etish zarur.

2. Iqtisodiy o‘sishni suv iste’molidan ajratish. YaIM o‘sishini suv sarfini ko‘paytirmasdan ta’minlashga erishish kerak.

3. Qashshoqlikni qisqartirishga yo‘naltirilgan suv infratuzilmasi. Qishloq joylarda toza ichimlik suvi va irrigatsiya xizmatlarini yaxshilash qashshoqlikni kamaytirishga xizmat qiladi.

4. Transchegaraviy hamkorlik. Markaziy Osiyo davlatlari o‘rtasida suv resurslaridan birgalikda foydalanish bo‘yicha institutsional mexanizmlarni kuchaytirish lozim.

5. Ma’lumotlar bazasini kengaytirish. Granger sababiylik testini qayta hisoblash, sifatli va to‘liq ma’lumotlar yig‘ish, model barqarorligini tekshirish zarur.

6. Davlat siyosatida suv-iqtisodiyot-qashshoqlik bog‘liqligini hisobga olish. Suv resurslari siyosati iqtisodiy va ijtimoiy siyosat bilan integratsiyalashgan holda olib borilishi kerak.

7. Suv resurslaridan foydalanishda raqamli texnologiyalarni joriy etish. Suv hisobga olish tizimlarini avtomatlashtirish, masofadan zondlash va monitoring qilish orqali suv yo‘qotishlarini kamaytirish mumkin.

8. Ekologik ta’lim va xabardorlikni oshirish. Aholi va fermerlar o‘rtasida suvni tejash bo‘yicha targ‘ibot ishlarini kuchaytirish zarur.

Adabiyotlar:

1. *World Bank. World Development Indicators. 2024.*

2. FAO. AQUASTAT – Water Resources and Use. 2024.

3. O‘zbekiston Respublikasi Ekologiya, atrof-muhitni muhofaza qilish va iqlim o‘zgarishi vazirligi ma’lumotlari.

4. O‘zbekiston Respublikasi Prezidenti huzuridagi Statistika agentligi ma’lumotlari.

5. Sims, C. A. (1980). Macroeconomics and Reality. Econometrica, 48(1), 1–48.

6. Granger, C. W. J. (1969). Investigating Causal Relations by Econometric Models and Cross-spectral Methods. Econometrica, 37(3), 424–438.

7. Dickey, D. A., & Fuller, W. A. (1979). Distribution of the Estimators for Autoregressive Time Series with a Unit Root. Journal of the American Statistical Association, 74(366), 427–431.

8. Usmanov, A., & Xamdamov, Sh. (2024). Havoning ifloslanishining barqaror rivojlanishga ta’siri: Toshkent shahri misolida.

9. Bekmirzaev, G., & Yusupov, F. (2022). The impact of industrial emissions on urban air pollution: A case study of Tashkent. Central Asian Journal of Environmental Science, 5(1), 55-70.

10. Djuraev, A. (2024). Green spaces and air quality improvement in Tashkent. Urban Ecology Research, 8(2), 142-158.

11. Ergashev, I. (2023). Public health impacts of air pollution in Tashkent, Uzbekistan. Central Asia Health Review, 17(4), 310-325.

12. Ganiev, R. (2022). Evaluation of air pollution monitoring systems in Tashkent. Technology and Environment, 9(3), 235-248.

13. Ismailov, S., & Khamraev, A. (2021). Strategies for reducing vehicle emissions in Tashkent: A policy analysis. Transportation Policy, 31(4), 367-382.

14. Karimov, J. (2023). The role of urban planning in addressing air pollution in Tashkent. Journal of Sustainable Urban Development, 6(1), 88-104.

15. Xusanov, R. R. (2025). Sun’iy intellektning O‘zbekiston iqtisodiyotidagi o‘rni. Iqtisodiyot va innovatsion texnologiyalar, 3(31), 38-45.

OLIY TA'LIM QAMROVINING KENGAYISHI VA TA'LIM SIFATI O'RTASIDAGI NISBAT

Ashurzoda Luiza Muxtarovna
G.V. Plexanov nomidagi Rossiya Iqtisodiyot Universitetining Toshkent shahridagi filiali, PhD, dosent
ORCID: 0009-0005-8561-6414
roksi_vbm@inbox.ru

Annotatsiya. *Maqolada O'zbekistonda oliy ta'lim qamrovining kengayishi va ta'lim sifati o'rtasidagi bog'liqlik institutsional, resurs va natijaviy ko'rsatkichlar nuqtayi nazaridan tahlil qilinadi. 2020–2024-yillarda oliy ta'lim bilan qamrov hamda talabalar sonidagi o'zgarishlar Milliy statistika qo'mitasi ma'lumotlari asosida ko'rib chiqiladi. Xalqaro va mintaqaviy ilmiy adabiyotlar asosida ommaviylashuv sharoitida professor-o'qituvchilar salohiyati, ta'lim infratuzilmasi, o'quv dasturlari, baholash va mehnat bozori bilan uyg'unlikning ahamiyati yoritiladi. Maqolada qamrovning o'sishi o'z-o'zidan sifatning pasayishini anglatmasligi, biroq resurslar va sifatni ta'minlash mexanizmlari mutanosib rivojlanmasa, ta'lim natijalarida tafovutlar yuzaga kelishi mumkinligi asoslanadi. O'zbekiston oliy ta'lim tizimi uchun sifat monitoringini kuchaytirish, natijaga asoslangan moliyalashtirish va mustaqil akkreditatsiyani rivojlantirish bo'yicha takliflar ishlab chiqiladi.*

Kalit so'zlar: *oliy ta'lim, qamrov darajasi, ta'lim sifati, ommaviylashuv, inson kapitali, professor-o'qituvchilar, akkreditatsiya, ta'lim natijalari.*

СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ РАСШИРЕНИЕМ ОХВАТА ВЫСШИМ ОБРАЗОВАНИЕМ И КАЧЕСТВОМ ОБРАЗОВАНИЯ

Ашурзода Луиза Мухтаровна
Филиал Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова в г. Ташкенте, PhD, доцент

Аннотация. *В статье анализируется связь между расширением охвата высшим образованием и качеством образования в Узбекистане с точки зрения институциональных, ресурсных и результативных показателей. Изменения в охвате высшим образованием и численности студентов в 2020–2024 годах рассматриваются на основе данных Национального комитета статистики. На основе международной и региональной научной литературы освещается значение потенциала профессорско-преподавательского состава, образовательной инфраструктуры, учебных программ, оценки и гармонии с*

рынком труда в условиях популяризации. В статье обосновывается, что рост охвата само по себе не означает снижения качества, однако при несоразмерном развитии ресурсов и механизмов обеспечения качества могут возникнуть расхождения в результатах образования. Для системы высшего образования Узбекистана будут разработаны предложения по усилению мониторинга качества, развитию финансирования на основе результатов и независимой аккредитации.

Ключевые слова: *высшее образование, уровень охвата, качество образования, популяризация, человеческий капитал, профессорско-преподавательский состав, аккредитация, результаты образования.*

RELATIONSHIP BETWEEN HIGHER EDUCATION COVERAGE AND QUALITY OF EDUCATION

Ashurzoda Luiza Mukhtarovna
Branch of the Plekhanov Russian University of Economics in Tashkent
PhD, Associate professor

Abstract. *This article examines the relationship between the expansion of higher education access and educational quality in Uzbekistan through institutional, resource-based and outcome-oriented indicators. Changes in higher education coverage and student enrolment during 2020–2024 are reviewed using data from the National Statistics Committee. Drawing on recent international and regional studies, the article discusses the importance of academic staff capacity, infrastructure, curricula, assessment and labour-market alignment under massification. It argues that expansion does not automatically reduce quality; however, if resources and quality assurance mechanisms do not develop proportionately, disparities in learning outcomes may emerge. Policy recommendations are proposed for strengthening quality monitoring, outcome-based funding and independent accreditation.*

Keywords: *higher education, access, educational quality, massification, human capital, academic staff, accreditation, learning outcomes.*

Kirish.

Oliy ta’lim tizimi zamonaviy iqtisodiyotda inson kapitalini shakllantirish, innovatsion faollikni kuchaytirish va mehnat unumdorligini oshirishning muhim institutsional omillaridan biri hisoblanadi. Raqamli texnologiyalar, ishlab chiqarish jarayonlarining avtomatlashtirilishi va bilimga asoslangan iqtisodiyotning rivojlanishi yuqori malakali mutaxassislarga bo‘lgan talabni oshirmoqda. Shu sababli davlatlar oliy ta’lim xizmatlaridan foydalanish imkoniyatlarini kengaytirish, hududiy

va ijtimoiy tengsizlikni kamaytirish hamda aholining turli qatlamlari uchun oliy ma'lumot olish yo'llarini ko'paytirishga intilmoqda. Biroq oliy ta'limga kirish imkoniyatining kengayishi bilan bir qatorda ta'lim mazmuni, o'qitish sifati va bitiruvchilarning amaliy kompetensiyalarini ta'minlash masalasi ham dolzarblashmoqda.

Oliy ta'lim qamrovi, odatda, tegishli yosh guruhidagi aholining oliy ta'limda tahsil olayotgan qismini ifodalovchi ko'rsatkich sifatida qo'llanadi. Qamrovning o'sishi ta'lim tizimining ijtimoiy ochiqligi va imkoniyatlar kengayganini bildiradi, lekin u ta'lim sifatining bevosita o'lchovi emas. Sifat ko'p o'lchovli tushuncha bo'lib, o'quv dasturlarining dolzarbligi, professor-o'qituvchilarning malakasi, talaba va o'qituvchi nisbati, ilmiy-tadqiqot muhiti, moddiy-texnik baza, akademik halollik, baholashning ishonchliligi hamda bitiruvchilarning bilim va ko'nikmalarida namoyon bo'ladi. Shu bois qamrov va sifatni yagona ko'rsatkich bilan baholash metodologik jihatdan to'g'ri emas.

O'zbekistonda so'nggi yillarda oliy ta'lim tizimining institutsional va miqdoriy kengayishi kuzatildi. Milliy statistika qo'mitasi ma'lumotlariga ko'ra, 18-23 yoshdagi aholining oliy ta'lim bilan qamrov darajasi 2020-yildagi 18,7 foizdan 2024-yilda 47,7 foizga yetgan. Bu besh yil ichida 29,0 foiz punktlik o'sishni anglatadi. Shu davrda oliy ta'lim tashkilotlaridagi jami talabalar soni 2020-yildagi 571,5 ming nafardan 2024-yilda 1 432,8 ming nafarga ko'paygan. Demak, tizim nafaqat qamrov, balki talabalar soni bo'yicha ham jadal kengaygan. Bunday o'sish oliy ta'lim xizmatlariga talab kuchaygani va ta'lim olish imkoniyatlari kengayganini ko'rsatsa-da, mavjud resurslar, o'qituvchilar tarkibi va infratuzilma yuklamasiga qo'shimcha talab qo'yadi.

Qamrovning kengayishi bilan sifat o'rtasidagi nisbatni baholashda ikki xil yondashuvni farqlash lozim. Birinchi yondashuvda qamrovning ortishi resurslar o'zgarmagan sharoitda auditoriya yuklamasini oshirib, individual muloqot, amaliy mashg'ulotlar va ilmiy rahbarlik imkoniyatlarini qisqartirishi mumkin.

Ikkinchi yondashuvda esa kengayish yangi investitsiyalar, raqamli ta'lim, pedagogik innovatsiyalar va boshqaruv samaradorligi bilan birga kechsa, sifatni yaxshilashga ham xizmat qilishi mumkin. Shuning uchun asosiy masala qamrovni kengaytirish yoki cheklash emas, balki kengayish sur'atlarini ta'lim resurslari va sifat kafolatlari bilan muvofiqlashtirishdan iborat.

Ushbu mavzuning dolzarbligi O'zbekiston oliy ta'lim tizimida miqdoriy kengayish natijalarini sifat ko'rsatkichlari bilan birgalikda baholash zarurati bilan belgilanadi. Talabalar soni va qamrov darajasi muntazam e'lon qilinayotgan bo'lsa-da, o'quv natijalari, bitiruvchilarning kasbiy kompetensiyalari, ish beruvchilar qoniqishi, ta'lim dasturlarining mehnat bozori talablariga mosligi va bitiruvchilarning ishga joylashishi kabi ko'rsatkichlarni yagona tahliliy tizimda bog'lash muhim. Oliy ta'lim qamrovining kengayishi va ta'lim sifati o'rtasidagi

munosabatni nazariy hamda statistik jihatdan yoritish, O‘zbekiston sharoitidagi asosiy tendensiyalarni aniqlash va sifatni saqlagan holda qamrovni rivojlantirishga qaratilgan takliflarni ishlab chiqish zarur.

Adabiyotlar sharhi.

Oliy ta’limning ommaviylashuvi va sifat masalasi so‘nggi yillarda mahalliy hamda xorijiy tadqiqotlarda turli nuqtayi nazardan o‘rganilmoqda.

O‘zbekistonlik tadqiqotchilar. Saidalimova (2022) oliy ta’lim sifatini boshqarishda zamonaviy yondashuvlar va ularni O‘zbekiston sharoitida qo‘llash istiqbollarini ko‘rib chiqadi. Uning ishida sifatni boshqarish faqat nazorat jarayoni emas, balki ta’lim tashkilotining strategiyasi, ichki baholash va doimiy takomillashtirish bilan bog‘liq jarayon sifatida talqin qilinadi. Ibrokhimov va Bakhromova (2023) O‘zbekistondagi davlat va nodavlat oliy ta’lim tashkilotlarini taqqoslab, ta’lim sifati va institutsional sharoitlar o‘rtasidagi farqlarni tahlil qilgan. Mualliflar ayrim nodavlat OTMlarda pedagogik innovatsiyalar joriy etilayotganini, biroq infratuzilma imkoniyatlari bir xil emasligini qayd etadi. Salimov (2025) oliy ta’lim xizmatlari sifatini integral ko‘rsatkichlar orqali baholash yondashuvini taklif qilib, qamrov, akademik sifat, professor-o‘qituvchilarning ilmiy salohiyati, bitiruvchilar bandligi va raqamlashtirishni birgalikda ko‘rib chiqadi. Ushbu ishlar qamrov o‘sishini sifatning boshqa tarkibiy qismlari bilan birgalikda boshqarish zarurligini ko‘rsatadi.

Sukhanova va Frumin ilmiy tahriri ostida tayyorlangan 2021-yilgi “Качество образования в российских университетах: что мы поняли в пандемию” tahliliy hisobotida aralash va masofaviy ta’lim sharoitida sifatni ta’minlash uchun ta’lim natijalari, o‘qitish metodlari va universitetlarning tashkiliy salohiyatini birgalikda baholash zarurligi ta’kidlanadi. Malinovskiy va Shibanova (2022) oliy ta’limdan foydalanish imkoniyatlarining kengayishini tenglik masalasi bilan bog‘laydi: qamrovning o‘sishi barcha ijtimoiy guruhlar va hududlar uchun sifatli ta’limga teng kirish imkoniyatini avtomatik ta’minlamaydi. Korchak va Xavenson (2024) oliy ta’lim sifatini onlayn va an’anaviy ta’lim formatlari kesimida ko‘rib, sifat tushunchasini faqat ta’lim sharoitlari bilan emas, balki ta’lim jarayoni va natijalari bilan ham o‘lchash zarurligini asoslaydi.

Buckner va Zhang (2021) mamlakatlararo uzoq muddatli tahlilda oliy ta’limga yalpi qamrov ortishi ko‘plab mamlakatlarda talaba-o‘qituvchi nisbatining o‘sishi bilan bog‘liqligini ko‘rsatadi; bu ommaviylashuv sharoitida kadrlar resursini rejalashtirish muhimligini anglatadi. Meier va Schiopu (2021) oliy ta’lim tizimida muassasalar sifati o‘rtasidagi farqlanish va talabalar natijalari o‘rtasidagi bog‘liqlikni nazariy modellashtiradi. Ryan, French va Kennedy (2021) “iron triangle” yondashuvi orqali qamrov, xarajat va sifat o‘rtasidagi muvozanatni tahlil qilib, katta auditoriyalar

sharoitida ham pedagogik dizayn, faol o‘qitish va texnologiyalardan foydalanish orqali sifatni saqlash imkoniyatlarini muhokama qiladi.

Umumlashtirilgan holda, ko‘rib chiqilgan tadqiqotlar uchta xulosani ilgari suradi: birinchidan, qamrovning o‘sishi sifatga bosimni kuchaytirishi mumkin; ikkinchidan, bu ta’sir muqarrar emas va moliyalashtirish, kadrlar hamda infratuzilmaga bog‘liq; uchinchidan, sifatni faqat kirish yoki bitiruv ko‘rsatkichlari bilan emas, balki o‘quv natijalari, tenglik va mehnat bozori bilan uyg‘unlik orqali baholash lozim. Mazkur maqola ushbu xulosalarni O‘zbekistonning 2020–2024-yillardagi statistik dinamikasi bilan bog‘laydi.

Tadqiqot metodologiyasi.

Tadqiqotda tizimli yondashuv, statistik taqqoslash, dinamik qatorlar tahlili, nisbiy va mutlaq o‘zgarishlarni hisoblash, ilmiy adabiyotlarni kontent-tahlil qilish usullaridan foydalanildi. Statistik qismda Milliy statistika qo‘mitasining 18-23 yoshdagi aholi oliy ta’lim qamrovi hamda oliy ta’lim tashkilotlaridagi talabalar soni bo‘yicha e’lon qilingan ma’lumotlari qo‘llanildi. Qamrov darajasi foizda, talabalar soni ming nafarda ifodalandi. Sifat bo‘yicha to‘liq va bir xil metodologiyada tuzilgan sifatni baholash uchun zarur indikatorlar alohida ko‘rsatilgan.

Tahlil va natijalar muhokamasi.

O‘zbekiston oliy ta’lim tizimida qamrovning o‘sishi 2020-yildan keyin tezlashgan. Milliy statistika qo‘mitasi ma’lumotlariga ko‘ra, 18-23 yoshdagi aholining oliy ta’lim bilan qamrovi 2020-yilda 18,7 foiz, 2021-yilda 28,2 foiz, 2022-yilda 36,6 foiz, 2023-yilda 45,9 foiz va 2024-yilda 47,7 foizni tashkil etgan. 2020-2024-yillarda o‘sish 29,0 foiz punktiga teng. 2024-yildagi ko‘rsatkich 2020-yilga nisbatan qariyb 2,55 baravar yuqori.

Talabalar soni ham shunga mos ravishda oshgan. 2020-yilda oliy ta’lim tashkilotlarida 571,5 ming nafar talaba tahsil olgan bo‘lsa, 2021-yilda 808,4 ming, 2022-yilda 1 042,1 ming, 2023-yilda 1 314,5 ming va 2024-yilda 1 432,8 ming nafarni tashkil etgan. 2020–2024-yillarda talabalar soni 861,3 ming nafarga yoki taxminan 150,7 foizga oshgan. Bu ko‘rsatkichlar tizimning miqdoriy jihatdan kengayganini aniq tasdiqlaydi.

1-jadval

O‘zbekistonda oliy ta’lim qamrovi va talabalar soni dinamikasi

O‘quv yili/yil	18–23 yosh qamrovi, %	Talabalar soni, ming nafar
2020	18,7	571,5
2021	28,2	808,4
2022	36,6	1 042,1
2023	45,9	1 314,5
2024	47,7	1 432,8

Manba: *O‘zbekiston Respublikasi Milliy statistika qo‘mitasi ma’lumotlari asosida muallif tomonidan tuzildi.*

Keltirilgan raqamlar qamrov kengayishining ko‘lamini ko‘rsatadi, biroq ta’lim sifati oshgani yoki pasayganini bevosita isbotlamaydi. Qamrov ko‘rsatkichi talabalar sonining yosh guruhiga nisbatan nisbatini ifodalasa, sifat ko‘rsatkichlari o‘quv jarayoni va uning natijalariga taalluqlidir. Shu sababli qamrov va sifat o‘rtasidagi nisbatni tahlil qilishda resurslar bilan ta’minlanganlikni alohida ko‘rib chiqish zarur.

Birinchi muhim omil professor-o‘qituvchilar salohiyati, talabalar sonining tez o‘sishi o‘qituvchilar soni va malakasining ham mutanosib o‘sishini talab qiladi. Talaba-o‘qituvchi nisbati yuqori bo‘lsa, individual maslahat, yozma ishlar bo‘yicha batafsil fikr-mulohaza, laboratoriya va seminar mashg‘ulotlarining samaradorligi pasayishi ehtimoli ortadi. Shuning uchun OTMlar kesimida umumiy talaba-o‘qituvchi nisbati bilan birga, kafedra, ta’lim yo‘nalishi va fanlar kesimidagi yuklamani kuzatish lozim.

Ikkinchi omil moddiy-texnik va raqamli infratuzilma, talabalar soni ko‘payishi auditoriya, laboratoriya, kutubxona, elektron resurslar, amaliyot bazalari va talabalar turar joylariga talabni oshiradi. Infratuzilma yetarli darajada kengaymasa, o‘quv mashg‘ulotlari jadvali zichlashishi, laboratoriya jihozlaridan foydalanish vaqti qisqarishi hamda amaliy ko‘nikmalarni shakllantirish imkoniyatlari cheklanishi mumkin. Shu bilan birga, sifatli raqamli platformalar, ochiq ta’lim resurslari va gibrid o‘qitish shakllari to‘g‘ri tashkil etilganda auditoriya yuklamasini yumshatishi mumkin.

Uchinchi omil o‘quv dasturlarining mazmuni va mehnat bozori bilan uyg‘unligi, qamrovning o‘sishi yangi yo‘nalishlar va ta’lim shakllarining paydo bo‘lishiga olib keladi. Biroq yangi dasturlarni ochish mehnat bozori ehtiyojlari, ish beruvchilar talabi, amaliyot imkoniyatlari va akademik kadrlar mavjudligi bilan asoslanishi kerak. Aks holda, diplomga ega bitiruvchilar soni oshgan holda, ularning kasbiy kompetensiyalari ish beruvchilar kutgan darajaga mos kelmasligi mumkin.

To‘rtinchi omil sifatni tashqi va ichki baholash mexanizmlari, OTMning o‘z-o‘zini baholashi, mustaqil akkreditatsiya, ta’lim dasturlarini davriy qayta ko‘rib chiqish, talabalar fikrini o‘rganish va ish beruvchilar ishtirokidagi maslahat kengashlari bir-birini to‘ldirishi lozim. Baholash faqat hujjatlar mavjudligini tekshirish bilan cheklanmasdan, talabalarning real bilim va ko‘nikmalarini, bitiruvchilarning bandligini hamda ta’lim natijalarining barqarorligini o‘lchashi zarur.

Sifatni statistik tahlil qilish uchun quyidagi indikatorlar bo‘yicha OTMlar kesimida muntazam ma’lumot shakllantirish maqsadga muvofiq:

1) bir nafar professor-o‘qituvchiga to‘g‘ri keladigan talabalar soni;

2) ilmiy darajaga ega professor-o‘qituvchilar ulushi;

3) akkreditatsiyadan o‘tgan ta’lim dasturlari ulushi;

4) bitiruvchilarning 6 yoki 12 oy ichida ishga joylashish darajasi;
5) ish beruvchilar va bitiruvchilar qoniqish indeksi;
6) talabalar o‘qishdan chetlashtirilishi va ta’limni tamomlash ko‘rsatkichlari;
7) standartlashtirilgan fan yoki kompetensiya baholash natijalari.

Ushbu ko‘rsatkichlar bir xil metodologiya asosida yillar va OTMlar kesimida e’lon qilinsa, qamrov o‘sishi bilan sifat o‘zgarishi o‘rtasidagi bog‘liqlikni empirik tekshirish mumkin bo‘ladi.

2-jadval

Ta’lim sifati monitoringi uchun tavsiya etiladigan ko‘rsatkichlar

Yo‘nalish	Asosiy indikator	Hisoblash / o‘lchash
Kadrlar salohiyati	Talaba-o‘qituvchi nisbati	Jami talabalar / to‘liq stavkadagi professor-o‘qituvchilar
Akademik sifat	Ilmiy darajali pedagoglar ulushi	Ilmiy darajali pedagoglar / jami pedagoglar × 100
Dastur sifati	Akkreditatsiyadan o‘tgan dasturlar ulushi	Akkreditatsiyalangan dasturlar / jami dasturlar × 100
Natijadorlik	Bitiruvchilarning bandligi	Bitirgandan 6 yoki 12 oy keyin band bo‘lganlar ulushi
Talaba tajribasi	Ta’limdan qoniqish indeksi	Standart so‘rovnoma natijalari
Ta’lim natijasi	Kompetensiya baholash natijalari	Standartlashtirilgan test va amaliy topshiriqlar

Manba: *muallif tomonidan taklif etilgan.*

Shunday qilib, O‘zbekiston tajribasida qamrovning tez o‘sishi oliy ta’limning ijtimoiy ochiqligini kengaytirgan. Biroq mavjud statistik ma’lumotlar qamrov va talabalar sonini o‘lchaydi; ular o‘qitish sifati, o‘zlashtirish yoki bitiruvchilar kompetensiyasini to‘liq ifodalamaydi. Shu sababli “qamrov oshdi - sifat pasaydi” yoki “qamrov oshdi - sifat ham oshdi” degan qat’iy xulosalar uchun qo‘shimcha natijaviy ma’lumotlar talab etiladi. Eng asosli yondashuv miqdoriy kengayishni sifatni o‘lchash va resurslarni muvofiqlashtirish tizimi bilan birga olib borishdir.

Tadqiqot natijalari oliy ta’lim qamrovining kengayishi va ta’lim sifati o‘rtasidagi munosabat bir yo‘nalishli emasligini ko‘rsatadi. Qamrovning oshishi ta’lim olish imkoniyatlarini kengaytiradi, inson kapitalini rivojlantirish uchun sharoit yaratadi va oliy ta’limning ijtimoiy funksiyasini kuchaytiradi. Shu bilan birga, talabalar sonining tez o‘sishi professor-o‘qituvchilar, infratuzilma, laboratoriyalar, amaliyot bazalari va boshqaruv tizimiga qo‘shimcha yuklama beradi. Sifatning saqlanishi yoki yaxshilanishi aynan shu resurslarning qamrov o‘sishiga qanchalik mos ravishda rivojlanishiga bog‘liq.

2020-2024-yillarda O‘zbekistonda 18-23 yoshdagi aholining oliy ta’lim bilan

qamrovi 18,7 foizdan 47,7 foizga, talabalar soni esa 571,5 ming nafardan 1 432,8 ming nafarga yetgan. Bu miqdoriy kengayishning yuqori sur'atini tasdiqlaydi. Biroq mazkur raqamlar ta'lim sifati dinamikasini mustaqil ravishda baholash uchun yetarli emas. Sifat bo'yicha yagona, muntazam va taqqoslanadigan natijaviy ko'rsatkichlar tizimini shakllantirish zarur.

Xulosa va takliflar:

Tadqiqot asosida quyidagi takliflar ishlab chiqildi:

– oliy ta'lim qamrovi ko'rsatkichlari bilan bir qatorda ta'lim sifati bo'yicha yillik ochiq indikatorlar panelini joriy etish;

– OTM va ta'lim yo'nalishlari kesimida talaba-o'qituvchi nisbatining maqbul chegaralarini belgilash hamda pedagogik yuklamani monitoring qilish;

– davlat buyurtmasi va moliyalashtirish mexanizmlarida qamrov ko'rsatkichlari bilan birga o'quv natijalari, bitiruvchilar bandligi va akkreditatsiya natijalarini hisobga olish;

– mustaqil akkreditatsiya va tashqi baholash tizimida ta'lim natijalari, akademik halollik va ish beruvchilar fikriga ustuvor ahamiyat berish;

– yangi ta'lim yo'nalishlarini ochishda hududiy mehnat bozori prognozi, kadrlar salohiyati va amaliyot infratuzilmasi bo'yicha majburiy tahlil o'tkazish;

– ta'lim sifatiga oid ma'lumotlarni jins, hudud, ta'lim shakli va ijtimoiy guruhlar kesimida e'lon qilib, imkoniyatlar tengligini baholash.

Oliy ta'lim siyosatining maqsadi qamrovni maksimal darajada oshirish bilangina cheklanmasligi, balki har bir talaba oladigan ta'limning mazmuni va natijasini kafolatlashga qaratilishi lozim. Qamrov va sifat bir-biriga qarama-qarshi maqsadlar emas; ular puxta rejalashtirish, yetarli resurslar, samarali boshqaruv va ishonchli baholash mexanizmlari orqali o'zaro to'ldiruvchi omillarga aylanishi mumkin.

Adabiyotlar:

1. O'zbekiston Respublikasi Milliy statistika qo'mitasi. Higher education enrollment increased by 40.9 percentage points. 16.04.2025. https://stat.uz/en/press-center/news-of-committee/61150-oliy-ta-

2. O'zbekiston Respublikasi Milliy statistika qo'mitasi. Oliy ta'lim tashkilotlarida talabalar soni (jami). SIAT, 2020–2024-yillar ma'lumotlari. https://siat.stat.uz/data/1357/?lang=uz

3. O'zbekiston Respublikasi Oliy ta'lim, fan va innovatsiyalar vazirligi. Hisobotlar. https://gov.uz/oz/edu/pages/hisobotlar

4. Saidalimova, Z. K. (2022). Modern approaches to higher education quality management and prospects for their use in Uzbekistan. Eurasian Journal of Academic Research, 2(4), 1–7. https://doi.org/10.70413/ejar-v02-i04-s1926

5. Ibrokhimov, F., & Bakhromova, I. (2023). The quality of education in public and private universities: Preliminary study focusing on Uzbekistan. Ta'lim va innovatsion tadqiqotlar, (11), 125–131.

6. Salimov, A. A. (2025). Prospects for Improving the Quality of Higher Education Services in Uzbekistan. Central Asian Journal of Innovations on Tourism Management and Finance. https://doi.org/10.51699/cajitmf.v7i2.1229

7. Суханова, Е. А., & Фрумин, И. Д. (науч. ред.). (2021). Качество образования в российских университетах: что мы поняли в пандемию. Томск: Издательство Томского государственного университета.

8. Малиновский, С. С., & Шибанова, Е. Ю. (2022). Доступность высшего образования в России: как превратить экспансию в равенство. Современная аналитика образования, 7(67). М.: НИУ ВШЭ.

9. Корчак, А. Э., & Хавенсон, Т. Е. (2024). Понятие «качество» в высшем образовании: от офлайн- к онлайн-формату. Высшее образование в России, 33(1), 9–27. https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-1-9-27

10. Buckner, E., & Zhang, Y. (2021). The quantity-quality tradeoff: A cross-national, longitudinal analysis of national student-faculty ratios in higher education. Higher Education, 82, 39–60. https://doi.org/10.1007/s10734-020-00621-3

11. Meier, V., & Schiopu, I. (2021). Enrollment expansion and quality differentiation across higher education systems. Economic Modelling, 96, 43–53. https://doi.org/10.1016/j.econmod.2020.04.020

12. Ryan, T., French, S., & Kennedy, G. (2021). Beyond the Iron Triangle: Improving the Quality of Teaching and Learning at Scale. Studies in Higher Education, 46(7), 1383–1394. https://doi.org/10.1080/03075079.2019.1679763

INSON KAPITALI SIFATINI OSHIRISHNING INNOVATSION IQTISODIYOTGA TA'SIRINI BAHOLASH

Gulmurodov Kamoliddin Abduqodir o'g'li
TDIU huzuridagi O'zbekiston iqtisodiyotini rivojlantirishning ilmiy asoslari va muammolari ilmiy tadqiqot markazi, PhD.
ORCID: 0009-0009-1936-7885
k.gulmurodov@tsue.uz

Annotatsiya. *Maqolada inson kapitali sifatining innovatsion rivojlanishga ta'siri Global innovatsiya indeksi ma'lumotlari asosida baholangan. O'zbekistonning 2020-2026-yillardagi dinamikasi hamda "Inson kapitali va tadqiqotlar" ustunining 12 ta indikatori tahlil qilingan, 139 ta iqtisodiyot bo'yicha inson kapitali va innovatsion natijalar o'rtasidagi bog'liqlik eng kichik kvadratlar usuli bilan baholangan. Natijalar inson kapitali ustuni innovatsion natijalar farqlarining katta qismini tushuntirishini hamda tadqiqot va ishlanmalar kichik ustuni natijalar bilan eng kuchli bog'langanini ko'rsatdi. O'zbekistonning ta'limga xarajatlar va fan hamda muhandislik bitiruvchilari bo'yicha kuchli o'rinlari indeksning umumiy bali, tadqiqotchilar zichligi va R&D xarajatlari kabi ko'rsatkichlar o'rganilgan. Maqolada inson kapitali sifatini oshirish yo'nalishlari asoslangan.*

Kalit so'zlar: *inson kapitali, innovatsion rivojlanish, Global innovatsiya indeksi, O'zbekiston, tadqiqot va ishlanmalar, regression tahlil.*

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА НА ИННОВАЦИОННУЮ ЭКОНОМИКУ

Гулмуродов Камолиддин Абдукодир угли
Научно-исследовательский центр научных основ и проблем развития экономики Узбекистана при ТГЭУ, PhD.

Аннотация. *В статье оценивается влияние качества человеческого капитала на инновационное развитие на основе данных Глобального инновационного индекса. Проанализирована динамика Узбекистана в 2020-2026 годах и 12 индикаторов столбца "Человеческий капитал и исследования," а связь между человеческим капиталом и инновационными результатами по 139 экономикам оценена методом наименьших квадратов. Результаты показали, что столбец человеческого капитала объясняет большую часть различий в инновационных результатах, а подстолбец исследований и разработок наиболее тесно связан с результатами. Сильные позиции Узбекистана по расходам на*

образование и выпускникам наук и инженерии были изучены по таким показателям, как общий балл индекса, плотность исследователей и расходы на НИОКР. В статье обоснованы направления повышения качества человеческого капитала.

Ключевые слова: *человеческий капитал, инновационное развитие, Глобальный инновационный индекс, Узбекистан, исследования и разработки, регрессионный анализ.*

ASSESSING THE IMPACT OF IMPROVING THE QUALITY OF HUMAN CAPITAL ON THE INNOVATIVE ECONOMY

Gulmurodov Kamoliddin Abdukodir ugli
Scientific Research Center for Scientific Foundations and Problems of Economic Development of Uzbekistan under TSUE, PhD.

Abstract. *The article evaluates the impact of human capital quality on innovative development based on data from the Global Innovation Index. The dynamics of Uzbekistan for 2020-2026 and 12 indicators of the "Human Capital and Research" column were analyzed, and the relationship between human capital and innovative results in 139 economies was assessed using the least squares method. The results showed that the human capital column explains most of the differences in innovative outcomes, while the research and development sub-column is most strongly correlated with outcomes. Uzbekistan's strong positions in terms of education costs and science and engineering graduates were studied by indicators such as the overall score of the index, the density of researchers, and R&D costs. The article substantiates the directions for improving the quality of human capital.*

Keywords: *human capital, innovative development, Global Innovation Index, Uzbekistan, research and development, regression analysis.*

Kirish.

Zamonaviy iqtisodiy rivojlanish tobora ko‘proq bilim, texnologiya va innovatsiyalarga tayanmoqda. Tabiiy resurslar va arzon ishchi kuchi mamlakatlarning uzoq muddatli raqobatbardoshligini ta’minlay olmaydi; bu yerda hal qiluvchi omil insonning bilimi, ko‘nikmalari va ijodiy salohiyatidir. Shu sababli inson kapitali iqtisodiy o‘sish nazariyalarida ham, davlat siyosatida ham innovatsion rivojlanishning asosiy manbalaridan biri sifatida e’tirof etiladi.

Inson kapitali innovatsion faoliyatga bir necha yo‘l bilan ta’sir qiladi: yangi bilim yaratadi, mavjud texnologiyalarni o‘zlashtirish va moslashtirishga imkon beradi, tadbirkorlik faolligini oshiradi. Biroq bu ta’sir avtomatik emas. U ta’lim sifati, ilmiy

kadrlar tayyorlash tizimi, tadqiqotlarni moliyalashtirish, universitet va sanoat hamkorligi hamda institutsional muhit bilan uyg‘unlikda namoyon bo‘ladi. Shuning uchun inson kapitalining miqdoriy ko‘rsatkichlari (masalan, qamrov yoki xarajatlar) yuqori bo‘lishi har doim ham innovatsion natijalarning yuqori bo‘lishini anglatmaydi.

Mamlakatlarning innovatsion imkoniyatlarini xalqaro miqyosda solishtirish uchun keng qo‘llaniladigan vosita – Butunjahon intellektual mulk tashkiloti (WIPO) e’lon qiladigan Global innovatsiya indeksidir (GII). Indeks innovatsion resurslar va natijalarni alohida baholaydi, inson kapitali va tadqiqotlarni esa mustaqil ustun sifatida ajratadi (WIPO, 2026). Bu inson kapitalining holatini ta’lim, oliy ta’lim hamda tadqiqot va ishlanmalar kesimida o‘rganish imkonini beradi.

O‘zbekiston uchun masala ayniqsa dolzarb. Ta’lim va fan tizimida islohotlar amalga oshirilmoqda, oliy ta’limga qamrov kengaymoqda, xalqaro reyting va indekslar bilan ishlash esa alohida tizimga solingan: Oliy Majlis Senatining SQ-963-IV-sonli qarori (2024) bilan GII bo‘yicha 2030-yilgacha maqsadli ko‘rsatkichlar va mas’ul organlar belgilangan. Mamlakatning GIIdagi o‘rni asta-sekin yaxshilanib bormoqda, biroq innovatsion natijalar innovatsion resurslarga nisbatan sustroq rivojlanmoqda. Shunday sharoitda inson kapitali sifatining qaysi tarkibiy qismlari innovatsion rivojlanishga ko‘proq bog‘liqligini aniqlash ilmiy va amaliy jihatdan muhim.

Adabiyotlar sharhi.

Ta’lim va malakani investitsiya sifatida ko‘rish g‘oyasi Mincer (1958) va Schultz (1961) ishlarida shakllangan, Becker (1964) esa umumiy va maxsus tayyorgarlik farqini hamda ta’limning daromadlilik darajasini nazariy jihatdan asoslagan. Neoklassik o‘sish modelida texnologik taraqqiyot tashqaridan berilgan deb qaralgan (Solow, 1956); Lucas (1988) inson kapitali jamg‘arilishini o‘sishning ichki manbai sifatida kiritdi, Romer (1990) esa texnologik o‘zgarishni endogen deb hisoblab, tadqiqot sohasida band inson kapitali zaxirasi o‘sish sur’atini belgilashini ko‘rsatdi. Aghion va Howitt (1992) Shumpeterning (1934) “ijodiy buzish” g‘oyasini o‘sish modeliga kiritib, malakali kadrlarning tadqiqotlardagi rolini ta’kidladi. Empirik jihatdan Mankiw va boshq. (1992) inson kapitali bilan kengaytirilgan Solow modeli mamlakatlararo daromad farqlarining katta qismini tushuntirishini ko‘rsatdi.

Ta’lim va o‘sish o‘rtasidagi bog‘liqlik doim ham aniq chiqmagan. Benhabib va Spiegel (1994) inson kapitali ishlab chiqarish omili sifatida emas, balki texnologiyalarni o‘zlashtirish va yaqinlashish orqali ta’sir qilishini ko‘rsatgan; Pritchett (2001) ta’lim kapitali o‘sishi bilan mehnat unumdorligi o‘sishi o‘rtasida ijobiy bog‘liqlik topilmaganini ta’kidlab, ta’lim sifati va institutsional muhitga e’tibor qaratgan; Bils va Klenow (2000) esa ta’lim-o‘sish korrelyatsiyasining katta qismi teskari sababiyat bilan izohlanishini aniqlagan. Krueger va Lindahl (2001) natijalarning o‘lchov xatolariga sezgirligini ko‘rsatgan. Keyingi tadqiqotlarda ta’lim yillari emas, balki bilim va ko‘nikmalar sifati hal

qiluvchi omil ekani aniqlangan: Hanushek va Kimko (2000), Hanushek va Woessmann (2008, 2015) xalqaro test natijalari bilan uzoq muddatli o‘sish o‘rtasida kuchli bog‘liqlik topgan.

Nelson va Phelps (1966) ta’lim yangi texnologiyalarni o‘zlashtirish va tarqalishini tezlashtirishini ko‘rsatgan. Cohen va Levinthal (1990) «o‘zlashtirish qobiliyati» tushunchasini kiritib, kompaniyaning tashqi bilimni baholash va qo‘llash imkoniyati oldingi bilimlari va tadqiqot faoliyatiga bog‘liqligini asoslagan. Milliy innovatsion tizimlar yondashuvi (Freeman, 1987; Lundvall, 1992; Nelson, 1993) innovatsiyalarni ta’lim, fan, sanoat va davlat institutlari o‘rtasidagi o‘zaro ta’sir natijasi sifatida talqin qiladi; “uch spiral” konsepsiyasi esa universitet, sanoat va davlat hamkorligining rolini ta’kidlaydi (Etzkowitz va Leydesdorff, 2000). Furman va boshq. (2002) mamlakatning innovatsion salohiyati umumiy innovatsion infratuzilma, klaster sharoitlari va aloqalar sifati bilan belgilanishini, tadqiqot kadrlari va R&D resurslari esa patentlash faolligi bilan bog‘liqligini ko‘rsatgan. Rivojlanayotgan mamlakatlar uchun Lall (1992) texnologik qobiliyatlarning malaka va o‘rganishga bog‘liqligini, Kim (1997) esa Koreyaning ta’lim, tadqiqot kadrlari va texnologik o‘rganish orqali taqlid qilishdan innovatsiyaga o‘tish tajribasini yoritgan. Jones (2009) va Bloom va boshq. (2020) esa bilim to‘planib borgan sari yangi g‘oyalar yaratish uchun ko‘proq va yuqori malakali tadqiqotchilar kerakligini ko‘rsatgan.

Innovatsiya tushunchasi va uni o‘lchash tamoyillari Oslo qo‘llanmasida belgilangan (OECD/Eurostat, 2018); patent statistikasining imkoniyatlari va cheklovlari Griliches (1990) ishida muhokama qilingan. GII kabi kompozit indekslarning natijalari yig‘ish usuli, vazn va ma’lumot sifatiga sezgir bo‘lishi mumkinligini Saisana va boshq. (2011) hamda Paruolo va boshq. (2013) ko‘rsatgan; GIIning o‘zi Yevropa Komissiyasi Qo‘shma tadqiqot markazining mustaqil statistik auditidan o‘tkaziladi (WIPO, 2026). Bu inson kapitali indikatorlarini indeks ichida qanday vazn bilan ishtirok etishini tanqidiy tahlil qilish zarurligini bildiradi.

Tadqiqot metodologiyasi.

Tahlil WIPO ning GII 2025 va GII 2026 hisobotlari hamda O‘zbekistonning 2020–2026-yillardagi davlat profillariga tayanadi. GII ikki sub-indeksdan iborat: innovatsion resurslar (Input; beshta ustun: Muassasalar, Inson kapitali va tadqiqotlar, Infratuzilma, Bozor rivojlanganligi, Biznes rivojlanganligi) va innovatsion natijalar (Output; ikkita ustun: Bilim va texnologiya natijalari, Ijodiy natijalar). Har bir ustun uchta kichik ustundan, kichik ustunlar esa 0–100 oralig‘iga normallashtirilgan indikatorlardan tashkil topgan; yakuniy ball GII = (Input + Output) / 2 formulasi bilan hisoblanadi (WIPO, 2026). Natijada har bir Input ustuni GII ballining 10 foizini, har bir Output ustuni 25 foizini belgilaydi.

Inson kapitali va tadqiqotlar ustuni uch kichik ustunni – ta’lim (2.1), oliy ta’lim (2.2)

va tadqiqot hamda ishlanmalar (2.3) – va 12 indikatorni o‘z ichiga oladi. Empirik qism uch bosqichdan iborat. Birinchi bosqichda O‘zbekistonning GII bo‘yicha o‘rni va inson kapitali ustuni dinamikasi 2020–2026-yillar uchun tahlil qilinadi. Ikkinchi bosqichda inson kapitali indikatorlari GII 2026 bo‘yicha quyi-o‘rta daromadli iqtisodiyotlar (LMI) guruhi o‘rtachasi va JRC auditidagi indikatorlarning GII bilan korrelyatsiyasi bilan solishtiriladi. Uchinchi bosqichda 139 ta iqtisodiyot bo‘yicha eng kichik kvadratlar usuli (EKKU) qo‘llaniladi: Output sub-indeksi bali bog‘liq o‘zgaruvchi, inson kapitali ustuni bali asosiy tushuntiruvchi o‘zgaruvchi. Output sub-indeksi inson kapitali ustunining tarkibiga kirmagani uchun bog‘liqlik mexanik xususiyatga ega emas.

Tahlil va natijalar.

O‘zbekiston GII reytingida 2020-yilda 131 ta iqtisodiyot ichida 93-o‘rinni, 2026-yilda 139 ta iqtisodiyot ichida 77-o‘rinni egalladi (1-jadval). Ball 2025-yildagi 26,5 dan 2026-yilda 28,7 gacha oshdi. Innovatsion resurslar bo‘yicha o‘rin 81-dan 68-ga, innovatsion natijalar bo‘yicha 118-dan 78-ga yaxshilandi, biroq barcha yillarda natijalar bo‘yicha o‘rin resurslar bo‘yicha o‘rindan past bo‘lib qolmoqda. GII hisobotlariga ko‘ra, O‘zbekiston 2022-yildan boshlab YAIM darajasiga nisbatan kutilganidan yuqori natija ko‘rsatayotgan iqtisodiyotlar qatoriga kiradi.

1-jadval

O‘zbekistonning GII bo‘yicha o‘rni, 2020–2026

Yil	Iqtisodiyotlar soni	GII o‘rni	GII bali	Input o‘rni	Output o‘rni
2020	131	93	–	81	118
2021	132	86	–	75	100
2022	132	82	–	68	91
2023	132	82	–	72	88
2024	133	83	–	71	91
2025	139	79	26,5	69	92
2026	139	77	28,7	68	78

Manba: *GII 2020–2026 O‘zbekiston davlat profillari (WIPO).*

Inson kapitali va tadqiqotlar ustuni 2023–2026-yillarda 25,2 dan 32,4 ballgacha oshdi, ustun bo‘yicha o‘rin 89-dan 70-ga ko‘tarildi (2-jadval). Ustun balli uch kichik ustunning oddiy o‘rtachasi bo‘lgani uchun o‘zgarishni ularning hissasiga ajratish mumkin (muallif hisob-kitobi): oliy ta’lim kichik ustuni 27,4 dan 44,3 gacha (+16,9), tadqiqot va ishlanmalar kichik ustuni 1,9 dan 8,4 gacha (+6,5) oshgan, ta’lim kichik ustuni esa 46,4 dan 44,3 gacha (–2,1) pasaygan. Demak, ustun bo‘yicha o‘sishning taxminan to‘rtdan uch qismi oliy ta’limga qamrov kengayishi hisobiga ta’minlangan, tadqiqot kichik ustuni esa hanuz past (8,4 ball, 73-o‘rin).

2-jadval

Inson kapitali va tadqiqotlar ustuni: ball (o‘rin), 2023–2026

Ustun / kichik ustun	2023	2024	2025	2026
2. Inson kapitali va tadqiqotlar	**25,2 (89)**	**25,1 (93)**	**27,4 (81)**	**32,4 (70)**
2.1 Ta’lim	46,4 (78)	38,9 (104)	41,1 (101)	44,3 (100)
2.2 Oliy ta’lim	27,4 (74)	34,4 (62)	36 (45)	44,3 (27)
2.3 Tadqiqot va ishlanmalar	1,9 (92)	2 (91)	5 (78)	8,4 (73)

Manba: *GII 2023–2026 O‘zbekiston davlat profillari (WIPO).*

3-jadvalda ustunning 12 indikatori bo‘yicha O‘zbekistonning 2026-yildagi holati, LMI guruhi o‘rtachasi va GII auditida (Appendix II) keltirilgan indikatorning GII bilan korrelyatsiya koeffitsiyenti keltirilgan. *Eng yuqori o‘rinlar* fan va muhandislik bitiruvchilari ulushi (2-o‘rin); ta’limga xarajatlar (25-o‘rin); o‘quvchi–o‘qituvchi nisbati (29-o‘rin) bo‘yicha kuzatiladi; *Eng past o‘rinlar:* R&D xarajatlari (99-o‘rin); PISA (81-o‘rin); maktabda o‘qish davomiyligi va bir o‘quvchiga davlat xarajati (har ikkisi 77-o‘rin) bo‘yicha.

3-jadval

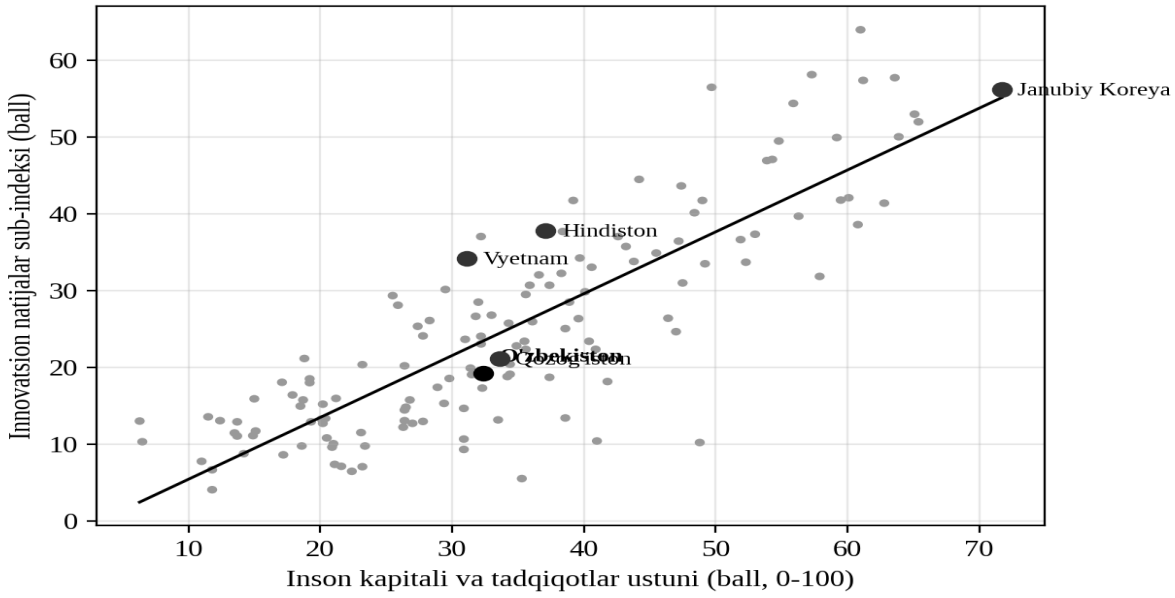
Inson kapitali indikatorlari: O‘zbekiston (GII 2026) va GII bilan bog‘liqlik

Indikator	O‘zbekiston: qiymat (o‘rin)	LMI o‘rtachasi	GII bilan korrelyatsiya*
2.1.1 Ta’limga xarajatlar, % YAIM	5,5 (25)	3,94	0,246
2.1.2 Bir o‘quvchiga davlat xarajati, % aholi jon boshiga YAIM	12,2 (77)	16,28	0,307
2.1.3 Maktabda o‘qish davomiyligi, yil	13,7 (77)	11,57	0,762
2.1.4 PISA	351,4 (81)	371,69	0,800
2.1.5 O‘quvchi–o‘qituvchi nisbati	9,6 (29)	20,57	0,487
2.2.1 Oliy ta’limga qamrov, %	59,8 (55)	25,25	0,720
2.2.2 Fan va muhandislik bitiruvchilari, %	36,8 (2)	23,45	0,242
2.2.3 Oliy ta’limga xalqaro mobillik, %	0,8 (94)	4,58	0,445
2.3.1 Tadqiqotchilar, FTE / mln aholi	639,5 (69)	435,15	0,864
2.3.2 R&D xarajatlari, % YAIM	0,1 (99)	0,3	0,809
2.3.3 Global korporativ R&D investorlari	0 (46)	4,33	0,793
2.3.4 QS reytingi, eng yuqori 3 ta universitet	26,2 (56)	9,49	–

Manba: *GII 2026 hisoboti va O‘zbekiston davlat profili (WIPO); LMI o‘rtachasi – muallif hisob-kitobi.*
** GII 2026, Appendix II, 1-jadval (indikatorning GII bilan korrelyatsiyasi).*

Jadvaldan muhim qonuniyat ko‘rinadi: O‘zbekistonning eng yaxshi o‘rinlaridagi indikatorlar (ta’limga xarajatlar, fan va muhandislik bitiruvchilari) GII bilan eng kuchsiz bog‘langan (korrelyatsiya 0,25 atrofida), eng zaif o‘rinlaridagi indikatorlar (R&D xarajatlari, PISA, o‘qish davomiyligi) esa kuchli bog‘langan (0,76–0,81), tadqiqotchilar zichligi bo‘yicha o‘rin (69-o‘rin) ham shu qatorda (0,86). Bu ma’lumotlar yangilanishining ta’sirini ham hisobga olishni talab qiladi: masalan, fan va muhandislik bitiruvchilari ulushi 2023–2025-yillardagi nashrlarda 2021-yil ma’lumotiga (32,8 foiz) tayanib 12–13-o‘rinda turgan, GII 2026 da esa 2023-yil ma’lumoti (36,8 foiz) qo‘llanib, 2-o‘ringa ko‘tarilgan.

139 ta iqtisodiyot bo‘yicha inson kapitali ustuni Output sub-indeksi bilan kuchli ijobiy bog‘langan: Pirson korrelyatsiya koeffitsiyenti 0,848 (Bilim va texnologiya natijalari ustuni bilan 0,821, Ijodiy natijalar ustuni bilan 0,823). Bivariat regressiyada (1-model) inson kapitali ustuni bali bir ballga yuqori bo‘lishi Output sub-indeksi o‘rtacha 0,806 ballga yuqori bo‘lishi bilan bog‘liq (standart xato 0,043), model Output farqlarining 72,0 foizini tushuntiradi (1-rasm).

1-rasm. Inson kapitali va tadqiqotlar ustuni va Output sub-indeksi

Daromad darajasi bog‘liqlikni to‘liq tushuntirmaydi: 2-modelga YAIMning aholi jon boshiga qiymati logarifmi qo‘shilganda inson kapitali koeffitsiyenti 0,673 (standart xato 0,068) bo‘lib, ahamiyatini saqlaydi; faqat YAIM logarifmi Output farqlarining 54,0 foizini tushuntirsa, inson kapitali ustuni yolg‘iz 72,0 foizni tushuntiradi. Qolgan to‘rtta Input ustuni o‘rtachasi nazorat qilinganda (3-model) koeffitsiyent 0,341 (standart xato 0,067) gacha kamayadi, biroq ahamiyatli bo‘lib

qoladi; bu ustunlar o‘zaro kuchli bog‘langan (korrelyatsiya 0,850), shu sababli inson kapitalining Output bilan bog‘liqligi qisman umumiy rivojlanish sharoitlari bilan birga o‘zgarishi hisobiga, qisman mustaqil ravishda kuzatiladi.

4-jadval

Output sub-indeksi bo‘yicha regressiya natijalari (EKKU)

Model	Inson kapitali koeffitsiyenti (st. xato)	Qo‘shimcha o‘zgaruvchi koeffitsiyenti (st. xato)	R^2	n
1. Output = a + b·HC	0,806 (0,043)	–	0,720	139
2. + ln(YAIM_jb)	0,673 (0,068)	2,232 (0,899)	0,732	139
3. + Boshqa_Input	0,341 (0,067)	0,595 (0,073)	0,812	139

Manba: *GII 2026 ma’lumotlari asosida muallif hisob-kitobi. Bog‘liq o‘zgaruvchi – Output sub-indeksi bali (0–100).*

Kichik ustunlar kesimida eng kuchli bog‘liqlik tadqiqot va ishlanmalar kichik ustunida (korrelyatsiya 0,891), oliy ta’lim kichik ustunida 0,606, ta’lim kichik ustunida 0,542. Uchala kichik ustun birgalikda baholanganda (130 ta iqtisodiyot) tadqiqot va ishlanmalar koeffitsiyenti 0,460 (st. xato 0,030), oliy ta’lim va ta’lim koeffitsiyentlari mos ravishda 0,115 va 0,104, ya’ni tadqiqot kichik ustunining koeffitsiyenti boshqalarnikidan taxminan to‘rt baravar katta. Bu tadqiqotchi kadrlar va ularni moliyalashtirish innovatsion natijalar bilan eng yaqin bog‘langan inson kapitali elementi ekanini ko‘rsatadi va Romer (1990) hamda Furman va boshq. (2002) nazariy xulosalariga mos keladi.

O‘zbekiston uchun 1-model Output bali 23,5 ni kutadi, haqiqiy qiymat esa 19,2; qoldiq -4,3 ball, bu modelning o‘rtacha xatosidan (7,4 ball) kichik. Faqat quyi-o‘rta daromadli 36 ta iqtisodiyot bo‘yicha baholangan modelda (koeffitsiyent 0,458, R^2 = 0,241) kutilgan Output 20,1 ball bo‘lib, haqiqiy qiymatga (19,2) yaqin. Demak, daromadi o‘xshash mamlakatlar ichida O‘zbekistonning natijalari inson kapitali darajasiga mos keladi; jahon miqyosida past bo‘lishining asosiy sababi inson kapitali darajasining o‘zi (ayniqsa, tadqiqotlar komponenti) pastligidir.

Xulosa va takliflar.

Tadqiqot natijalari quyidagi xulosalarga olib keladi. Birinchidan, O‘zbekiston GIIda 2020-yildagi 93-o‘rindan 2026-yilda 77-o‘ringa ko‘tarildi, inson kapitali ustuni bo‘yicha o‘rin 89-dan 70-ga yaxshilandi, lekin innovatsion natijalar resurslardan orqada qolmoqda. Ikkinchidan, ustun bo‘yicha o‘sishning asosiy qismi oliy ta’limga

qamrov kengayishidan kelib chiqqan, ta’lim kichik ustuni balli pasaygan, tadqiqot kichik ustuni esa past darajada qolmoqda. Uchinchidan, 139 ta iqtisodiyot ma’lumotlarida inson kapitali ustuni innovatsion natijalar farqlarining katta qismini tushuntiradi va bu bog‘liqlik daromad darajasi hamda boshqa Input ustunlari nazorat qilinganda ham saqlanadi; eng kuchli bog‘langan komponent – tadqiqot va ishlanmalar. To‘rtinchidan, O‘zbekistonning eng yaxshi o‘rinlaridagi indikatorlar GII bilan kuchsiz, eng zaif o‘rinlaridagi indikatorlar esa kuchli bog‘langan.

Shu asosda quyidagi takliflar beriladi:

–tadqiqotlar va ishlanmalarni moliyalashtirish hamda tadqiqotchi kadrlar zichligini inson kapitali siyosatining ustuvor yo‘nalishi sifatida belgilash va SQ-963-IV maqsadlari bilan har yili solishtirib borish;

–ta’lim sifati (PISA) va bir o‘quvchiga davlat xarajatini alohida kuzatish, ta’lim xarajatlarining bosqichlar va o‘quvchi hajmi bo‘yicha taqsimlanishini tahlil qilish;

–oliy ta’lim kengayishini sifat ko‘rsatkichlari va xalqarolashuv (chet ellik talabalar, universitetlarning xalqaro reytinglari, sanoat bilan hamkorlik) bilan to‘ldirish;

–tadbirkorlik va startaplarni qo‘llab-quvvatlash siyosatini universitetlar, ilmiy muassasalar va tadqiqot salohiyati bilan bog‘lash;

–milliy ma’lumotlarni xalqaro tashkilotlarga o‘z vaqtida taqdim etish tizimini mustahkamlash, GII bo‘yicha maqsadli ko‘rsatkichlarni yagona bazaviy yil va qiymat hamda o‘rin maqsadlari bilan yangilash.

Tadqiqotning keyingi yo‘nalishi – 2020–2026-yillar panel ma’lumotlari asosida vaqt bo‘yicha kechikishlarni hisobga olgan modellar, milliy statistika manbalari bilan GII ma’lumotlarini solishtirish hamda Janubiy Koreya kabi tajribalarni chuqur o‘rganishdir.

Adabiyotlar:

1. Acemoglu, D. and Autor, D. (2011) ‘Skills, tasks and technologies: implications for employment and earnings’, in Card, D. and Ashenfelter, O. (eds.) Handbook of Labor Economics, vol. 4B. Amsterdam: Elsevier, pp. 1043–1171.

2. Aghion, P. and Howitt, P. (1992) ‘A model of growth through creative destruction’, Econometrica, 60(2), pp. 323–351.

3. Becker, G.S. (1964) Human capital: a theoretical and empirical analysis, with special reference to education. New York: National Bureau of Economic Research.

4. Benhabib, J. and Spiegel, M.M. (1994) 'The role of human capital in economic development: evidence from aggregate cross-country data', Journal of Monetary Economics, 34(2), pp. 143–173.

5. Bils, M. and Klenow, P.J. (2000) 'Does schooling cause growth?', American Economic Review, 90(5), pp. 1160–1183.

6. Bloom, N., Jones, C.I., Van Reenen, J. and Webb, M. (2020) 'Are ideas getting harder to find?', American Economic Review, 110(4), pp. 1104–1144.

7. Cohen, W.M. and Levinthal, D.A. (1990) 'Absorptive capacity: a new perspective on learning and innovation', Administrative Science Quarterly, 35(1), pp. 128–152.

8. Etzkowitz, H. and Leydesdorff, L. (2000) 'The dynamics of innovation: from National Systems and "Mode 2" to a Triple Helix of university–industry–government relations', Research Policy, 29(2), pp. 109–123.

9. Freeman, C. (1987) Technology policy and economic performance: lessons from Japan. London: Pinter.

10. Furman, J.L., Porter, M.E. and Stern, S. (2002) 'The determinants of national innovative capacity', Research Policy, 31(6), pp. 899–933.

11. Griliches, Z. (1990) 'Patent statistics as economic indicators: a survey', Journal of Economic Literature, 28(4), pp. 1661–1707.

12. Hanushek, E.A. and Kimko, D.D. (2000) 'Schooling, labor-force quality, and the growth of nations', American Economic Review, 90(5), pp. 1184–1208.

13. Hanushek, E.A. and Woessmann, L. (2008) 'The role of cognitive skills in economic development', Journal of Economic Literature, 46(3), pp. 607–668.

14. Hanushek, E.A. and Woessmann, L. (2015) The knowledge capital of nations: education and the economics of growth. Cambridge, MA: MIT Press.

15. Jones, B.F. (2009) 'The burden of knowledge and the "death of the Renaissance man": is innovation getting harder?', Review of Economic Studies, 76(1), pp. 283–317.

16. Kim, L. (1997) Imitation to innovation: the dynamics of Korea's technological learning. Boston, MA: Harvard Business School Press.

17. Krueger, A.B. and Lindahl, M. (2001) 'Education for growth: why and for whom?', Journal of Economic Literature, 39(4), pp. 1101–1136.

18. Lall, S. (1992) 'Technological capabilities and industrialization', World Development, 20(2), pp. 165–186.

19. Lucas, R.E. (1988) 'On the mechanics of economic development', Journal of Monetary Economics, 22(1), pp. 3–42.

20. Lundvall, B.-Å. (ed.) (1992) National systems of innovation: towards a theory of innovation and interactive learning. London: Pinter.

21. Mankiw, N.G., Romer, D. and Weil, D.N. (1992) 'A contribution to the empirics of economic growth', Quarterly Journal of Economics, 107(2), pp. 407–437.

22. Mincer, J. (1958) 'Investment in human capital and personal income distribution', Journal of Political Economy, 66(4), pp. 281–302.

23. Nelson, R.R. (ed.) (1993) National innovation systems: a comparative analysis. New York: Oxford University Press.

24. Nelson, R.R. and Phelps, E.S. (1966) 'Investment in humans, technological diffusion, and economic growth', American Economic Review, 56(1/2), pp. 69–75.

25. OECD/Eurostat (2018) Oslo manual 2018: guidelines for collecting, reporting and using data on innovation. 4th edn. Paris: OECD Publishing.

26. Paruolo, P., Saisana, M. and Saltelli, A. (2013) 'Ratings and rankings: voodoo or science?', Journal of the Royal Statistical Society: Series A, 176(3), pp. 609–634.

27. Pritchett, L. (2001) 'Where has all the education gone?', World Bank Economic Review, 15(3), pp. 367–391.

28. Romer, P.M. (1990) 'Endogenous technological change', Journal of Political Economy, 98(5), pp. S71–S102.

29. Saisana, M., D'Hombres, B. and Saltelli, A. (2011) 'Rickety numbers: volatility of university rankings and policy implications', Research Policy, 40(1), pp. 165–177.

30. Schultz, T.W. (1961) 'Investment in human capital', American Economic Review, 51(1), pp. 1–17.

31. Schumpeter, J.A. (1934) The theory of economic development. Cambridge, MA: Harvard University Press.

32. Solow, R.M. (1956) 'A contribution to the theory of economic growth', Quarterly Journal of Economics, 70(1), pp. 65–94.

33. WIPO (2025) Global Innovation Index 2025: innovation at a crossroads. Geneva: World Intellectual Property Organization.

34. WIPO (2026) Global Innovation Index 2026: powering entrepreneurs at the frontier of science. Geneva: World Intellectual Property Organization. Available at: https://www.wipo.int/gii-ranking/en.

35. O'zbekiston Respublikasi Oliy Majlisi Senati (2024) SQ-963-IV-sonli qarori, 16-avgust (ilovalar bilan).

MEHNAT MIGRANTLARI PUL O‘TKAZMALARIGA QARAMLIK VA UNING O‘ZBEKISTON IQTISODIYOTINING TARKIBIY TRANSFORMATSIYASIGA TA’SIRI

Nishanova Zulxayo Bahromovna
Jahon iqtisodiyoti va diplomatiya universiteti «Xalqaro iqtisodiyot» kafedrasi o‘qituvchisi

Annotatsiya. *Ushbu maqolada mehnat migrantlarining pul o‘tkazmalariga iqtisodiyotning qaramligi kuchayishi bilan bog‘liq xatarlar hamda ularning O‘zbekiston iqtisodiyotidagi tarkibiy va institutsional transformatsiya jarayonlariga ta’siri ko‘rib chiqiladi. Pul o‘tkazmalarining ikki tomonlama xususiyati ochib beriladi: bir tomondan, ular aholi daromadlarini qo‘llab-quvvatlash, ichki talabni rag‘batlantirish, kambag‘allikni qisqartirish va ijtimoiy barqarorlikni ta’minlashga xizmat qiladi; ikkinchi tomondan esa, ularga uzoq muddatli qaramlikning kuchayishi ichki ishlab chiqarishni rivojlantirish, mehnat unumdorligini oshirish va zarur islohotlarni amalga oshirishga bo‘lgan rag‘batlarni susaytirishi mumkin. Markaziy Osiyo mamlakatlari ko‘rsatkichlarini qiyosiy tahlil qilish asosida migratsiya oqimi, pul o‘tkazmalari hajmi, inson kapitalining rivojlanishi va davlat institutlari sifati o‘rtasidagi o‘zaro bog‘liqlik tahlil qilinadi. Pul o‘tkazmalari «la’nati»ning shakllanish xatarlariga alohida e’tibor qaratilib, ular ishchi kuchini eksport qilish modelining mustahkamlanishi, ishlab chiqarishga yo‘naltiriladigan investitsiyalarning cheklanishi, malakali kadrlar taqchilligi va institutsional inertlikning yuzaga kelishida namoyon bo‘lishi ko‘rsatiladi. Yakunda pul o‘tkazmalarini asosan iste’mol xarajatlarini moliyalashtiruvchi daromad manbaidan ichki investitsiyalarni ko‘paytirish, tadbirkorlikni rivojlantirish, inson kapitalini yuksaltirish va yuqori unumdor ish o‘rinlarini yaratishga xizmat qiluvchi resursga aylantirishning asosiy yo‘nalishlari belgilab beriladi.*

Kalit so‘zlar: *tashqi mehnat migratsiyasi, pul o‘tkazmalari, «pul o‘tkazmalari la’nati», tarkibiy islohotlar, institutsional islohotlar, mehnat bozori, inson kapitali, iqtisodiy transformatsiya, O‘zbekiston, Markaziy Osiyo.*

DEPENDENCE ON REMITTANCES FROM LABOR MIGRANTS AND ITS IMPACT ON THE STRUCTURAL TRANSFORMATION OF UZBEKISTAN'S ECONOMY

Nishanova Zulkhayo Bahromjon qizi
lecturer, Department of International Economics,
University of World Economy and Diplomacy

Abstract. *This paper examines the risks associated with the growing dependence of the economy on labour migrants' remittances and their implications for the structural and institutional transformation of Uzbekistan's economy. It explores the dual nature of remittances: on the one hand, they support household incomes, domestic demand, poverty reduction, and social stability; on the other hand, prolonged dependence on remittances may weaken incentives to develop domestic production, increase labour productivity, and implement necessary reforms. By comparing indicators across Central Asian countries, the paper analyses the relationship between net migration outflows, remittance volumes, human capital development, and the quality of public institutions. Particular attention is paid to the risks of a "remittance curse," which may manifest itself in the entrenchment of a labour-export model, limited productive investment, shortages of skilled workers, and institutional inertia. Finally, the paper identifies key ways to transform remittances from a predominantly consumption-based source of income into a resource for domestic investment, entrepreneurship development, human capital enhancement, and the creation of high-productivity jobs.*

Keywords: *international labour migration, remittances, "remittance curse," structural reforms, institutional reforms, labour market, human capital, economic transformation, Uzbekistan, Central Asia.*

ЗАВИСИМОСТЬ ОТ ДЕНЕЖНЫХ ПЕРЕВОДОВ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА СТРУКТУРНУЮ ТРАНСФОРМАЦИЮ ЭКОНОМИКИ УЗБЕКИСТАНА

Нишанова Зулхаё Бахромовна
преподаватель кафедры «Международная экономика»
университета Мировой экономики и дипломатии

Аннотация. *В работе рассматриваются риски усиления зависимости экономики от денежных переводов трудовых мигрантов и их влияние на структурную и институциональную трансформацию экономики Узбекистана. Раскрывается двойственный характер денежных переводов: с одной стороны, они поддерживают доходы населения, внутренний спрос, снижение бедности и социальную устойчивость, с другой — при длительном росте зависимости могут ослаблять стимулы к развитию внутреннего производства, повышению производительности труда и проведению необходимых реформ. На основе сопоставления показателей стран Центральной Азии анализируется взаимосвязь между миграционным оттоком, масштабами денежных переводов, развитием человеческого капитала и качеством государственных институтов. Особое внимание уделяется рискам формирования «проклятия денежных переводов», проявляющимся в закреплении модели экспорта рабочей силы, ограничении производительных инвестиций, дефиците квалифицированных кадров и возникновении институциональной инерции. В заключение определяются основные направления трансформации денежных переводов из преимущественно потребительского источника доходов в ресурс внутренних инвестиций, развития предпринимательства, человеческого капитала и создания высокопроизводительных рабочих мест.*

Ключевые слова: *внешняя трудовая миграция, денежные переводы, «проклятие денежных переводов», структурные реформы, институциональные реформы, рынок труда, человеческий капитал, экономическая трансформация, Узбекистан, Центральная Азия.*

Введение.

Денежные переводы как фактор устойчивости и источник структурных рисков. За последние два десятилетия денежные переводы трудовых мигрантов стали важным фактором социально-экономической устойчивости ряда стран Центральной Азии. В Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане они обеспечивают значительный приток иностранной валюты, поддерживают доходы населения, внутренний спрос и социальную стабильность. Вместе с тем высокая зависимость от миграционных доходов создаёт риски формирования «проклятия денежных переводов», при котором внешние поступления начинают замещать внутренние источники роста и ослаблять стимулы к структурным и институциональным реформам.

В краткосрочной перспективе денежные переводы способствуют снижению бедности и смягчению социальных проблем. Однако в долгосрочном периоде они могут закреплять модель развития, основанную на экспорте рабочей силы и внешних доходах, а не на повышении

производительности труда, индустриализации и развитии высокотехнологичных отраслей.

Международный опыт показывает, что длительная зависимость от денежных переводов нередко сопровождается замедлением структурной трансформации экономики, ограниченным ростом производительности и преобладанием потребительской модели развития. Значительная часть переводов направляется на текущее потребление, строительство жилья и импортные товары, тогда как их вклад в производственные инвестиции остаётся ограниченным.

Дополнительным риском является возникновение элементов «голландской болезни» (Dutch Disease), когда приток внешних доходов стимулирует импорт и ослабляет конкурентоспособность внутреннего производства. Это усиливает структурные дисбалансы и повышает зависимость экономики от внешней конъюнктуры.

Высокая роль денежных переводов также может снижать давление на государство в вопросах создания рабочих мест, индустриализации и модернизации экономики. В этих условиях переводы фактически выполняют функцию социального компенсатора, что повышает риск откладывания необходимых структурных реформ.

Литературный обзор.

В научных исследованиях денежные переводы рассматриваются одновременно как источник дополнительного дохода домохозяйств, механизм перераспределения финансовых ресурсов между странами и потенциальный фактор структурных изменений в национальной экономике. При этом оценки их долгосрочного воздействия остаются неоднозначными. Если одни исследования подчёркивают способность переводов сокращать бедность, поддерживать внутренний спрос и расширять финансовые возможности населения, то другие обращают внимание на ограниченное влияние этих поступлений на производственные инвестиции, производительность труда и диверсификацию экономики.

Теоретические основы изучения денежных переводов связаны с развитием концепций международной трудовой миграции и экономики домохозяйств. В рамках подхода новой экономики трудовой миграции решение о выезде за рубеж рассматривается не только как индивидуальный

выбор работника, но и как часть стратегии домохозяйства по диверсификации источников дохода и снижению экономических рисков. В этом контексте денежные переводы позволяют компенсировать недостаток доходов внутри страны, сглаживать потребление и обеспечивать финансовую поддержку членам семьи. Вместе с тем экономические результаты миграции зависят от того, каким образом полученные средства используются и существуют ли в стране происхождения условия для их преобразования в производительный капитал.

Значительный вклад в изучение связи между денежными переводами и экономическим ростом внесли Cazachevici, Havranek и Horvath [1]. В рамках метаанализа 95 исследований, включавших 538 эмпирических оценок, авторы установили, что влияние переводов на экономический рост неоднородно. Хотя средний эффект после корректировки возможного смещения публикаций остаётся положительным, его экономическая величина сравнительно невелика. Авторы также выявили существенные региональные различия и подчеркнули важность учёта других источников внешнего финансирования, включая прямые иностранные инвестиции и международную помощь. Полученные результаты свидетельствуют о том, что увеличение объёма денежных переводов само по себе не гарантирует ускорения экономического роста: значение имеют институциональные условия, доступность инвестиционных возможностей и характер использования поступающих средств.

Другой аспект проблемы связан с различием между непосредственным повышением благосостояния населения и долгосрочным преобразованием структуры экономики. Денежные переводы могут способствовать сокращению бедности, увеличению располагаемых доходов и поддержанию потребительского спроса, однако эти эффекты не обязательно сопровождаются расширением производственного потенциала. Если основная часть средств направляется на текущее потребление, приобретение жилья и другие расходы домохозяйств, влияние переводов на создание новых предприятий, технологическое обновление и повышение производительности может оставаться ограниченным. Следовательно, при оценке роли денежных переводов необходимо разграничивать их социальный эффект и вклад в структурную трансформацию экономики.

Эмпирические исследования Узбекистана позволяют конкретизировать данный вопрос. В статье Kakhkharov, Ahunov, Parpiev и Wolfson (2021) «South-South Migration: Remittances of Labour Migrants and Household Expenditures in Uzbekistan» [2] рассматривается влияние денежных переводов на структуру расходов домохозяйств. Используя регрессионный анализ с инструментальными переменными для учёта возможной эндогенности и самоотбора мигрантов, авторы выявили, что домохозяйства, получающие переводы, направляют относительно большую долю расходов на непродовольственное потребление. При этом влияние переводов на расходы на здравоохранение оказалось отрицательным, а статистически значимого эффекта в отношении расходов на образование авторы не обнаружили. Результаты исследования указывают на то, что увеличение доходов благодаря трудовой миграции не обязательно сопровождается соответствующим ростом вложений в человеческий капитал. Для структурной трансформации экономики это имеет принципиальное значение, поскольку развитие производительности и повышение квалификации рабочей силы требуют устойчивого накопления образовательного и профессионального потенциала.

Важное значение для анализа Узбекистана имеет исследование Seitz (2019) «International Migration and Household Well-Being: Evidence from Uzbekistan» [3], опубликованное в серии рабочих документов Всемирного банка. Автор рассматривает взаимосвязь международной миграции, благосостояния домохозяйств и социально-экономических условий на основе административных данных и панельного обследования населения. Данная работа расширяет представление о миграции как о механизме адаптации домохозяйств к изменениям на рынке труда. Вместе с тем анализ благосостояния на уровне домохозяйств и оценка структурных изменений на уровне национальной экономики представляют собой разные исследовательские задачи. Улучшение материального положения семей не следует автоматически интерпретировать как свидетельство диверсификации производства или повышения конкурентоспособности отечественных предприятий.

Макроэкономический аспект проблемы раскрывается в исследованиях Международного валютного фонда. В работе Chami и соавторов (2009) «Do Workers' Remittances Promote Economic Growth?» [4] анализируется вопрос о том, способствуют ли денежные переводы долгосрочному экономическому

росту. Авторы подчёркивают необходимость корректного измерения переводов и решения проблемы эндогенности при оценке их воздействия. Результаты исследования не подтверждают устойчивого положительного влияния переводов на экономический рост. Этот вывод не означает, что денежные переводы не имеют экономической ценности: они могут поддерживать потребление и снижать уязвимость домохозяйств. Однако их воздействие на долгосрочное накопление капитала и производительность не является автоматическим. Для стран, существенно зависящих от внешних трудовых рынков, это означает необходимость изучения не только объёма поступающих средств, но и механизмов их включения в национальный инвестиционный процесс.

Более широкий подход к оценке последствий международной миграции представлен в обзоре Международного валютного фонда «The Impact of International Migration on Inclusive Growth: A Review» [5]. В нём рассматриваются как положительные последствия миграции, связанные с ростом доходов, денежными переводами и расширением международных экономических связей, так и потенциальные издержки для стран происхождения, включая потерю человеческого капитала. С этой точки зрения влияние миграции на структурную трансформацию нельзя свести исключительно к финансовым потокам. Необходимо также учитывать изменение предложения рабочей силы, квалификационной структуры занятости, профессионального опыта мигрантов и возможностей передачи знаний и технологий после их возвращения. Таким образом, денежные переводы выступают лишь одним из каналов, через которые международная миграция воздействует на развитие национальной экономики.

В контексте Узбекистана особую актуальность приобретает вопрос о том, способствует ли приток денежных переводов развитию внутреннего производства или преимущественно поддерживает потребительский спрос. При значительной роли миграционных доходов в финансовом положении домохозяйств их колебания могут отражаться на внутреннем спросе, объёмах валютных поступлений и условиях функционирования отдельных отраслей. Вместе с тем направление и масштаб этих эффектов зависят от динамики заработков мигрантов, экономической ситуации в странах назначения, стоимости международных переводов, валютного курса и поведения получателей средств. Поэтому зависимость от переводов следует

рассматривать не только как социально-экономическую характеристику домохозяйств, но и как потенциальный источник уязвимости национальной экономики к внешним шокам.

В совокупности рассмотренные исследования показывают, что денежные переводы обладают двойственным экономическим эффектом. С одной стороны, они поддерживают доходы населения, смягчают последствия недостаточной занятости и способствуют сохранению потребительской активности. С другой стороны, их влияние на долгосрочный рост, производственные инвестиции и накопление человеческого капитала зависит от институциональной среды и возможностей продуктивного использования поступающих средств. Следовательно, ключевым вопросом становится не только масштаб денежных переводов, но и их роль в изменении отраслевой структуры экономики, развитии предпринимательства, повышении производительности труда и формировании более устойчивых внутренних источников экономического роста.

Несмотря на наличие исследований, посвящённых благосостоянию домохозяйств, экономическому росту и последствиям международной миграции, сохраняется необходимость комплексного изучения взаимосвязи между зависимостью Узбекистана от денежных переводов и структурной трансформацией его экономики. В частности, требует дополнительного анализа вопрос о том, в какой степени миграционные доходы способствуют переходу от потребительской модели использования внешних поступлений к расширению производственных инвестиций, развитию малого и среднего предпринимательства, накоплению человеческого капитала и диверсификации национального производства. Кроме того, важно установить, как зависимость от денежных переводов взаимодействует с отраслевой структурой занятости, динамикой внутреннего спроса и чувствительностью экономики к изменениям в странах назначения мигрантов.

Таким образом, настоящая статья направлена на развитие существующей исследовательской повестки посредством анализа влияния зависимости от денежных переводов трудовых мигрантов на структурную трансформацию экономики Узбекистана. В отличие от исследований, сосредоточенных преимущественно на благосостоянии домохозяйств или агрегированном экономическом росте, предполагаемый подход акцентирует

внимание на механизмах, связывающих внешние миграционные доходы с изменением структуры производства, инвестиций и занятости. Это позволяет рассматривать денежные переводы не только как источник текущего финансирования потребления, но и как фактор, потенциальное воздействие которого на долгосрочное развитие определяется способностью национальной экономики преобразовывать внешние финансовые поступления в устойчивые внутренние производственные возможности.

Методология исследования.

Методологическую основу исследования составляют системный и сравнительный подходы, методы описательной статистики и графического анализа. Исследование направлено на выявление взаимосвязи между зависимостью экономики от денежных переводов трудовых мигрантов и процессами структурной и институциональной трансформации в странах Центральной Азии с особым акцентом на экономику Узбекистана

Информационную базу исследования составляют данные Всемирного банка, в том числе показатели базы World Development Indicators (WDI), индикаторы человеческого капитала (Human Capital Index) и показатели качества государственного управления Worldwide Governance Indicators (WGI). Основной период исследования охватывает 2002–2024 годы. Для межстранового сравнения рассматриваются Узбекистан, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан, что позволяет сопоставить страны с различными уровнями зависимости от денежных переводов и особенностями экономического развития.

На первом этапе применяется описательный статистический анализ динамики чистой миграции и денежных переводов, выраженных в процентах к валовому внутреннему продукту. Это позволяет оценить масштабы внешнего миграционного оттока, определить степень зависимости национальных экономик от поступлений из-за рубежа и выявить основные тенденции изменения рассматриваемых показателей в течение исследуемого периода.

На втором этапе проводится сравнительный анализ взаимосвязи между денежными переводами и человеческим капиталом. Для этого сопоставляются показатели денежных переводов в процентах к ВВП и индекс человеческого капитала в странах Центральной Азии. Такой подход позволяет

рассмотреть, сопровождается ли высокая зависимость от миграционных доходов сопоставимыми изменениями в развитии человеческого капитала, а также выявить различия между национальными моделями экономического развития.

На третьем этапе анализируется взаимосвязь между зависимостью от денежных переводов и качеством государственных институтов. Для оценки институционального измерения используются данные о показателе эффективности государственного управления (Government Effectiveness), входящем в систему Worldwide Governance Indicators Всемирного банка. Сопоставление данного показателя с долей денежных переводов в ВВП позволяет выявить особенности институциональной динамики стран Центральной Азии и определить, сопровождается ли увеличение зависимости от внешних миграционных доходов соответствующими изменениями в качестве государственного управления.

На четвёртом этапе применяется графический и сравнительный анализ полученных результатов. Динамика рассматриваемых показателей представляется в виде графиков, позволяющих выявить общие тенденции, межстрановые различия и возможные взаимосвязи между миграционными процессами, денежными переводами, человеческим капиталом и эффективностью государственных институтов. Особое внимание уделяется выявлению рисков формирования так называемого «проклятия денежных переводов», при котором устойчивое поступление внешних доходов может сопровождаться закреплением модели экспорта рабочей силы, ограниченными возможностями производительных инвестиций и замедлением структурных преобразований.

Используемая методология позволяет рассматривать денежные переводы не только как источник финансовой поддержки домохозяйств, но и как фактор, потенциально связанный с долгосрочными изменениями в экономической и институциональной структуре стран происхождения мигрантов. При этом выявленные статистические взаимосвязи интерпретируются с учётом особенностей национального развития. Поскольку исследование основано преимущественно на сравнительном анализе динамики показателей и не предполагает отдельной эконометрической идентификации причинно-следственных связей, обнаруженные зависимости не рассматриваются как достаточное

доказательство прямого воздействия денежных переводов на человеческий капитал или качество государственных институтов.

Таким образом, сочетание описательного статистического, сравнительного и графического методов обеспечивает комплексный анализ взаимосвязи между зависимостью от денежных переводов и структурной трансформацией экономик Центральной Азии. Полученные результаты служат основой для определения рисков долгосрочной зависимости от внешних миграционных доходов и разработки рекомендаций по их более эффективному использованию для развития внутреннего производства, предпринимательства, человеческого капитала и производительной занятости в Узбекистане.

Миграция и усиление зависимости экономик от денежных переводов. Представленные ниже данные свидетельствуют об устойчивой взаимосвязи между масштабами миграционного оттока и ролью денежных переводов в экономиках стран Центральной Азии *(за исключением Туркменистана)*. Наиболее выражена данная тенденция в Кыргызстане и Таджикистане, где продолжительный отрицательный миграционный баланс сопровождался ростом денежных переводов до 30–50% от ВВП *(График 1)*. Это указывает на формирование модели развития, при которой значительная часть доходов населения и внутреннего спроса обеспечивается за счет внешних источников, а не внутреннего производства.

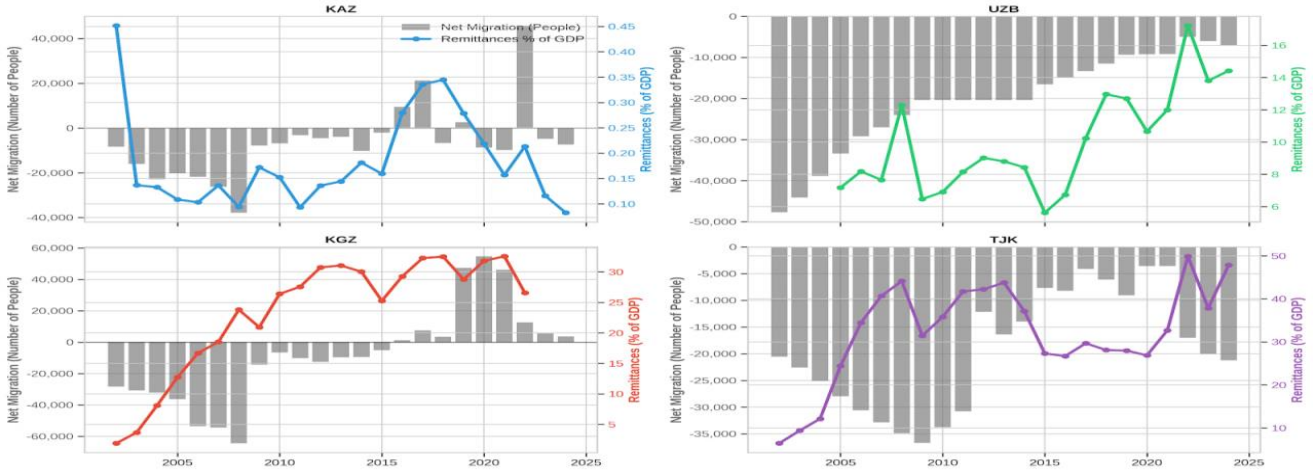

График 1. Динамика чистой миграции и денежных переводов в странах Центральной Азии в 2002–2024 гг.

Источник: *составлено автором на основе данных World Bank (World Development Indicators): Net migration (SM.POP.NETM) и Personal remittances, received (% of GDP) (BX.TRF.PWKR.DT.GD.ZS), 2002–2024 гг.*

Наиболее высокая зависимость от денежных переводов характерна для Кыргызстана и Таджикистана, где она снижает стимулы к структурным реформам и повышает уязвимость экономик к внешним шокам. В Узбекистане рост переводов способствует поддержанию внутреннего спроса и социальной стабильности, однако может ограничивать развитие высокопроизводительных отраслей экономики. Казахстан, напротив, практически не зависит от денежных переводов, а его экономический рост опирается преимущественно на внутреннее производство, инвестиции и экспорт, что минимизирует риски формирования «проклятия денежных переводов».

Влияние денежных переводов на рынок труда и человеческий капитал. Дополнительной проблемой является влияние миграционной модели на рынок труда и человеческий капитал. Масштабная трудовая миграция зачастую охватывает наиболее экономически активную часть населения, включая молодёжь и трудоспособных граждан. При длительном сохранении такой модели экономика сталкивается с рисками дефицита квалифицированной рабочей силы, нехватки специалистов в производственных секторах и снижения мотивации к профессиональному развитию внутри страны. Более того, у части населения формируется восприятие трудовой миграции как основной стратегии экономической мобильности, тогда как предпринимательская активность и участие в развитии внутреннего производства отходят на второй план.

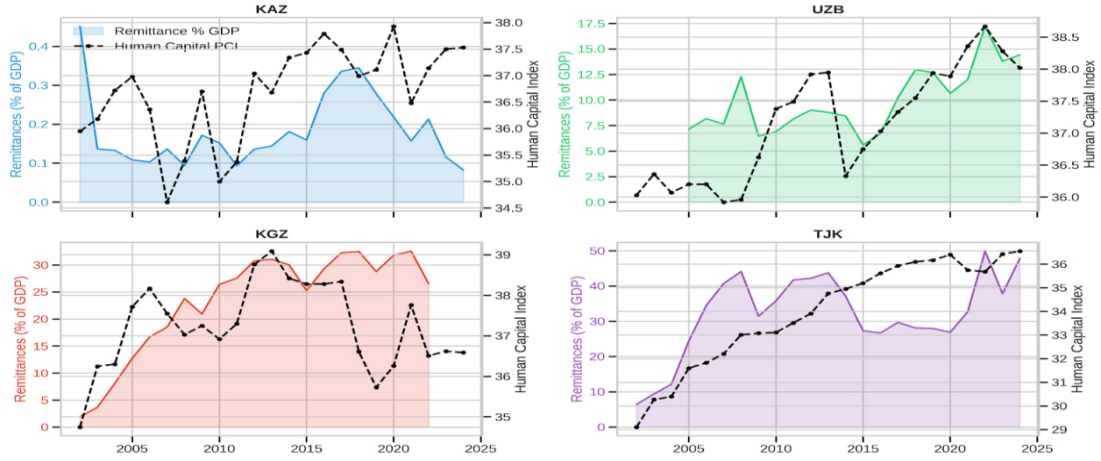

График 2. Взаимосвязь денежных переводов и человеческого капитала в странах Центральной Азии в 2002–2024 гг.

Источник: *составлено автором на основе данных Всемирного банка: Personal remittances, received (% of GDP) и Human Capital Index (HCI), 2002–2024 гг.*

График 2 отражает взаимосвязь между зависимостью экономики от денежных переводов трудовых мигрантов и динамикой человеческого капитала в странах Центральной Азии. Данный график может отражать две взаимосвязи. Во-первых, сопоставление показателей демонстрирует, что высокий объем денежных переводов не всегда сопровождается сопоставимым улучшением человеческого капитала, что может свидетельствовать о рисках формирования «проклятия денежных переводов». Во-вторых, повышение человеческого капитала сопровождается высоким оттоком трудовых ресурсов в Узбекистане и Таджикистане *(менее выражено в Казахстане и Кыргызстане)*, что также отражено чистым оттоком населения и зависимостью от зарубежных источников дохода.

Казахстан, однако, демонстрирует устойчивый рост человеческого капитала при минимальной зависимости от денежных переводов. Это указывает на наличие совершенно иного типа структурной проблемы, связанной с «утечкой мозгов» *(процесс, при котором высококвалифицированные специалисты, ученые, инженеры, врачи и другие образованные слои населения уезжают из своей страны для работы, учебы или постоянного проживания в других государствах, где условия труда, уровень доходов и возможности для профессионального развития более привлекательны)*. В случае «утечки умов» истощается научно-технический потенциал страны, что сдерживает развитие высокотехнологичных отраслей. При этом важно понимать, что рост денежных переводов, как таковой, не обеспечивает накопление человеческого капитала и не заменяет необходимость внутренних реформ.

Институциональная инерция как следствие зависимости от денежных переводов. Не менее важным риском становится институциональная инерция. В условиях, когда денежные переводы поддерживают доходы населения и внутреннее потребление, государственная система сталкивается с меньшим общественным давлением в вопросах повышения качества институтов, защиты бизнеса, развития конкуренции и повышения эффективности государственного управления. Иными словами, внешние доходы начинают частично компенсировать слабость внутренних институтов, что снижает стимулы к ускоренному проведению институциональных преобразований. График 3 демонтирует обратную корреляцию между индексом качества

институтов и денежными переводами в процентах от ВВП в странах Центральной Азии.

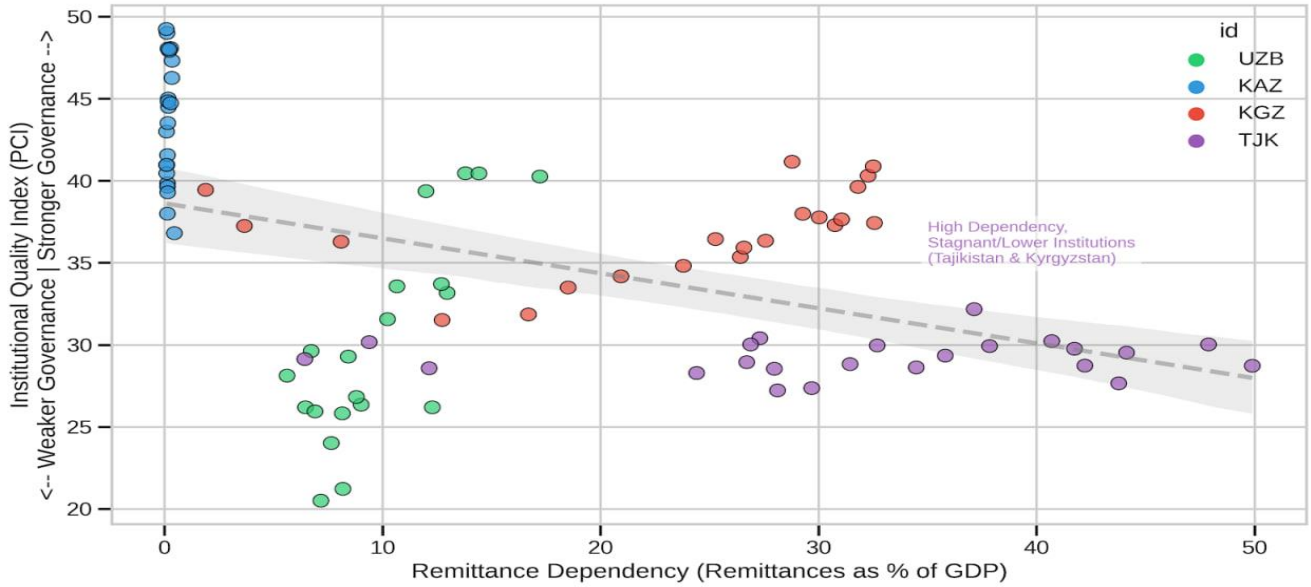

График 3. Взаимосвязь денежных переводов и качества институтов в странах Центральной Азии в 2002–2024 гг.

Денежные переводы и качество государственного управления. В ряде стран Центральной Азии миграционные доходы частично компенсируют недостатки внутренней экономической политики, снижая стимулы к проведению структурных реформ. Данная тенденция соответствует концепции «проклятия денежных переводов», при которой ослабляется давление на государственные институты в вопросах повышения эффективности управления, диверсификации экономики и создания рабочих мест. График 4 показывает, что рост зависимости от денежных переводов не всегда сопровождается сопоставимым улучшением качества государственного управления.

Казахстан демонстрирует наиболее высокий уровень институционального прогресса при минимальной зависимости от денежных переводов. В Кыргызстане и Таджикистане рост переводов сопровождался ограниченным улучшением качества государственного управления, что указывает на риск ослабления стимулов к реформам. Узбекистан после 2017 года демонстрирует положительную динамику институционального развития, подтверждая, что риски «проклятия денежных переводов» могут быть снижены при последовательной реализации реформ.

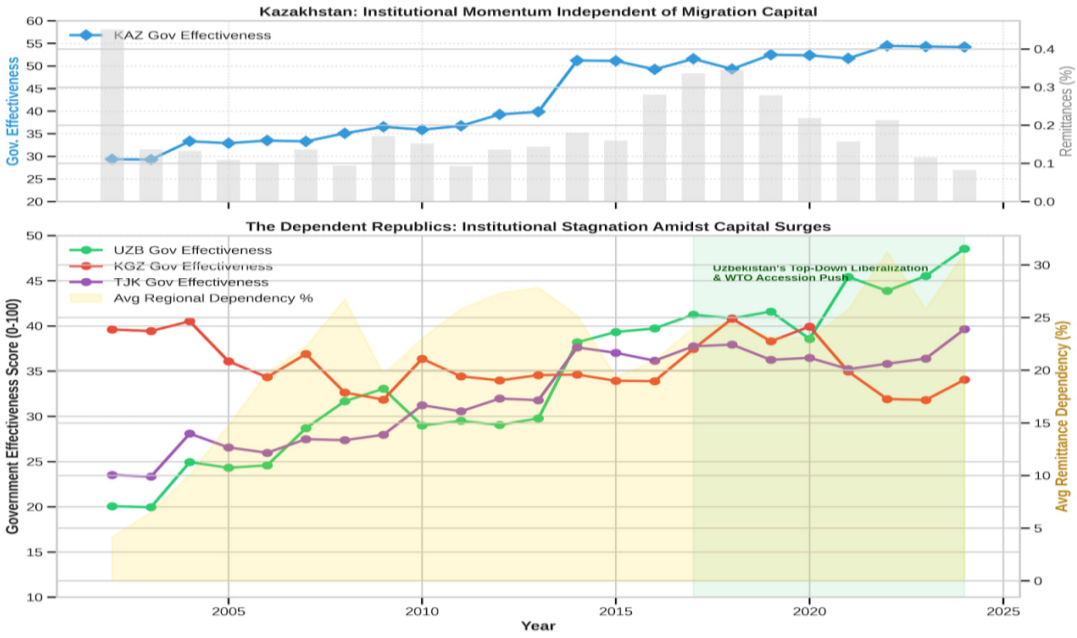

График 4. Взаимосвязь зависимости от денежных переводов и эффективности государственного управления в странах Центральной Азии в 2002–2024 гг.

Источник: составлено автором на основе данных World Bank: Personal remittances, received (% of GDP) (BX.TRF.PWKR.DT.GD.ZS) и Government Effectiveness (Worldwide Governance Indicators), 2002–2024 гг.

В этой связи ключевой задачей государственной политики должно стать создание условий, при которых денежные переводы смогут стать источником внутреннего развития, а не фактором закрепления структурной зависимости. Для этого необходимы механизмы стимулирования производственных инвестиций, повышения привлекательности внутреннего предпринимательства, развития промышленного сектора и сферы услуг, создания высокопроизводительных рабочих мест внутри страны. Только в этом случае внешние доходы смогут способствовать модернизации экономики, а не замещать необходимость глубоких структурных и институциональных реформ.

Риски формирования институциональной ловушки. В итоге, по мере роста зависимости от денежных переводов усиливается риск возникновения своеобразной институциональной ловушки. Денежные переводы повышают благосостояние домохозяйств, снижают уровень бедности и поддерживают внутренний спрос, однако одновременно могут ослаблять стимулы как у

населения, так и у государства к проведению глубоких структурных преобразований. Для граждан наиболее рациональной стратегией становится поиск возможностей трудоустройства за рубежом, а не участие в развитии внутреннего предпринимательства или повышение производительности внутри страны. Для государства переводы выступают своеобразным «социальным буфером», который временно компенсирует недостатки экономической политики и снижает срочность реформ в сфере управления, рынка труда, образования и инвестиционного климата.

Для предотвращения такого сценария денежные переводы должны рассматриваться не как альтернатива реформам, а как временный ресурс, который необходимо направлять на развитие человеческого капитала, предпринимательства и создание новых производительных рабочих мест внутри страны. Для достижения этой цели целесообразно ускорить развитие отраслей с высокой добавленной стоимостью, прежде всего промышленности, переработки, логистики, цифровой экономики и современных услуг, обеспечивающих создание высокопроизводительных рабочих мест внутри страны. Одновременно необходимо создать условия для увеличения сбережений домохозяйств и перенаправления части денежных переводов из текущего потребления в инвестиции через развитие специальных финансовых инструментов, расширение доступа к финансированию малого и среднего бизнеса, а также механизмы софинансирования инвестиционных проектов. Важным направлением остается поддержка возвращающихся трудовых мигрантов посредством содействия их трудоустройству, признания приобретенных за рубежом квалификаций и вовлечения накопленного опыта и капитала в предпринимательскую деятельность. Наряду с этим следует продолжить реформы, направленные на улучшение делового климата, развитие конкуренции, защиту прав собственности и повышение эффективности государственного управления. Реализация указанных мер позволит постепенно трансформировать денежные переводы из фактора потребления и социальной поддержки в источник внутренних инвестиций, роста производительности труда и устойчивого экономического развития.

Литературы:

1. Cazachevici, A., Havranek, T., & Horvath, R. (2020). Remittances and economic growth: A meta-analysis. World Development, 134, — DOI: 10.1016/j.worlddev.2020.105021

2. Kakhkharov, J., Ahunov, M., Parpiev, Z., & Wolfson, I. (2021). South-South Migration: Remittances of Labour Migrants and Household Expenditures in Uzbekistan. International Migration, 59 (5), 38–58, — DOI: 10.1111/imig.12792

3. Seitz, W. H. (2019). International Migration and Household Well-Being: Evidence from Uzbekistan (Policy Research Working Paper No. 8910). World Bank. https://hdl.handle.net/10986/31975

4. Barajas, A., Chami, R., Fullenkamp, C., Gapen, M. T., & Montiel, P. J. (2009). Do workers' remittances promote economic growth? (IMF Working Paper No. 2009/153). International Monetary Fund. https://doi.org/10.5089/9781451873009.001

5. Koczan, Z., Peri, G., Pinat, M., & Rozhkov, D. (2021). The impact of international migration on inclusive growth: A review (IMF Working Paper No. 2021/088). International Monetary Fund. https://doi.org/10.5089/9781513571966.001

6. Tang S. H. K., Wang Y., Wang Y. Curse of low-skilled emigration on human capital formation: Evidence from the migration surge of the 2000s // World Development. — 2025. — Vol. 189. — Art. 106931. — DOI: 10.1016/j.worlddev.2025.106931.

7. Gebresenbet F., Abebe A. Migration from a Blessing into a Curse: Impact on Education, Rural Economy and Governance // Migration as a Collective Project. — 1st ed. — Routledge, 2026. — Гл. 12. — DOI: 10.4324/9781003617938-12.

8. Stark O., Helmenstein C., Prskawetz A. Human capital depletion, human capital formation, and migration: a blessing or a "curse"? // Economics Letters. — 1998. — Vol. 60, No. 3. — P. 363–367. — DOI: 10.1016/S0165-1765(98)00125-6.

9. Bauer T., Zimmermann K. F. Causes of International Migration: A Survey // Crossing Borders. — 1st ed. — Routledge, 1998. — 34 p. — DOI: 10.4324/9780429463433.

10. Schultz T. P. Notes on the Estimation of the Macro Economic Determinants of Migration. — New Haven: Yale University, Economic Growth Center, 1978. — (Discussion Paper).

11. De Haas H. The Determinants of International Migration. — Oxford: International Migration Institute, University of Oxford, 2011. — (IMI Working Papers).

12. Kim, A. (2016). Welfare policies and budget allocation for migrants in South Korea. Asian and Pacific Migration Journal, 25(1), 85-96. https://doi.org/10.1177/0117196815621808

13. Mohapatra, N. K. (2013). Migration and Its Impact on Security of Central Asia. India Quarterly: A Journal of International Affairs, 69(2), 133-157. https://doi.org/10.1177/0974928413481883

14. Nurtazina R., Toktushakov A. Internal Migration in Central Asia: Social Risks (Case Studies of Kazakhstan, Tajikistan, and Kyrgyzstan) // Central Asia & the Caucasus. — 2017. — Vol. 18, No. 4. — P. 46.

15. Regional Migration Report: Russia and Central Asia / ed. by A. Di Bartolomeo, S. Makaryan, A. Weinar. — Florence: European University Institute, Robert Schuman Centre for Advanced Studies, Migration Policy Centre, 2014. — 73 p. — DOI: 10.2870/10599. — URL: https://hdl.handle.net/10278/3691122.

ЁШЛАР УЧУН РАҚАМЛИ БАНДЛИК ИМКОНИЯТЛАРИ ЁШЛАР БАНДЛИГИНИ ТАЪМИНЛАШНИНГ САМАРАЛИ ЕЧИМИ СИФАТИДА

Асқарова Муҳаббат Ибрахимовна
ТДИУ ҳузуридаги "Ўзбекистон иқтисодиётини ривожлантиришнинг илмий асослари ва муаммолари" илмий тадқиқот маркази катта илмий ходими
ORCID: 0009-0002-0121-7925
muxabbat.asqarova@bk.ru

Аннотация. *Мазкур мақолада рақамли иқтисодиёт шароитида ёшлар бандлигини таъминлашнинг замонавий тенденциялари ва рақамли бандлик имкониятларининг аҳамияти тадқиқ этилган. Рақамли трансформация жараёнларининг меҳнат бозорига таъсири, рақамли кўникмаларга бўлган талабнинг ортиши ҳамда ёшларнинг рақамли иқтисодиёт талабларига мослашуви масалалари таҳлил қилинган. Халқаро тажриба, жумладан Греция ва Қирғизистон мисолида рақамли кўникмаларни ривожлантириш ва ёшлар бандлигини таъминлаш механизмлари ўрганилган. Тадқиқот натижалари асосида ёшларни рақамли иқтисодиёт талабларига мос тайёрлаш, таълим тизимини такомиллаштириш, давлат ва хусусий сектор ҳамкорлигини кучайтириш, рақамли тадбиркорликни ривожлантириш ҳамда рақамли инклюзияни таъминлаш бўйича илмий таклиф ва тавсиялар ишлаб чиқилган.*

Таянч атамалар: *рақамли иқтисодиёт, ёшлар бандлиги, рақамли кўникмалар, меҳнат бозори, рақамли трансформация, электрон тадбиркорлик, инсон капитали, инновациялар, рақамли инклюзия, масофавий меҳнат.*

DIGITAL EMPLOYMENT OPPORTUNITIES FOR YOUTH AS A SOLUTION TO YOUTH EMPLOYMENT CHALLENGES

Askarova Mukhabbat Ibrahimovna
Junior researcher of the Research center «Scieptific bases and issues of economic development of Uzbekistan » under the Tashkent state university of economics

Abstract. *This article examines modern trends in youth employment within the context of the digital economy and highlights the importance of digital employment opportunities. The study analyzes the impact of digital transformation on the labor*

market, the growing demand for digital skills, and the adaptation of young people to the requirements of the digital economy. International experiences, particularly those of Greece and Kyrgyzstan, are reviewed to identify effective mechanisms for developing digital competencies and enhancing youth employment. Based on the research findings, scientific recommendations are proposed to improve youth preparedness for the digital economy, modernize education systems, strengthen public-private partnerships, promote digital entrepreneurship, and ensure digital inclusion.

Keywords: *digital economy, youth employment, digital skills, labor market, digital transformation, digital entrepreneurship, human capital, innovation, digital inclusion, remote work.*

ЦИФРОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЗАНЯТОСТИ ДЛЯ МОЛОДЕЖИ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАНЯТОСТИ МОЛОДЕЖИ

Askarova Mukhabbat Ibrahimovna
Junior researcher of the Research center
«Scieptific bases and issues of economic development
of Uzbekistan » under the Tashkent
state university of economics

Аннотация. *В данной статье исследуются современные тенденции обеспечения занятости молодежи в условиях цифровой экономики и значение цифровых возможностей занятости. Проанализировано влияние процессов цифровой трансформации на рынок труда, рост спроса на цифровые навыки и вопросы адаптации молодежи к требованиям цифровой экономики. На основе международного опыта, в частности примеров Греции и Кыргызстана, рассмотрены механизмы развития цифровых компетенций и повышения занятости молодежи. По результатам исследования разработаны научные предложения и рекомендации по подготовке молодежи к требованиям цифровой экономики, совершенствованию системы образования, укреплению сотрудничества государства и частного сектора, развитию цифрового предпринимательства и обеспечению цифровой инклюзии.*

Ключевы слова: *цифровая экономика, занятость молодежи, цифровые навыки, рынок труда, цифровая трансформация, электронное предпринимательство, человеческий капитал, инновации, цифровая инклюзия, дистанционная занятость.*

Кириш.

Рақамли технологияларнинг жадал ривожланиши иқтисодиёт ва жамият ҳаётининг барча соҳаларида туб ўзгаришларни юзага келтирмоқда. Ахборот-коммуникация технологияларининг (АКТ) кенг тарқалиши меҳнат бозорининг трансформациялашувига олиб келиб, айниқса ёшлар учун янги бандлик имкониятларини шакллантирмоқда. Бугунги кунда рақамли иқтисодиёт анъанавий меҳнат муносабатларини қайта шакллантириб, масофавий меҳнат, фриланс фаолият, платформали бандлик ва электрон тижорат орқали даромад олишнинг янги шаклларини ривожлантирмоқда.

Ёшлар учун рақамли бандлик имкониятлари фақатгина ахборот технологиялари соҳасидаги иш ўринлари билан чекланиб қолмайди. Жумладан, дастурий таъминот яратиш, веб-дизайн, мобил иловалар ишлаб чиқиш, киберхавфсизлик каби юқори малакали фаолиятлар билан бир қаторда маълумотлар базасини юритиш, график дизайн, контент яратиш, рақамли маркетинг, виртуал ёрдамчилик ва онлайн хизматлар кўрсатиш каби кўплаб касбий йўналишларни ҳам қамраб олади. Бу эса меҳнат бозорига энди кириб келаётган ёшларнинг ўз билим ва кўникмаларини иқтисодий фаолиятга тезроқ интеграция қилиш имкониятини яратади.

Ёшлар улуши юқори бўлган ривожланаётган мамлакатларда рақамли бандлик имкониятларидан самарали фойдаланиш ёшлар ишсизлигини қисқартиришнинг муҳим воситаларидан бири ҳисобланади. Рақамли платформалар географик чекловларни камайтириб, ёшларга миллий ва халқаро меҳнат бозорларида иштирок этиш имконини беради. Натижада ёшлар ўз яшаш ҳудудидан қатъи назар глобал меҳнат бозорига чиқиш, янги даромад манбаларини шакллантириш ва рақобатбардош кўникмаларни эгаллаш имкониятига эга бўладилар.

Рақамли иқтисодиёт шароитида ёшлар бандлигини таъминлашда гендер тенглик масаласи ҳам муҳим аҳамият касб этади. Хусусан, қизлар ва ёш аёлларнинг рақамли технологиялардан фойдаланиш имкониятларини кенгайтириш, рақамли саводхонлигини ошириш ва онлайн меҳнат бозоридаги иштирокини қўллаб-қувватлаш рақамли бандликнинг инклюзив ривожланишини таъминлайди.

Рақамли трансформация жараёнлари меҳнат бозоридаги касблар таркиби, меҳнатни ташкил этиш шакллари ва талаб этиладиган компетенцияларни ўзгартирмоқда. Бу эса ёшлардан рақамли кўникмалар, инновацион фикрлаш, маълумотлар билан ишлаш ва узлуксиз таълим олиш қобилиятларини талаб қилади. Ёшлар учун рақамли бандлик имкониятларини кенгайтириш ва уларни рақамли иқтисодиёт талабларига

мос кадрлар сифатида тайёрлаш ёшлар бандлигини таъминлашнинг энг самарали ва истиқболли ечимларидан бири ҳисобланади.

Адабиётлар шарҳи.

Рақамли иқтисодиёт ва замонавий касбларнинг ривожланиши борасида Жаск Ма шундай деган эди: “Агар сиз иш ўринлари яратмоқчи бўлсангиз — савдони осонлаштиринг. Агар сиз кичик бизнес ва тадбиркорларга ёрдам бермоқчи бўлсангиз — уларнинг глобал ривожланишига ёрдам беринг. Агар сиз тинчроқ, очиқроқ дунёда яшашни истасангиз — кўпроқ алоқа ўрнатинг”[1].

Тадқиқотлар шуни кўрсатадики, келгуси йилларда кўплаб паст ва ўрта малакали иш ўринлари автоматлаштириш, илғор ишлаб чиқариш ва 3D босиб чиқариш, робототехника, автоном транспорт ва сунъий интеллект билан алмаштирилади. Шундай қилиб, мавжуд ва янги юқори малакали иш ўринлари инновациялар ва ишчи кучига бўлган талабларни оширади.

Мазкур тадқиқотлар таҳлили шуни кўрсатадики, мамлакатимиз олимлари томонидан ёшлар бандлигини таъминлашнинг турли иқтисодий, ташкилий ва институционал жиҳатлари атрофлича ўрганилган. Хусусан, Ш.Р.Холмўминов ва К.З.Хомитов томонидан олиб борилган тадқиқотларда ёшларни иш билан таъминлашнинг ташкилий механизмлари социологик баҳолаш асосида таҳлил қилиниб, меҳнат бозорида ёшларнинг рақобатбардошлигини оширишга хизмат қилувчи омиллар аниқланган. Олимлар томонидан янги иш ўринларини яратиш, ишсиз ёшларни касбга йўналтириш, қайта тайёрлаш ва малакасини ошириш чора-тадбирлари ёшлар бандлигини таъминлашнинг муҳим йўналишлари сифатида баҳоланган. Айниқса, мазкур ёндашувлар инсон капиталини ривожлантириш орқали меҳнат бозоридаги номутаносибликларни бартараф этишга хизмат қилиши билан аҳамиятли ҳисобланади.

Ушбу олимларнинг илмий қарашларини умумлаштирган ҳолда таъкидлаш мумкинки, ёшлар бандлигини таъминлаш масаласи анъанавий иш ўринларини яратиш ёки касбга ўқитиш билан чекланиб қолмайди. Замонавий рақамли иқтисодиёт шароитида мазкур жараён рақамли технологиялар, инновацион тадбиркорлик, платформали меҳнат муносабатлари ва масофавий иш шакллари билан узвий боғлиқ ҳолда ривожланмоқда. Шу нуқтаи назардан, ёшлар бандлигини таъминлаш бўйича илмий тадқиқотларни рақамли трансформация жараёнлари билан интеграциялаш муҳим аҳамият касб этади.

Тадқиқот методологияси.

Тадқиқот жараёнида илмий билишнинг умумий ва махсус усулларидан комплекс равишда фойдаланилди. Ёшлар бандлиги ва рақамли иқтисодиёт ўртасидаги ўзаро боғлиқликни ўрганишда таҳлил ва синтез, индукция ва дедукция, қиёсий таҳлил, тизимли ёндашув ҳамда статистик таҳлил усулларидан фойдаланилди.

Тадқиқотнинг назарий-методологик асосини меҳнат бозори, инсон капитали, рақамли иқтисодиёт ва бандлик соҳасидаги хорижий ҳамда маҳаллий олимларнинг илмий қарашлари ташкил этади. Шунингдек, Ўзбекистон Республикаси Президентининг ёшлар сиёсати, рақамли иқтисодиёт ва аҳоли бандлигини таъминлашга оид фармон ва қарорлари, давлат дастурлари ҳамда норматив-ҳуқуқий ҳужжатлари ўрганилди.

Ёшлар учун рақамли бандлик имкониятларининг аҳамиятини баҳолашда қиёсий ва динамик таҳлил усуллари қўлланилди. Бунда рақамли технологияларнинг ёшлар бандлигига таъсири, рақамли платформалар орқали шаклланаётган янги иш ўринлари ҳамда меҳнат бозорида талаб қилинаётган рақамли кўникмалар таҳлил қилинди. Тадқиқот натижаларини умумлаштиришда мантиқий мушоҳада, илмий абстракция ва эксперт баҳолаш усулларидан фойдаланилди.

Натижа ва тахлиллар.

Рақамли иқтисодиёт ва замонавий касбларнинг ривожланиши даврида ёшлар тез ўзгарувчан технологик ландшафтга тайёр эмаслигини ҳис қилишади. Ҳеч кимни ортда қолдирмаслик учун ёшлар ривожланиши ва келажакдаги глобал иқтисодий тенденцияларни бошқариши мумкин бўлган қулай муҳитни яратиш учун нуқталарни боғлаш учун кўп манфаатдор томонларнинг ёндашуви долзарб бўлиб қолади.

Рақамли иқтисодиётда ёшлар бандлигини оширишда рақамли трансформациянинг қуйидаги жиҳатларига эътиборга олиш лозим деб ҳисоблаймиз:

- Рақамли иқтисодиёт шароитида меҳнат бозорининг келажакдаги тенденцияларига;
- Рақамли иқтисодиётда ишчи кучининг талабларига жавоб бериш учун зудлик билан қандай сиёсатлар ишлаб чиқилиши зарурлигига;
- Ёшлар рақамли ўзгаришларга тўғри кўникмага эга бўлишларига ишонч ҳосил қилиш учун қандай ҳамкорликлар зарурлигига;

➢ Электрон тадбиркорлик инклюзив иқтисодий ўсишга эришиш учун муҳим ва ҳукуматлар электрон тадбиркорлар эҳтиёжларига қандай жавоб бера олишлигига.

1-жадвал.

Рақамли иқтисодиётнинг ёшлар бандлигига таъсир йўналишлари

Рақамли трансформация омиллари	Ёшлар бандлигига таъсири	Натижа
Рақамли технологиялар	Янги касблар пайдо бўлиши	Бандлик имкониятлари кенгаяди
Сунъий интеллект	Касблар трансформацияси	Янги кўникмалар талаб қилинади
Онлайн платформалар	Масофавий меҳнат ривожланади	Ишга кириш имконияти ошади
Электрон тижорат	Электрон тадбиркорлик ривожланади	Ўзини ўзи банд қилиш кучаяди
Рақамли маркетинг	Янги хизмат турлари шаклланади	Даромад манбалари кўпаяди

Манба: *Муаллиф тадқиқотлари асосида шакллантирилган*

1-жадвалда рақамли иқтисодиётнинг ривожланиши ёшлар меҳнат бозорида янги имкониятларни шакллантирмоқда. Рақамли технологияларнинг кенг жорий этилиши натижасида анъанавий касблар билан бир қаторда дастурлаш, рақамли маркетинг, маълумотлар таҳлили ва электрон тижорат каби янги касблар вужудга келмоқда. Сунъий интеллект ва автоматлаштириш жараёнлари меҳнат мазмунини ўзгартириб, ёшлардан замонавий рақамли кўникмаларни эгаллашни талаб этмоқда. Шунингдек, онлайн платформалар ва электрон тижоратнинг ривожланиши масофавий меҳнат ҳамда рақамли тадбиркорлик имкониятларини кенгайтириб, ёшларнинг ўзини ўзи банд қилиш даражасини оширмоқда. Умуман олганда, рақамли трансформация ёшлар бандлигини таъминлашнинг муҳим омили сифатида меҳнат бозорида рақобатбардош инсон капиталини шакллантиришга хизмат қилмоқда.

Дунё бўйлаб технологик ишларнинг атиги 33 фоизи зарур малакали ишчи кучи билан тўлдирилган. Бу глобал бизнес раҳбарларининг энг катта ташвишларидан биридир. Capgemini and LinkedIn томонидан ўтказилган глобал сўровда сўралган ташкилотларнинг ярми рақамли тафовут кенгайиб бораётганини ва 54% иқтидорлар этишмаслиги туфайли рақобатдош устунликни йўқотганлигини айтишди[2].

Жаҳон Иқтисодий Форуми ҳисоб-китобларига кўра, келгуси беш йил ичида дунёда 150 миллион янги технологик иш ўринлари яратилади ва 2030-йилга келиб иш ўринларининг 77 фоизи рақамли кўникмаларни талаб қилади[3].

Рақамли ютуқлар иш дунёсини ўзгартирмоқда. Тахминларга кўра, келгуси ўн йил ичида дунё бўйлаб ҳар 10 та ишнинг 9 таси рақамли кўникмаларни талаб қилади [4].

2-жадвал.

Ёшлар бандлигини таъминлашда рақамли кўникмаларнинг аҳамияти

Кўникма тури	Мазмуни	Меҳнат бозоридаги аҳамияти
Базавий рақамли кўникмалар	Компьютер ва интернетдан фойдаланиш	Барча соҳалар учун зарур
Ўрта даражадаги кўникмалар	Контент яратиш, рақамли маркетинг	Хизмат кўрсатиш соҳасида талаб юқори
Илғор кўникмалар	Дастурлаш, AI, Big Data	Юқори даромадли касблар учун асос
Рақамли тадбиркорлик	Онлайн бизнес ташкил қилиш	Янги иш ўринлари яратади

Манба: *Муаллиф тадқиқотлари асосида шакллантирилган*

Грециядаги иш берувчилар рақамли кўникмаларга, хусусан, рақамли маркетингга эга бўлган одамларни ёллашга тобора кўпроқ интилмоқда. Шунинг учун Иш тажрибасини ўрганиш дастури 18-29 ёшдаги ишсиз ёшларни рақамли воситаларга ўргатади ва уларга қизиқарли мартаба имкониятларига йўл беради.

Европа Иттифоқининг Ёшларни иш билан таъминлаш ташаббуси (ЕИ) томонидан молиялаштирилган маблағ туфайли мингга яқин ишсиз ёшлар ўз иш имкониятларини яхшилади. Улар рақамли таркибни яратиши ва алмашиши, рақамли стратегияларни шакллантириши, қидирув тизими натижалари бўйича веб-сайт мавқейини яхшилаши, ижтимоий медиа маркетингини лойиҳалаши ва баҳам кўриши ҳамда таъсирчан натижаларга эришиш учун технологиядан фойдаланиши мумкин.

Қирғизистон аҳолиси анча ёш (ўртача ёши 24 ёш ва умумий аҳолининг 60% меҳнатга лаёқатли ёшдагилар), шунинг учун мамлакатда иш ўринларига талаб юқори. Аёллар ва ёшлар ўрта ёшли эркакларга нисбатан ишсизлик даражаси юқорироқ. Аксариятини ёшлар ташкил этувчи аҳолининг учдан бир қисми чет элда иш излашга мажбур. Улар Россия ва бошқа мамлакатларда асосан хизмат кўрсатиш (чакана савдо, умумий овқатланиш, тозалаш,

коммунал хизматлар ва ҳ.к.) ва қурилиш соҳасида нисбатан кам ҳақ тўланадиган ишларни эгаллайди. Мутахассисларнинг сўровлари шуни кўрсатадики, чет элда меҳнат қилаётган Қирғизистон фуқаролари сони 800 мингдан ортиқ (30 фоизи аёллар). 2017 йилда Қирғизистон ҳукумати рақамли трансформация бўйича умуммиллий дастур бошланганини эълон қилди, «Таза Коом» (Ақлли миллат) шаффоф давлат, билимга асосланган иқтисодиёт, Қирғизистонда турмуш даражасини ошириш ва бизнес муҳитини яхшилашга қаратилган. Таза Коом 2040 йилгача инсон капитали ва инновацияларни атроф-муҳит билан уйғунлаштиришга қаратилган узоқ муддатли Миллий Барқарор Ривожланиш дастурининг асосий таркибий қисмидир [5].

3-жадвал

Халқаро тажрибада ёшлар рақамли бандлигини қўллаб-қувватлаш механизмлари

Мамлакат	Дастур	Асосий мақсад	Натижа
Греция	Work Experience Programme	Ёшларга рақамли маркетингни ўргатиш	Ишга жойлашиш имконияти ошган
Европа Иттифоқи	Youth Employment Initiative	Рақамли кўникмаларни ривожлантириш	Ёшлар бандлиги яхшиланган
Қирғизистон	Таза Коом	Рақамли трансформация ва инсон капитали	Рақамли иқтисодиёт ривожланган

Манба: *Муаллиф тадқиқотлари асосида шакллантирилган*

Ҳалқаро тажрибада ёшлар бандлигини таъминлашда рақамли кўникмаларни ривожлантириш ва рақамли трансформация жараёнларини қўллаб-қувватлаш муҳим аҳамият касб этаётганлигини кўрсатади. Хусусан, Грецияда рақамли маркетинг ва замонавий технологиялар бўйича амалий кўникмаларни шакллантиришга эътибор қаратилган бўлса, Европа Иттифоқи дастурлари ёшларнинг рақамли меҳнат бозоридаги рақобатбардошлигини оширишга хизмат қилмоқда. Қирғизистон тажрибасида эса рақамли иқтисодиётни ривожлантириш инсон капитали ва инновациялар билан узвий боғланган ҳолда амалга оширилмоқда. Мазкур тажрибалар рақамли кўникмаларни ривожлантириш, институционал қўллаб-қувватлаш ва давлат-хусусий сектор ҳамкорлигини кучайтириш ёшлар бандлигини таъминлашнинг муҳим омиллари эканлигини тасдиқлайди.

Ёшларнинг рақамли имкониятларга оптимистик қарашлари яхши янгилик, аммо улар ўзларини тўлиқ жиҳозланаётганини ҳис қилмаётгани ташвиш уйғотади. Ахир улар бизнинг ишчи кучимизнинг кейинги авлоди

ҳисобланадилар. Рақамли технологиялар натижасида иш ўринлари келажакда бошқача кўринишга эга бўлади.

Юқоридаги фикрларга асосланиб қуйидаги хулосаларни таклиф қиламиз:

Расмий таълим тизимининг салоҳиятини ошириш ва рақамли кўникмалар бўйича янги таълим стандартларини қўллаш, ёшларни рақамли иқтисодиётга яхшироқ тайёрлаш мақсадида талабга асосланган ўқув дастурларини тақдим этиш. Бунда рақамли кўникмаларнинг янги стандартларини ўрнатиш ва расмий таълим тизимининг институционал имкониятларини кучайтириш орқали эришиш, бу эса ёшларни ишга тайёр, узатиладиган рақамли кўникмалар, жумладан, асосий, ўрта ва юқори рақамли тадбиркорлик ва таълимда рақамли кўникмаларни ривожлантиришни яхшироқ интеграция қилиш учун ўқитувчиларнинг рақамли технологиялар асосида малака оширишларини таъминлаш.

Мамлакатда рақамли иш ўринлари ва бизнесларнинг ўсишини тезлаштирадиган ташаббусларни қўллаб-қувватлаш учун хусусий сектор билан инновацион ҳамкорлик учун платформа яратиш. Бунда рақамли бозорларнинг глобал тенденциялари, рақамли иш ўринлари ва зарур кўникмалар тўплами бўйича тавсиялар бўйича мутахассислар ва хусусий сектор билан бозор тадқиқотларини олиб бориш.

Рақамли иқтисодиётнинг ўсиб бораётган талабини қондириш учун фундаментал ва ривожланаётган рақамли кўникмаларни шакллантириш учун олий таълим тизимида янги таълим стандартлари ва ўқув дастурлари, шу жумладан ногиронлар ва қизлар учун рақамли инклюзия стандартлари бўйича тавсиялар ишлаб чиқиш ва норасмий таълим шароитларида янги таълим моделларини қўллаш;

Ёш компьютер дастурчилари, интерфейс дизайнерлари, хусусий сектор лойиҳа менежерлари ва мавзулар бўйича мутахассисларни бизнесни кенгайтириш мумкин бўлган янги ечимлар ва дастурий маҳсулотларни ишлаб чиқишда ҳамкорлик қилиш;

Тадбиркорлик салоҳиятини яхшилашга ёрдам берадиган рақамли муҳитнинг роли. Бу махсус технологияларни эмас, балки марказлар ва инкубаторлар каби рақамли йўналтирилган жойларни ўз ичига олади. Бундай жойлар онлайн эмас, балки ”ҳақиқий дунёда” мавжуд бўлишини таъминлаш.

Бундан ташқари, рақамлаштириш концепцияси глобаллашув билан чамбарчас боғлиқ: ихтисослаштирилган кўникмаларга бўлган талаб турли минтақалар ва турли кўникмаларга эга бўлган ишчиларга бир иш учун рақобатлашишга имкон беради, глобал меҳнат майдонида рақобатни кучайтиради ва тажрибасиз ёшларнинг кириши учун тўсиқлар ўрнатади. Ёш иш изловчилар учун яна бир тўсиқ бу сунъий интеллектнинг (АИ) ўсиб

бораётган интеграциясидир. Бу эса ёшлар олдида турган муҳим муаммолардан бири доимий равишда малака ошириш ва мослашишни талаб қилувчи технологияларнинг доимий эволюциясидир. Бунга жавобан, глобал таълим тизими ўзгариши керак, талабаларни тез ўзгарувчан меҳнат бозорида рақобатбардош номзодлар сифатида пайдо бўлиш учун муаммоларни ҳал қилиш қобилияти билан қуроллантирилиши керак.

Адабиётлар:

1. https://unctad.org/meeting/youth-employment-digital-economy
2. file:///C:/Users/user/Downloads/wcms_851818%20(1).pdf
3. https://www.youthemployment.org.uk/careers-advice-help/choices/digital-skills/
4. https://includeplatform.net/news/digital-skills-for-youth-employment-in-africa/
5. https://www.fenews.co.uk/skills/60-of-young-adults-stumble-into-digital-careers-finds-new-report/*https://www.unicef-irc.org/publications/pdf/IRB%202020-10%20CL.pdf, 13.09.2021*
6. *https://en.unesco.org/news/digital-skills-critical-jobs-and-social-inclusion, 13.09.2021*
7. *https://ec.europa.eu/education/education-in-the-eu/council-recommendation-on-key-competences-for-lifelong-learning_en , 13.09.2021*
8. *https://www.digitalskillsaccelerator.eu/learning-portal/online-self-assessment-tool/*
9. *https://ec.europa.eu/education/resources-and-tools/coronavirus-online-learning-resources_pl*
10. *https://beamexchange.org/uploads/filer_public/ec/59/ec593190-99ef-490b-a713-f9436338c179/s4ye-digital-jobs-for-youth.pdf*

ЎЗБЕКИСТОНДА АҲОЛИНИНГ ТАКРОР БАРПО БЎЛИШ ЖАРАЁНЛАРИНИНГ МЕҲНАТ РЕСУРСЛАРИ ШАКЛЛАНИШИГА ТАЪСИРИНИ БАҲОЛАШ (2026 ЙИЛ АҲОЛИ РЎЙХАТГА ОЛИШ НАТИЖАЛАРИ АСОСИДА)

Баҳриддинова Муаззам Азам қизи
ТДИУ ҳузуридаги "Ўзбекистон иқтисодиётини ривожлантиришнинг илмий асослари ва муаммолари" илмий-тадқиқот маркази катта илмий ходими
ORCID: 0000-0002-3742-5622

Аннотация. *Мазкур мақолада Ўзбекистонда аҳолининг такрор барпо бўлиш жараёнларининг меҳнат ресурслари шаклланишига таъсири 2026 йилги аҳоли ва қишлоқ хўжалигини рўйхатга олишнинг дастлабки натижалари асосида баҳоланган. Тадқиқотда аҳоли сони, ёш таркиби, оилалар сони ва оила ҳажми каби демографик кўрсаткичларнинг меҳнат ресурслари шаклланишидаги ўрни таҳлил қилинган. 2026 йилги рўйхатга олиш маълумотларига кўра, Ўзбекистон Республикаси аҳолиси 39 047,3 минг кишини ташкил этиб, унинг 30,4 фоизи 0–14 ёшдаги, 14,9 фоизи 15–24 ёшдаги, 44,6 фоизи 25–59 ёшдаги ва 10,1 фоизи 60 ёш ва ундан юқори аҳолига тўғри келиши аниқланган. Шунингдек, аҳолининг 54,5 фоизи шаҳарларда, 45,5 фоизи қишлоқ жойларда истиқомат қилиши қайд этилган. Муаллиф ҳисоб-китоблари асосида ўртача оила ҳажми 4,9 нафар деб қабул қилинганда, мамлакатда қарийб 8 миллионта оила мавжудлиги, ҳар бир оила ҳисобига ўртача 1,49 нафар меҳнат ёшигача бўлган ҳамда 2,92 нафар меҳнат ёшидаги аҳоли тўғри келиши аниқланган. Тадқиқот натижалари аҳолининг такрор барпо бўлиш жараёнлари, айниқса, туғилиш, оилалар сони, оила ҳажми ва ёш таркиби меҳнат ресурсларининг жорий ҳамда истиқболдаги шаклланишида муҳим демографик омиллар эканлигини кўрсатди. Тадқиқот якунида меҳнат ресурсларини прогнозлашда комплекс демографик ёндашувдан фойдаланиш, аҳоли рўйхатга олиш маълумотлари асосида демографик индикаторлар тизимини шакллантириш ҳамда демографик салоҳиятдан самарали фойдаланиш бўйича таклифлар ишлаб чиқилган.*

Калит сўзлар: *аҳолининг такрор барпо бўлиши, меҳнат ресурслари, демографик жараёнлар, туғилиш, оила, оила ҳажми, ёш таркиби, аҳоли рўйхатга олиш, демографик салоҳият, демографик дивиденд, меҳнат бозори, Ўзбекистон.*

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ПРОЦЕССОВ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ В УЗБЕКИСТАНЕ (НА ОСНОВЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 2026 ГОДА)

Бахриддинова Муаззам Азам кизи
Научно-исследовательский центр
“Научные основы и проблемы
развития экономики Узбекистана” при ТГЭУ
ORCID: 0000-0002-3742-5622

Аннотация. *В статье оценивается влияние процессов воспроизводства населения на формирование трудовых ресурсов в Узбекистане на основе предварительных результатов переписи населения и сельского хозяйства 2026 года. В исследовании проанализирована роль таких демографических показателей, как численность населения, возрастная структура, количество семей и размер семьи, в формировании трудовых ресурсов. Согласно данным переписи населения 2026 года, численность населения Республики Узбекистан составила 39 047,3 тыс. человек, из которых 30,4% приходится на население в возрасте 0–14 лет, 14,9% — 15–24 лет, 44,6% — 25–59 лет и 10,1% — 60 лет и старше. Также установлено, что 54,5% населения проживает в городах, а 45,5% — в сельской местности. На основе авторских расчетов при среднем размере семьи 4,9 человека определено, что в стране насчитывается около 8 млн семей, при этом на одну семью в среднем приходится 1,49 человека в возрасте до трудоспособного возраста и 2,92 человека трудоспособного возраста. Результаты исследования показывают, что процессы воспроизводства населения, в частности рождаемость, количество семей, размер семьи и возрастная структура населения, являются важными демографическими факторами формирования трудовых ресурсов в текущем и перспективном периодах. В заключительной части исследования разработаны предложения по применению комплексного демографического подхода при прогнозировании трудовых ресурсов, формированию системы демографических индикаторов на основе данных переписи населения и эффективному использованию демографического потенциала страны.*

Ключевые слова: *воспроизводство населения, трудовые ресурсы, демографические процессы, рождаемость, семья, размер семьи, возрастная структура, перепись населения, демографический потенциал, демографический дивиденд, рынок труда, Узбекистан.*

ASSESSING THE IMPACT OF POPULATION REPRODUCTION PROCESSES ON THE

FORMATION OF LABOR RESOURCES IN UZBEKISTAN (BASED ON THE RESULTS OF THE 2026 POPULATION CENSUS)

Bahriddinova Muazzam Azam qizi
Scientific Research Center "Scientific Foundations and Problems of Economic Development of Uzbekistan" under Tashkent State University of Economics
ORCID: 0000-0002-3742-5622

Abstract. *This article assesses the impact of population reproduction processes on the formation of labor resources in Uzbekistan based on the preliminary results of the 2026 Population and Agricultural Census. The study analyzes the role of demographic indicators such as population size, age structure, number of families, and family size in the formation of labor resources. According to the 2026 census data, the population of the Republic of Uzbekistan amounted to 39,047.3 thousand people, of whom 30.4% were aged 0–14, 14.9% were aged 15–24, 44.6% were aged 25–59, and 10.1% were aged 60 and above. It was also recorded that 54.5% of the population lived in urban areas, while 45.5% lived in rural areas. Based on the author's calculations, assuming an average family size of 4.9 persons, the country has approximately 8 million families, with an average of 1.49 persons below working age and 2.92 persons of working age per family. The findings demonstrate that population reproduction processes, particularly fertility, the number of families, family size, and age structure, constitute important demographic factors in the current and prospective formation of labor resources. The study concludes with proposals for applying an integrated demographic approach to labor resource forecasting, developing a system of demographic indicators based on population census data, and effectively utilizing the country's demographic potential.*

Keywords: *population reproduction, labor resources, demographic processes, fertility, family, family size, age structure, population census, demographic potential, demographic dividend, labor market, Uzbekistan.*

Кириш.

Бугунги кунда Ўзбекистонда инсон капиталини ривожлантириш, аҳоли фаровонлигини ошириш ҳамда меҳнат бозорининг барқарор фаолият юритишини таъминлаш давлат сиёсатининг устувор йўналишларидан бири ҳисобланади. Мамлакатда амалга оширилаётган кенг кўламли ислоҳотлар доирасида демографик жараёнларни чуқур ўрганиш, аҳолининг такрор барпо бўлиш хусусиятларини баҳолаш ва уларнинг меҳнат ресурслари

шаклланишига таъсирини аниқлаш муҳим илмий-амалий аҳамият касб этмоқда. Хусусан, “2022–2026 йилларга мўлжалланган Янги Ўзбекистоннинг тараққиёт стратегияси тўғрисида”ги Ўзбекистон Республикаси Президентининг ПФ–60-сон Фармонида аҳоли бандлигини ошириш, инсон капиталини ривожлантириш ва меҳнат бозорининг самарадорлигини таъминлаш устувор вазифалар сифатида белгиланган [1]. Шунингдек, “Ўзбекистон–2030” стратегиясини амалга оширишга оид давлат дастури тўғрисидаги Ўзбекистон Республикаси Президентининг ПФ–37-сон Фармонида ёшлар бандлигини таъминлаш, малакали кадрлар салоҳиятини ошириш ва меҳнат бозорини замонавий талаблар асосида ривожлантириш масалаларига алоҳида эътибор қаратилган [2].

Мамлакатда демографик ривожланиш суръатларининг юқорилиги меҳнат ресурслари шаклланишига бевосита таъсир кўрсатмоқда. Шу нуқтаи назардан, меҳнат ресурслари балансини замонавий ёндашувлар асосида шакллантириш, норасмий бандлик улушини қисқартириш ва иқтисодиёт тармоқларининг меҳнат ресурсларига бўлган эҳтиёжини илмий асосда баҳолаш зарурати ортиб бормоқда. Бу борада “Норасмий бандлик улушини қисқартириш ҳамда меҳнат ресурслари балансини замонавий ёндашувлар асосида шакллантириш чора-тадбирлари тўғрисида”ги Ўзбекистон Республикаси Президентининг ПҚ–366-сон қарори муҳим аҳамият касб этади [3]. Шу билан бирга, аҳоли бандлигини таъминлаш ва камбағалликни қисқартириш бўйича қабул қилинаётган давлат дастурлари меҳнат бозорининг сифат жиҳатдан такомиллашувига хизмат қилмоқда [4].

2026 йилда Ўзбекистон Республикасида ўтказилган аҳоли ва қишлоқ хўжалигини рўйхатга олиш натижалари мамлакатнинг демографик ҳолати ва меҳнат ресурслари салоҳиятини баҳолаш учун муҳим статистик манба ҳисобланади. Рўйхатга олишнинг дастлабки натижаларига кўра, республика аҳолиси сони 39 047,3 минг кишини ташкил этган бўлиб, бу жорий демографик ҳисоб-китобларга нисбатан 810,6 минг кишига кўп эканлиги аниқланган. Шунингдек, аҳолининг 30,4 фоизи 0–14 ёшдаги, 14,9 фоизи 15–24 ёшдаги, 44,6 фоизи 25–59 ёшдаги ва 10,1 фоизи 60 ёшдан юқори аҳоли гуруҳларига тўғри келади. Мамлакат аҳолисининг 54,5 фоизи шаҳар, 45,5 фоизи эса қишлоқ жойларда истиқомат қилиши қайд этилган. Бу эса Ўзбекистонда демографик салоҳият юқори даражада сақланиб қолаётганлиги ва келгуси йилларда меҳнат бозорига кириб келадиган аҳоли қатлами ҳажмининг ортиб боришини кўрсатади.

Шу муносабат билан, аҳолининг такрор барпо бўлиш жараёнлари ва меҳнат ресурслари шаклланиши ўртасидаги ўзаро боғлиқликни замонавий статистик маълумотлар асосида баҳолаш, демографик омилларнинг меҳнат

бозорига таъсирини аниқлаш ҳамда мазкур жараёнларнинг истиқболдаги ривожланиш тенденцияларини белгилаш муҳим илмий вазифалардан бири ҳисобланади. Мазкур тадқиқот айнан 2026 йилги аҳоли рўйхатга олиш натижалари асосида Ўзбекистонда аҳолининг такрор барпо бўлиш жараёнларининг меҳнат ресурслари шаклланишига таъсирини баҳолашга қаратилган.

Адабиётлар шарҳи.

Аҳолининг такрор барпо бўлиш жараёнлари ва меҳнат ресурслари шаклланиши ўртасидаги ўзаро боғлиқлик демография ҳамда меҳнат иқтисодиёти соҳасидаги муҳим илмий йўналишлардан бири ҳисобланади. Ушбу муаммонинг назарий асослари хорижий олимлар томонидан кенг тадқиқ этилган.

Жумладан, Т. Мальтус аҳоли сонининг ўсиши ва иқтисодий ресурслар ўртасидаги нисбатни таҳлил қилиб, аҳоли ўсишининг иқтисодий ривожланишга таъсирини асослаб берган. А. Сови демографик жараёнларнинг меҳнат бозори ва иқтисодий ўсиш билан ўзаро боғлиқлигини тадқиқ этган. Г. Беккер инсон капитали назариясини ривожлантириб, аҳоли сифати ва меҳнат унумдорлиги ўртасидаги боғлиқликни асослаб берган. Д. Блум ва Д. Каннинг эса демографик дивиденд концепцияси орқали аҳолининг ёш таркибидаги ўзгаришларнинг иқтисодий ўсиш ва меҳнат ресурслари шаклланишига таъсирини баҳолаган.

МДҲ мамлакатлари олимларидан А.Г. Вишневский, Л.Л. Рибаковский, В.М. Медков ва Б.С. Хоревларнинг илмий ишларида аҳоли такрор барпо бўлиш жараёнлари, миграция, демографик ривожланиш ва меҳнат ресурсларининг шаклланиш хусусиятлари кенг ёритилган. Хусусан, Л.Л. Рибаковский миграция жараёнларининг меҳнат ресурслари ҳажми ва таркибига таъсирини тадқиқ этган бўлса, В.М. Медков демографик жараёнларни баҳолашнинг назарий ва услубий жиҳатларини ишлаб чиққан.

Ўзбекистонлик олимлардан Қ.Х. Абдураҳмонов, Б.Х. Умурзаков, А.А. Қаюмов, Ш.Ш. Шодмонов, М.Р. Болтабоев, О.Б. Ота-Мирзаев, Р.Х. Муртазаева ва бошқаларнинг илмий ишларида аҳоли ривожланиши, меҳнат ресурслари шаклланиши, бандлик ва демографик омилларнинг меҳнат бозорига таъсири масалалари тадқиқ қилинган. Хусусан, Қ.Х. Абдураҳмонов меҳнат иқтисодиёти ва меҳнат бозорини тартибга солишнинг назарий-методологик жиҳатларини асослаб берган бўлса, Б.Х. Умурзаков демографик жараёнлар ва меҳнат ресурслари ўртасидаги ўзаро боғлиқликни Ўзбекистон шароитида тадқиқ этган. О.Б. Ота-Мирзаев ва Р.Х. Муртазаева аҳоли динамикаси, урбанизация ва демографик ривожланиш масалаларини чуқур ўрганган.

Бироқ мавжуд тадқиқотларда аҳолининг такрор барпо бўлиш жараёнларининг меҳнат ресурслари шаклланишига таъсири асосан аҳолининг жорий демографик кўрсаткичлари асосида баҳоланган бўлиб, 2026 йилги аҳоли рўйхатга олиш натижалари асосида мазкур жараёнларни комплекс баҳолаш, меҳнат ресурслари шаклланишининг замонавий демографик хусусиятларини аниқлаш ва уларнинг истиқболдаги тенденцияларини баҳолаш масалалари етарлича тадқиқ этилмаган. Шу жиҳатдан мазкур тадқиқот ушбу илмий бўшлиқни тўлдиришга қаратилган.

Тадқиқот методологияси.

Тадқиқотда аҳолининг такрор барпо бўлиш жараёнлари ва меҳнат ресурслари шаклланиши ўртасидаги ўзаро боғлиқликни баҳолашда демографик таҳлил, қиёсий таҳлил, статистик гуруҳлаш, иқтисодий-статистик таҳлил ҳамда илмий абстракция усулларидан фойдаланилди. Тадқиқотнинг ахборот базасини Ўзбекистон Республикаси аҳол иси ва қишлоқ хўжалигини рўйхатга олишнинг 2026 йилги дастлабки натижалари, Миллий статистика қўмитаси маълумотлари ҳамда соҳага оид норматив-ҳуқуқий ҳужжатлар ташкил этди. Таҳлил жараёнида аҳоли сони, ёш таркиби, оилалар сони ва меҳнат ресурслари кўрсаткичлари ўртасидаги боғлиқлик баҳоланди, шунингдек муаллиф ҳисоб-китоблари асосида меҳнат ресурслари шаклланишининг демографик базаси аниқланди. Тадқиқот натижаларини умумлаштиришда таҳлил ва синтез ҳамда мантиқий хулосалаш усулларидан кенг фойдаланилди.

Таҳлил ва натижалар.

Аҳолининг такрор барпо бўлиш жараёнлари меҳнат ресурслари шаклланишининг асосий демографик манбаи ҳисобланади. Меҳнат ресурслари ҳажми ва сифати аҳоли сонининг ўсиши, туғилиш даражаси, оилалар таркиби, никоҳ муносабатлари ҳамда аҳолининг ёш таркиби билан бевосита боғлиқдир. Шу нуқтаи назардан, меҳнат ресурслари шаклланишини баҳолашда аҳоли сонининг ўзгаришини эмас, балки мазкур ўзгаришларни юзага келтирувчи демографик омилларни таҳлил қилиш муҳим аҳамият касб этади.

2026 йилги аҳоли рўйхатга олиш натижалари Ўзбекистонда аҳолининг такрор барпо бўлиш жараёнлари барқарор давом этаётганлигини кўрсатади. Бироқ мазкур жараёнларнинг меҳнат ресурслари шаклланишига таъсирини баҳолашда аҳоли сонининг мутлақ ўсиши билан чекланиб қолиш етарли эмас. Чунки меҳнат ресурслари келгусида меҳнат бозорига кириб келадиган авлодлар ҳисобига шаклланади ва бу жараён биринчи навбатда оила

институти билан белгиланади.

Шу сабабли тадқиқотда меҳнат ресурслари шаклланишининг демографик асоси сифатида оилалар сони, оила ҳажми, туғилиш жараёнлари ҳамда аҳолининг ёш таркиби ўртасидаги ўзаро боғлиқликни баҳолашга алоҳида эътибор қаратилди. Таҳлиллар шуни кўрсатадики, оилаларнинг демографик хусусиятлари меҳнат ресурсларининг нафақат миқдорий, балки сифат жиҳатдан шаклланишига ҳам таъсир кўрсатади. Хусусан, кўп фарзандли ва кўп авлодли оилалар улушининг юқорилиги келгусида меҳнат бозорига кириб келувчи аҳоли сонининг ортишига хизмат қилса, оиладаги таълим ва тарбия муҳити инсон капитали сифатини шакллантиришнинг муҳим омили ҳисобланади.

1-жадвал

Аҳолининг такрор барпо бўлиш жараёнлари ва меҳнат ресурслари шаклланишига таъсир этувчи асосий демографик омиллар

Демографик омил	Меҳнат ресурсларига таъсири
Туғилиш даражаси	Келгусида меҳнат бозорига кириб келувчи аҳоли сонини белгилайди
Оилалар сони	Янги авлодлар шаклланишининг демографик базасини яратади
Оила ҳажми	Меҳнат ресурслари такрор барпо бўлиш интенсивлигини белгилайди
Ёш таркиби	Мавжуд ва истиқболдаги меҳнат ресурслари ҳажмини белгилайди
Никоҳ жараёнлари	Туғилиш ва оила шаклланишининг асосий шарти ҳисобланади
Миграция	Меҳнат ресурсларининг ҳудудий тақсимланишига таъсир кўрсатади

Манба: *муаллиф ишланмаси*

1-жадвалда аҳолининг такрор барпо бўлиш жараёнлари ва меҳнат ресурслари шаклланишига таъсир этувчи асосий демографик омиллар тизимлаштирилди. Таҳлил натижалари шуни кўрсатадики, меҳнат ресурсларининг шаклланиши кўп омилли демографик жараён ҳисобланиб, унга туғилиш даражаси, оилалар сони, оила ҳажми, аҳолининг ёш таркиби, никоҳ жараёнлари ва миграция каби омиллар турлича даражада таъсир кўрсатади.

Мазкур омиллар орасида туғилиш даражаси ҳал қилувчи аҳамиятга эга бўлиб, у келгусида меҳнат бозорига кириб келадиган аҳоли сонини белгилайди. Бироқ меҳнат ресурсларининг шаклланишини фақат туғилиш кўрсаткичлари орқали баҳолаш етарли эмас. Чунки янги авлодларнинг шаклланиши ва камол топиши биринчи навбатда оила институти билан боғлиқдир. Шу сабабли оилалар сони ва оила ҳажми аҳолининг такрор барпо

бўлиш жараёнларини баҳолашда муҳим демографик мезон сифатида қаралади.

Шунингдек, аҳолининг ёш таркиби меҳнат ресурсларининг жорий ва истиқболдаги ҳажмини белгилаб берувчи асосий омил ҳисобланади. Ёшлар улушининг юқорилиги меҳнат ресурслари захираларининг кенгайишини таъминласа, аҳолининг қариши мазкур жараёнга тескари таъсир кўрсатиши мумкин. Никоҳ жараёнлари эса туғилишнинг ижтимоий-демографик асосини шакллантириб, аҳолининг такрор барпо бўлиш суръатларига бевосита таъсир кўрсатади.

Меҳнат ресурслари шаклланишининг демографик асосини фақат аҳоли сони эмас, балки аҳолининг такрор барпо бўлиш жараёнларини белгиловчи оила, туғилиш ва ёш таркиби каби омиллар ташкил этади. Шунинг учун меҳнат ресурсларини баҳолашда комплекс демографик ёндашувдан фойдаланиш мақсадга мувофиқ ҳисобланади.

2-жадвал

Ўзбекистонда оилалар сони ва меҳнат ресурслари шаклланишининг демографик базасини баҳолаш (2026 йил)

Кўрсаткичлар	Миқдор
Жами аҳоли сони, нафар	39 047 321
Ўртача оила ҳажми, нафар	4,9
Тахминий оилалар сони, та	7 968 841
0–14 ёшдаги аҳоли улуши, %	30,4
Тахминий 0–14 ёшдаги аҳоли сони, нафар	11 870 385
Бир оила ҳисобига тўғри келувчи 0–14 ёшли аҳоли, нафар	1,49
15–59 ёшдаги аҳоли улуши, %	59,5
Тахминий 15–59 ёшли аҳоли сони, нафар	23 233 156
Бир оила ҳисобига тўғри келувчи меҳнат ёшидаги аҳоли, нафар	2,92

Манба: *2026 йил аҳоли рўйхатга олиш маълумотлари асосида муаллиф ҳисоб-китоблари*

2-жадвал маълумотлари Ўзбекистонда меҳнат ресурслари шаклланишининг демографик асосини баҳолаш имконини беради. Муаллиф ҳисоб-китобларига кўра, республикада ўртача оила ҳажми 4,9 нафар деб қабул қилинганда, мамлакатда тахминан 8 миллионга яқин оила мавжуд. Бу эса аҳолининг такрор барпо бўлиш жараёнлари асосан оила институти орқали амалга ошаётганлигини кўрсатади.

Таҳлил натижаларига кўра, ҳар бир оила ҳисобига ўртача 1,49 нафар меҳнат ёшигача бўлган аҳоли тўғри келади. Мазкур кўрсаткич келгусида меҳнат бозорига кириб келувчи янги меҳнат ресурслари захираси шаклланаётганлигини англатади. Демак, бугунги кундаги ҳар бир оила нафақат аҳолининг такрор барпо бўлиш бирлиги, балки келажакдаги меҳнат ресурсларини шакллантирувчи

асосий демографик институт вазифасини ҳам бажармоқда.

Шу билан бирга, ҳар бир оила ҳисобига ўртача 2,92 нафар меҳнат ёшидаги аҳоли тўғри келиши республикада иқтисодий фаол аҳоли улушининг юқорилигидан далолат беради. Бу ҳолат мамлакат меҳнат бозорида демографик дивиденд имкониятлари сақланиб қолаётганлигини кўрсатади. Бироқ мазкур демографик салоҳиятдан самарали фойдаланиш учун меҳнат бозорида янги иш ўринларини яратиш, касбий тайёргарликни такомиллаштириш ва инсон капиталини ривожлантириш муҳим аҳамият касб этади.

Умуман олганда, тадқиқот натижалари оилалар сони ва уларнинг демографик таркиби меҳнат ресурслари шаклланишининг муҳим омили эканлигини тасдиқлайди. Шу сабабли аҳолининг такрор барпо бўлиш жараёнларини баҳолашда аҳоли сонидан ташқари оила институти билан боғлиқ кўрсаткичларга ҳам алоҳида эътибор қаратиш мақсадга мувофиқ ҳисобланади.

3-жадвал

Ўзбекистон аҳолисининг ёш таркиби ва меҳнат ресурслари шаклланишининг демографик потенциали (2026 йил)

Ёш гуруҳлари	Аҳоли сони, нафар	Улуши, %
0–14 ёш	11 870 385	30,4
15–24 ёш	5 817 051	14,9
25–59 ёш	17 414 105	44,6
60 ёш ва ундан юқори	3 945 780	10,1
Жами	39 047 321	100,0

Манба: *2026 йил аҳоли рўйхатга олиш маълумотлари асосида муаллиф ҳисоб-китоблари.*

3-жадвал маълумотлари Ўзбекистон аҳолиси таркибида ёш аҳоли улуши юқори даражада сақланиб қолаётганлигини кўрсатади. Хусусан, 0–14 ёшли аҳоли 11,9 млн нафарни ёки жами аҳолининг 30,4 фоизини ташкил этмоқда. Бу кўрсаткич мамлакатда аҳолининг такрор барпо бўлиш жараёнлари барқарор давом этаётганлигини ҳамда келгуси йилларда меҳнат бозорига кириб келувчи аҳоли оқими юқори бўлишини англатади.

Шу билан бирга, 15–24 ёшли аҳоли улушининг 14,9 фоизни ташкил қилиши меҳнат бозорига яқин йилларда кириб келадиган ёшлар қатламининг салмоқли эканлигини кўрсатади. Ушбу демографик гуруҳ мамлакатнинг келгуси меҳнат ресурслари захирасини шакллантирувчи асосий қатлам ҳисобланади.

Таҳлиллар шуни кўрсатадики, 0–24 ёшли аҳоли улуши жами аҳолининг 45,3 фоизини ташкил этмоқда. Бу эса Ўзбекистонда демографик дивиденд имкониятлари ҳали ҳам юқори даражада сақланиб қолаётганлигини англатади. Бошқача айтганда, бугунги ёш авлод келгуси 10–15 йил мобайнида меҳнат ресурсларининг асосий ўсиш манбаи бўлиб хизмат қилади.

Тадқиқот натижаларига кўра, Ўзбекистонда меҳнат ресурслари шаклланишининг асосий демографик манбаи аҳолининг юқори туғилиш

даражаси ва ёшлар улушининг катталиги билан изоҳланади. Мавжуд демографик тенденциялар сақланиб қолган тақдирда, мамлакатда меҳнат ресурслари ҳажмининг ўсиши давом этади. Бироқ ушбу демографик салоҳиятдан самарали фойдаланиш инсон капиталини ривожлантириш, таълим сифати ва бандлик сиёсати самарадорлигига бевосита боғлиқ бўлади.

Хулоса ва таклифлар.

Тадқиқот натижалари Ўзбекистонда аҳолининг такрор барпо бўлиш жараёнлари меҳнат ресурслари шаклланишининг асосий демографик манбаи ҳисобланишини кўрсатди. Аниқланишича, меҳнат ресурслари ҳажми ва таркиби аҳоли сонининг ўсиши билан бир қаторда туғилиш даражаси, оилалар сони, оила ҳажми ва аҳолининг ёш таркиби каби демографик омиллар таъсирида шаклланади.

2026 йилги аҳоли рўйхатга олиш маълумотлари асосида олиб борилган таҳлиллар республикада демографик ўсиш тенденциялари сақланиб қолаётганлигини кўрсатди. Аҳоли таркибида ёшлар улушининг юқорилиги ҳамда ҳар бир оила ҳисобига ўртача 1,49 нафар меҳнат ёшигача бўлган аҳолининг тўғри келиши келгуси йилларда меҳнат бозорига кириб келувчи аҳоли захираларининг етарли даражада шаклланаётганлигини тасдиқлайди.

Тадқиқот давомида оилалар институти аҳолининг такрор барпо бўлиш жараёнларининг муҳим демографик асоси эканлиги аниқланди. Муаллиф ҳисоб-китобларига кўра, мамлакатда тахминан 8 миллионга яқин оиланинг мавжудлиги меҳнат ресурсларининг узлуксиз шаклланиши учун мустаҳкам демографик базани яратмоқда.

Тадқиқот натижалари асосида қуйидаги таклифлар ишлаб чиқилди:

аҳолининг такрор барпо бўлиш жараёнлари ва меҳнат ресурслари шаклланишини баҳолашда аҳоли сони кўрсаткичлари билан бир қаторда оилалар сони ва оила ҳажми кўрсаткичларидан кенг фойдаланиш мақсадга мувофиқ;

меҳнат ресурслари прогнозларини ишлаб чиқишда аҳолининг ёш таркиби ва оилаларнинг демографик хусусиятларини ҳисобга олувчи комплекс демографик ёндашувни жорий этиш лозим;

демографик ўсиш суръатлари юқори бўлган ҳудудларда янги иш ўринлари яратиш ва касбий тайёргарлик тизимини кенгайтириш орқали келгусида меҳнат бозорига кириб келувчи аҳоли оқимини самарали бандлик билан таъминлаш зарур;

аҳолининг такрор барпо бўлиш жараёнлари ва меҳнат ресурслари ўртасидаги ўза ро боғлиқликни мунтазам мониторинг қилиш мақсадида аҳоли рўйхатга олиш маълумотлари асосида махсус демографик-индикаторлар тизимини шакллантириш мақсадга мувофиқ;

инсон капиталини ривожлантиришга қаратилган таълим, соғлиқни сақлаш ва ижтимоий ҳимоя чораларини кучайтириш орқали мамлакатнинг демографик дивиденд имкониятларидан самарали фойдаланиш мумкин.

Шундай қилиб, Ўзбекистонда аҳолининг такрор барпо бўлиш жараёнлари меҳнат ресурслари шаклланишининг ҳал қилувчи демографик омили бўлиб, мавжуд демографик салоҳиятдан самарали фойдаланиш меҳнат бозорини ривожлантириш ва барқарор иқтисодий ўсишни таъминлашнинг муҳим шарти ҳисобланади.

Адабиётлар:

1. Ўзбекистон Республикаси Президентининг «2022–2026 йилларга мўлжалланган Янги Ўзбекистоннинг тараққиёт стратегияси тўғрисида»ги ПФ–60-сон Фармони. 2022 йил 28 январь.

2. Ўзбекистон Республикаси Президентининг «Ўзбекистон–2030» стратегиясини «Ёшлар ва бизнесни қўллаб-қувватлаш йили»да амалга оширишга оид давлат дастури тўғрисида»ги ПФ–37-сон Фармони. 2024 йил 21 февраль.

3. Ўзбекистон Республикаси Президентининг «Норасмий бандлик улушини қисқартириш ҳамда меҳнат ресурслари балансини замонавий ёндашувлар асосида шакллантириш чора-тадбирлари тўғрисида»ги ПҚ–366-сон қарори. 2022 йил 30 август.

4. Ўзбекистон Республикаси Президентининг «2025 йилда аҳоли бандлигини таъминлаш ва камбағалликни қисқартириш чора-тадбирлари тўғрисида»ги ПҚ–12-сон қарори. 2025 йил 17 январь.

5. Ўзбекистон Республикаси Миллий статистика қўмитаси. Ўзбекистон Республикаси аҳолиси ва қишлоқ хўжалигини рўйхатга олишнинг дастлабки натижалари. – Тошкент, 2026. – 28 б.

6. Абдураҳмонов Қ.Х. Меҳнат иқтисодиёти. – Тошкент: Fan va texnologiya, 2019. – 592 б.

7. Умурзаков Б.Х. Демографик жараёнлар ва меҳнат ресурслари ривожланиши. – Тошкент: IQTISODIYOT, 2021. – 284 б.

8. Ота-Мирзаев О.Б. Демография асослари. – Тошкент: Университет, 2018. – 356..

9. Медков В.М. Демография: учебник. – Москва: ИНФРА-М, 2023. – 680 с.

10. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения: теория и практика. – Москва: Юрайт, 2021. – 480 с.

11. Becker G.S. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education. – Chicago: University of Chicago Press, 1993. – 412 p.

12. Bloom D.E., Canning D. Demographic Dividend: A New Perspective on the Economic Consequences of Population Change. – Santa Monica: RAND Corporation, 2003. – 112 p.

13. Malthus T.R. An Essay on the Principle of Population. – Oxford: Oxford University Press, 1999. – 320 p.

14. Sauvy A. General Theory of Population. – New York: Basic Books, 1969. – 540 p.

ФОРМИРОВАНИЕ УСТОЙЧИВОЙ МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА РЕГИОНОВ УЗБЕКИСТАНА НА ОСНОВЕ ЦИФРОВЫХ И ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ

Гафурова Зебохон Дильшод кизи
Студентка 1-курса магистратуры
Ташкентского Государственного
Экономического Университета

Аннотация: *В статье исследуются теоретические и прикладные аспекты формирования устойчивой модели экономического роста регионов Республики Узбекистан в условиях цифровой трансформации и экологических вызовов. Проанализированы современные подходы к устойчивому развитию региональных экономических систем, раскрыта роль цифровых и экологических инноваций как ключевых факторов повышения конкурентоспособности территорий. Значительное внимание уделено авторскому видению проблем и перспектив интеграции цифровых и «зелёных» решений в региональную экономическую политику Узбекистана. На основе проведённого анализа предложена авторская модель устойчивого экономического роста регионов и разработаны практические рекомендации по её реализации.*

Ключевые слова: *устойчивое развитие, региональная экономика, экономический рост, цифровизация, экологические инновации, зелёная экономика, Узбекистан.*

O‘ZBEKISTON HUDUDLARIDA RAQAMLI VA EKOLOGIK INNOVATSIYALAR ASOSIDA BARQAROR IQTISODIY O‘SISH MODELINI SHAKLLANTIRISH

Gafurova Zebokhon Dilshod qizi
Magistratura 1-bosqich talabasi
Toshkent davlat iqtisodiyot universiteti

Annotatsiya: *Ushbu maqolada O‘zbekiston Respublikasi hududlarida raqamli transformatsiya va ekologik chaqiriqlar sharoitida barqaror iqtisodiy o‘sish modelini shakllantirishning nazariy va amaliy jihatlari tadqiq etilgan. Hududiy iqtisodiy tizimlarning barqaror rivojlanishiga oid zamonaviy yondashuvlar tahlil qilinib, hududlar raqobatbardoshligini oshirishda raqamli va ekologik innovatsiyalarning asosiy omil sifatidagi roli ochib berilgan. Shuningdek, O‘zbekiston hududiy iqtisodiy siyosatiga raqamli va “yashil” yechimlarni integratsiya qilish muammolari va istiqbollari bo‘yicha mualliflik yondashuviga alohida e’tibor qaratilgan. O‘tkazilgan*

tahlil asosida hududlarning barqaror iqtisodiy o‘sish modeli taklif etilgan hamda uni amalga oshirish bo‘yicha amaliy tavsiyalar ishlab chiqilgan.

Kalit so‘zlar: *barqaror rivojlanish, hududiy iqtisodiyot, iqtisodiy o‘sish, raqamlashtirish, ekologik innovatsiyalar, yashil iqtisodiyot, O‘zbekiston.*

FORMATION OF A SUSTAINABLE MODEL OF ECONOMIC GROWTH IN THE REGIONS OF UZBEKISTAN BASED ON DIGITAL AND ENVIRONMENTAL INNOVATIONS

Gafurova Zebokhon Dilshod qizi
Master’s Degree Student (1st Year)
Tashkent State University of Economics

Abstract: *This article examines the theoretical and applied aspects of forming a sustainable model of economic growth in the regions of the Republic of Uzbekistan under the conditions of digital transformation and environmental challenges. Modern approaches to the sustainable development of regional economic systems are analyzed, and the role of digital and environmental innovations as key factors in enhancing territorial competitiveness is revealed. Particular attention is given to the author’s perspective on the problems and prospects of integrating digital and “green” solutions into the regional economic policy of Uzbekistan. Based on the conducted analysis, the author proposes a model of sustainable economic growth for the regions and develops practical recommendations for its implementation.*

Keywords: *sustainable development, regional economy, economic growth, digitalization, environmental innovations, green economy, Uzbekistan.*

Введение.

В современных условиях цифровой трансформации и усиления экологических ограничений устойчивое развитие регионов приобретает стратегическое значение для национальной экономики. Экономический рост уже не может оцениваться исключительно через количественные показатели увеличения производства или валового регионального продукта. Существенное значение приобретают качественные параметры развития: технологический уровень, экологическая устойчивость, институциональная эффективность и способность регионов к адаптации.

Для Узбекистана данная проблема имеет особую актуальность, поскольку региональная дифференциация в уровне цифровой инфраструктуры, инвестиционной активности и экологической нагрузки требует выработки новой модели устойчивого роста. Формирование такой модели предполагает

не только внедрение инноваций, но и их системную интеграцию в структуру региональной экономики.

Обзор литературы.

За последние годы в узбекской научной среде появилось значительное количество исследований, посвящённых темам цифровой экономики, устойчивого развития и экологических инноваций, что отражает растущий интерес к интеграции инновационных механизмов в национальную экономику.

Важный вклад в изучение цифровизации региональной экономики Узбекистана внёс Б. Б. Муллабабоев (2025), анализируя влияние цифровых технологий на сокращение региональных диспропорций и поддержку устойчивого роста [1]. Автор подчёркивает, что цифровизация способствует снижению социально-экономических различий между регионами, усиливая эффективность государственных инвестиций, повышение открытости местного управления и расширение цифровой инфраструктуры.

Это исследование показывает, что цифровая трансформация является одним из основных инструментов стимулирования сбалансированного роста территорий.

Анализ расширения цифровой экономики и её влияния на устойчивость природопользования проведён М. Э. Балбаа (2024). В работе исследуется, как развитие цифровой экономики влияет на использование ресурсов, такие как энергия и вода, а также на уровни загрязнения, включая выбросы CO2, что является важным для понимания взаимодействия технологического роста и экологической устойчивости [2]. Данная статья подчёркивает взаимосвязь между цифровым развитием и экологическими последствиями, что является ключевым элементом для формирования устойчивой региональной модели роста.

Исследование С. С. Убаевой (2024) сосредоточено на цифровизации малого и среднего предпринимательства (МСП) в Узбекистане и её роли в обеспечении устойчивого и зелёного роста [3]. Автор использует эмпирические данные, включая опросы и интервью, демонстрируя, что цифровые и экологические технологии способны повысить конкурентоспособность МСП и содействовать внедрению зеленых решений в бизнес-процессы.

Работа Г. А. Инамовой (2024) рассматривает роль цифровой экономики в развитии специальных экономических зон Uzbekistan, подчёркивая, что цифровые технологии способствуют притоку инвестиций, развитию инфраструктуры и подготовке кадров, что в конечном итоге влияет на

устойчивость роста регионов [4]. Анализ показывает, что применение цифровых стратегий в особых экономических зонах способствует не только экономическому развитию, но и улучшению экологических показателей за счёт внедрения устойчивых технологий.

Важное значение имеют исследования Ж. Бурановой (2025), посвящённые обеспечению инклюзивного роста экономики Узбекистана через цифровую трансформацию [5]. Работа содержит сравнительный анализ национальной цифровой стратегии с международным опытом, указывая как достижения, так и ключевые ограничения, такие как цифровой разрыв между городскими и сельскими регионами, что важно учитывать при разработке национальных моделей роста.

Кроме того, Х. Эгамбердиев (2025) делает акцент на зелёной структурной трансформации экономики Республики Узбекистан через механизмы зелёного финансирования и эко-инноваций в промышленности и сельском хозяйстве [6]. Это исследование раскрывает роль институциональных механизмов — таких как выпуск зеленых облигаций — в поддержке перехода к устойчивой экономике, что важно для интеграции природоохранных мер в региональную экономическую стратегию.

На фоне указанных работ следует также выделить труды Т. Нафасова и Г. Эркаевой (2024), которые анализируют современное состояние и перспективы развития инновационного потенциала Узбекистана [7]. Они отмечают проблемы недостаточного уровня инновационной активности, необходимости кадровой подготовки и расширения финансирования как ключевые препятствия устойчивого технологического роста.

Таким образом, анализ узбекских источников показывает широкую область исследований, охватывающую цифровизацию, экологические инновации, институциональные меры и структурные преобразования региональных экономик.

Эти труды создают научную основу для формирования интегрированной модели устойчивого экономического роста регионов, где цифровые и экологические инновации рассматриваются не как отдельные направления, а как взаимосвязанные элементы единой стратегии.

Методология исследования.

Настоящее исследование основывается на комплексном междисциплинарном подходе к анализу устойчивого экономического роста регионов Узбекистана в условиях цифровой и экологической трансформации. Методологическая база сформирована с учётом современных концепций региональной экономики, теории устойчивого развития и инновационного

роста, а также с опорой на эмпирические исследования узбекских авторов последних лет.

В качестве теоретической основы использованы положения концепции устойчивого развития, теории эндогенного экономического роста и институционального подхода к региональному развитию. Применение данных концепций позволило рассматривать экономический рост регионов не только как количественное увеличение валового регионального продукта, но и как качественную трансформацию производственной структуры, институциональной среды и технологической базы.

Исследование базируется на системном подходе, в рамках которого региональная экономика рассматривается как взаимосвязанная совокупность экономических, социальных, технологических и экологических элементов. Такой подход позволил выявить взаимозависимость цифровых и экологических инноваций и определить их совокупное влияние на устойчивость регионального развития.

В работе использованы методы сравнительного анализа, экономико-статистического обобщения и структурно-динамического анализа. Сравнительный анализ применён для оценки различий в уровне цифровизации и экологической модернизации между регионами страны. Структурно-динамический анализ позволил определить изменения в отраслевой структуре экономики и выявить тенденции трансформации региональных хозяйственных систем в условиях цифровизации. Экономико-статистическое обобщение использовалось для интерпретации данных официальной статистики и выявления закономерностей развития.

Эмпирическая база исследования сформирована на основе данных Государственного комитета Республики Узбекистан по статистике, материалов стратегических государственных программ в области цифровой экономики и зелёного развития, а также научных публикаций отечественных исследователей за последние годы. Использование национальных источников позволило учитывать институциональные особенности и специфику территориального развития страны.

В рамках исследования проведён качественный анализ взаимосвязи между уровнем цифровизации, экологической модернизации и динамикой социально-экономических показателей регионов. Интерпретация полученных результатов осуществлялась с позиций оценки устойчивости роста, включая такие параметры, как диверсификация экономики, ресурсная эффективность, инновационная активность и институциональная готовность к трансформации.

Методологическая конструкция исследования направлена на

формирование интегрированной модели устойчивого регионального роста, где цифровые и экологические инновации рассматриваются как взаимодополняющие элементы единой системы. Применённый комплекс методов обеспечивает логическую целостность исследования, достоверность выводов и практическую применимость полученных результатов в разработке региональной экономической политики.

Структурные особенности регионального развития Узбекистана. Современное состояние региональной экономики Узбекистана характеризуется выраженной дифференциацией по уровню социально-экономического развития, инвестиционной активности, цифровой инфраструктуры и экологической нагрузки. Наличие территориальных различий формирует асимметрию экономического потенциала, что отражается на темпах роста, уровне занятости и качестве жизни населения.

В индустриально развитых регионах наблюдается более высокая концентрация инвестиций, активное внедрение цифровых технологий и наличие производственной инфраструктуры. В то же время аграрные и удалённые территории в большей степени зависят от традиционных отраслей экономики, что снижает их устойчивость к внешним экономическим шокам.

Такая структура региональной экономики требует перехода к модели развития, ориентированной на инновации и технологическое обновление.

Сохранение сырьевой и ресурсной ориентации ряда регионов ограничивает возможности долгосрочного роста. Экономическая устойчивость в этих условиях напрямую зависит от способности регионов диверсифицировать производство, развивать цифровые компетенции и внедрять экологически безопасные технологии.

Влияние цифровизации на экономическую динамику регионов. Цифровая трансформация оказывает комплексное воздействие на региональные экономические процессы. Внедрение цифровых решений в производственную, управленческую и финансовую сферы способствует оптимизации затрат, ускорению бизнес-процессов и повышению прозрачности хозяйственной деятельности.

Развитие цифровой инфраструктуры позволяет регионам интегрироваться в национальные и международные экономические цепочки. Особенно заметный эффект цифровизация оказывает в сфере малого и среднего бизнеса, где цифровые платформы расширяют доступ к рынкам сбыта и финансовым ресурсам. Электронная коммерция, цифровые сервисы и автоматизация управленческих процессов формируют новые точки экономического роста.

В аграрном секторе применение цифровых технологий (мониторинг

земель, автоматизированные системы орошения, аналитика данных) повышает эффективность использования ресурсов и снижает производственные риски. Это особенно важно для регионов с ограниченными водными ресурсами и высокой зависимостью от климатических условий.

Кроме того, цифровизация способствует формированию новых форм занятости и развитию инновационного предпринимательства. Развитие IT-сектора, цифровых стартапов и технологических кластеров создаёт дополнительный мультипликативный эффект для региональной экономики.

Однако влияние цифровых инноваций напрямую зависит от уровня подготовки кадров, доступности интернет-инфраструктуры и институциональной поддержки. Без комплексного развития этих элементов цифровизация не способна обеспечить устойчивый экономический эффект.

Экологические ограничения и необходимость зелёной трансформации. Экономический рост регионов Узбекистана осуществляется в условиях усиливающихся экологических ограничений. Проблемы водных ресурсов, деградации земель и роста промышленной нагрузки требуют внедрения экологически ориентированных решений.

Экологические инновации обеспечивают снижение негативного воздействия на окружающую среду и одновременно формируют новые направления экономической активности. Развитие возобновляемых источников энергии, внедрение энергоэффективных технологий и модернизация производственных процессов способствуют снижению издержек и повышению ресурсной эффективности.

Переход к зелёной модели развития позволяет сократить зависимость регионов от традиционных энергоресурсов и повысить устойчивость к внешним экономическим колебаниям. В долгосрочной перспективе экологическая модернизация снижает риски, связанные с изменением климата и истощением природных ресурсов.

Важным аспектом зелёной трансформации является формирование экологической культуры производства и потребления.

Это предполагает не только технологическое обновление, но и изменение институциональной среды, включая систему стимулирования и регулирования.

Синергия цифровых и экологических инноваций. Анализ показывает, что наибольший экономический эффект достигается при одновременном внедрении цифровых и экологических инноваций. Цифровые технологии повышают эффективность экологических решений за счёт мониторинга, анализа данных и автоматизации процессов.

Использование цифровых платформ для управления

энергопотреблением, мониторинга выбросов и оптимизации логистики позволяет значительно снизить экологическую нагрузку при сохранении производственной активности. Таким образом, цифровизация выступает инструментом ускорения зелёной трансформации.

В условиях регионального развития синергетический эффект проявляется в формировании новых отраслей экономики, ориентированных на устойчивые технологии. Это создаёт предпосылки для диверсификации экономики и повышения её конкурентоспособности.

Комплексная интеграция цифровых и экологических инноваций способствует формированию новой модели регионального роста, в которой технологическое развитие сочетается с экологической ответственностью.

Институциональные и кадровые факторы устойчивости. Устойчивость регионального экономического роста определяется не только технологическими изменениями, но и качеством институциональной среды. Эффективное управление, прозрачность процедур и поддержка инновационной деятельности создают благоприятные условия для внедрения цифровых и экологических решений.

Особое значение имеет развитие человеческого капитала. Подготовка специалистов в сфере цифровых технологий, энергетики и экологического менеджмента является ключевым условием успешной трансформации региональной экономики. Без соответствующего кадрового обеспечения внедрение инноваций остаётся ограниченным.

Формирование партнёрства между государством, бизнесом и образовательными учреждениями позволяет создать устойчивую инновационную экосистему.

В такой системе цифровые и экологические технологии становятся не разовыми проектами, а устойчивым элементом экономической структуры.

Проведённый анализ позволяет выделить следующие закономерности:

1. Региональная дифференциация требует адресного подхода к внедрению инноваций.

2. Цифровизация повышает экономическую эффективность, но требует инфраструктурной и кадровой поддержки.

3. Экологические инновации обеспечивают долгосрочную устойчивость и снижение рисков.

4. Синергия цифровых и экологических решений формирует устойчивую модель роста.

Таким образом, устойчивый экономический рост регионов Узбекистана возможен при комплексной трансформации производственной, управленческой и институциональной структуры экономики. Интеграция

цифровых технологий и экологических инноваций выступает системообразующим фактором данной трансформации.

Заключение.

Проведённый анализ научных источников узбекских исследователей и рассмотрение современных тенденций регионального развития позволяют сделать вывод о том, что формирование устойчивой модели экономического роста регионов Узбекистана требует комплексной трансформации существующей экономической структуры. Современные вызовы — цифровая трансформация, изменение климата, ресурсные ограничения и усиливающаяся территориальная дифференциация — формируют необходимость перехода от традиционных экстенсивных факторов роста к инновационно-ориентированной модели развития.

Исследования отечественных авторов показывают, что цифровизация выступает важнейшим фактором повышения конкурентоспособности регионов, однако её эффективность напрямую связана с уровнем инфраструктурной обеспеченности, институциональной поддержки и кадрового потенциала. Анализ подтверждает, что цифровые технологии способны обеспечить рост производительности, снижение транзакционных издержек и расширение экономической активности малого и среднего бизнеса, особенно в регионах с ограниченными ресурсами.

В то же время экологические инновации приобретают стратегическое значение в условиях усиливающейся нагрузки на природные ресурсы. Развитие зелёной экономики способствует снижению энергоёмкости производства, рациональному использованию водных ресурсов и формированию новых направлений инвестиционной активности. Экологическая модернизация рассматривается как неотъемлемый элемент устойчивого роста, а не как дополнительное направление экономической политики.

Анализ показал, что изолированное внедрение цифровых или экологических решений не обеспечивает полноценного устойчивого эффекта. Наибольшие результаты достигаются при их интеграции, когда цифровые технологии используются для повышения эффективности экологических мер, а зелёная трансформация формирует новые рынки для инновационных цифровых решений. Такая синергия создаёт основу для структурного обновления региональной экономики и повышения её адаптивности к внешним вызовам.

На основании проведённого исследования целесообразно выделить следующие приоритетные направления дальнейшего развития:

• формирование единой региональной политики цифрово-экологической трансформации;

• развитие цифровой инфраструктуры в отдалённых и аграрных регионах;

• внедрение механизмов зелёного финансирования и поддержки инновационных проектов;

• стимулирование научно-образовательной интеграции для подготовки специалистов в сфере цифровых и экологических технологий;

• разработка системы комплексных индикаторов оценки устойчивости регионального роста.

Таким образом, устойчивый экономический рост регионов Узбекистана возможен при условии институционально поддержанной интеграции цифровых и экологических инноваций в единую стратегическую модель развития. Реализация данного подхода позволит обеспечить долгосрочную макроэкономическую стабильность, повышение конкурентоспособности территорий и улучшение качества жизни населения.

Литературы:

1. Mullabayev B. B. Contribution of Digitalization and Innovation to Regional Economic Convergence in Uzbekistan // International Journal of Social Science & Interdisciplinary Research. — 2025.

2. Balbaa M. E. Analyzing the Impact of Digital Economic Expansion on Resource Utilization and Environmental Sustainability in Uzbekistan // Economics and Innovative Technologies. — 2024.

3. Ubaeva S. S. Экоцифра: цифровизация МСП для зеленого устойчивого роста // Green Economy and Development. — 2024.

4. Inamova G. A. The Role of Digital Economy in the Development of Free Economic Zones of the Republic of Uzbekistan // Journal of Applied Science and Social Science. — 2024.

5. Buranova Zh. Обеспечение инклюзивного роста экономики Узбекистана в условиях цифровой трансформации // Академические исследования в современной науке. — 2025.

6. Egamberdiev Kh. Green Structural Transformation in Uzbekistan: Green Finance and Eco-Innovation // Innovation Science and Technology. — 2025.

7. Nafasov T., Erkaeva G. P. Состояние и перспективы развития инновационного потенциала Республики Узбекистан // Yashil Iqtisodiyot va Taraqqiyot. — 2024.

8. Strategic Literature: Постановление Президента Республики Узбекистан «О переходе на зелёную экономику» // Lex.uz.

9. Strategy "Digital Uzbekistan – 2030" // National Government Policy Document, Tashkent, 2020.

O‘ZBEKISTONDA ICHKI VA TASHQI MIGRATSIYA JARAYONLARI TRANSFORMATSIYASI VA UNING URBANIZATSIYA JARAYONLARIGA TA’SIRI

Usmonov Anvar Saidmahmudovich
i.f.d., professor,
TDIU huzuridagi ilmiy-tadqiqot markazi,
G.V. Plexanov nomidagi RIU Toshkent filiali
kafedrasi professori

Annotatsiya. *Maqolada O‘zbekistonda ichki va tashqi migratsiya jarayonlarining transformatsiyasi hamda uning urbanizatsiya jarayonlariga ta’siri tahlil qilingan. 2010–2024-yillarda migratsiya saldosi manfiyligicha qolgan bo‘lsa-da, uning hajmi – 44 ming kishidan –8,6 ming kishigacha qisqargan; bu aholi harakatining mutlaq kamayishi emas, balki uning shakli va hududiy yo‘nalishlaridagi o‘zgarishlarni ko‘rsatadi. 2025-yil 1-chorak ma’lumotlariga ko‘ra, 63 077 nafar aholi kelgan va 65 126 nafar ketgan, ichki migratsiya umumiy harakatning deyarli 99 foizini tashkil etgan; Toshkent shahrida saldo +4 806 kishi, Qashqadaryoda –1 808 kishi. 2024-yilda xorijdagi mehnat migrantlari soni 1,3 mln nafardan oshgan va pul o‘tkazmalari 14,8 mlrd AQSH dollariga yetgan. Maqolada migratsiya urbanizatsiyani rag‘batlantiruvchi omil sifatida, shu bilan birga hududiy nomutanosiblikni kuchaytiruvchi omil sifatida baholanib, hududiy muvozanatni ta’minlash bo‘yicha takliflar berilgan.*

Kalit so‘zlar: *ichki migratsiya, tashqi mehnat migratsiyasi, migratsiya saldosi, urbanizatsiya, pul o‘tkazmalari, hududiy nomutanosiblik, Toshkent shahri, O‘zbekiston.*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВНУТРЕННИХ И ВНЕШНИХ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В УЗБЕКИСТАНЕ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА УРБАНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ

Усмонов Анвар Саидмахмудович
д.э.н., профессор,
научно-исследовательского центра при ТГЭУ;
профессор кафедры Ташкентского филиала
РЭУ им. Г.В. Плеханова

Аннотация. *В статье проанализирована трансформация внутренних и внешних миграционных процессов в Узбекистане и её влияние на урбанизацию.*

В 2010–2024 гг. сальдо миграции оставалось отрицательным, однако его объём сократился с –44 тыс. до –8,6 тыс. человек, что свидетельствует не об абсолютном снижении мобильности населения, а об изменении её формы и территориальной направленности. По данным за I квартал 2025 г., прибыло 63 077 и выбыло 65 126 человек, при этом на внутреннюю миграцию приходится почти 99 % общего движения; сальдо г. Ташкента составило +4 806 человек, Кашкадарьинской области – –1 808 человек. В 2024 г. число трудовых мигрантов за рубежом превысило 1,3 млн человек, а денежные переводы достигли 14,8 млрд долл. США. Миграция рассматривается как фактор, стимулирующий урбанизацию, и одновременно как фактор, усиливающий территориальные диспропорции; предложены меры по обеспечению территориального баланса.

Ключевые слова: *внутренняя миграция, внешняя трудовая миграция, сальдо миграции, урбанизация, денежные переводы, территориальные диспропорции, г. Ташкент, Узбекистан.*

TRANSFORMATION OF INTERNAL AND EXTERNAL MIGRATION PROCESSES IN UZBEKISTAN AND ITS IMPACT ON URBANIZATION

Usmonov Anvar Saidmakhmudovich
DSc (Economics), Professor, Research Centre under Tashkent State University of Economics;
Professor, Tashkent Branch of Plekhanov Russian University of Economics

Abstract. *The article analyses the transformation of internal and external migration in Uzbekistan and its impact on urbanization. In 2010–2024 net migration remained negative, but its volume narrowed from –44 thousand to –8.6 thousand people, which points to a change in the form and territorial direction of mobility rather than its absolute decline. In Q1 2025, 63,077 people arrived and 65,126 departed, with internal migration accounting for almost 99% of total movement; the net balance was +4,806 in Tashkent city and –1,808 in Kashkadarya region. In 2024 the number of labour migrants abroad exceeded 1.3 million and remittances reached USD 14.8 billion. Migration is assessed both as a factor stimulating urbanization and as a factor deepening regional imbalances; proposals for achieving territorial balance are put forward.*

Keywords: *internal migration, external labour migration, net migration,*

urbanization, remittances, regional disparities, Tashkent city, Uzbekistan.

Kirish. Hozirgi globallashuv sharoitida migratsiya va urbanizatsiya jahon miqyosidagi eng muhim ijtimoiy-iqtisodiy hodisalardan biridir. Aholining hududiy harakatchanligi va shaharlashuv jarayonlari o‘zaro chambarchas bog‘liq bo‘lib, iqtisodiy rivojlanish, mehnat bozorining shakllanishi va aholi joylashuvi tizimiga sezilarli ta’sir ko‘rsatadi. Shu nuqtai nazardan migratsiya jarayonlari transformatsiyasi va uning urbanizatsiyaga ta’sirini o‘rganish dolzarb ilmiy masalalardan biridir.

O‘zbekistonda so‘nggi yillarda aholi sonining o‘sishi, mehnat resurslari bosimining ortishi va shaharlashuv jarayonlarining jadallashuvi migratsiya oqimlarining mazmuni va yo‘nalishlarida o‘zgarishlarni keltirib chiqarmoqda. 2010–2024-yillarda migratsiya saldosi manfiyligicha qolgan, biroq uning hajmi –44 ming kishidan –8,6 ming kishigacha qisqargan (IOM, 2025). Bu aholi harakatining mutlaq kamayishi emas, balki uning shakli va hududiy yo‘nalishlarida transformatsiya yuz berayotganini ko‘rsatadi. Ichki migratsiyada aholining yirik shaharlarga, xususan Toshkent shahriga jamlanishi urbanizatsiyaning kuchayishiga xizmat qilmoqda. Tashqi migratsiya ham urbanizatsiyaga bilvosita ta’sir ko‘rsatadi: 2024-yilda xorijda mehnat qilayotgan fuqarolar soni 1,3 mln nafardan oshgan, ular yuborgan pul o‘tkazmalari esa 14,8 mlrd AQSH dollariga yetgan.

Migratsiya jarayonlari huquqiy jihatdan tartibga solingan: “Tashqi mehnat migratsiyasi to‘g‘risida”gi Qonun va migratsiya sohasiga oid Prezident farmon hamda qarorlari sohaning institutsional asosini tashkil etadi (O‘zbekiston Respublikasi, 2020). Aholi joylashuvi va shaharlashuv jarayonlarini tartibga solish davlat siyosatining muhim yo‘nalishlaridan biridir.

Tadqiqotning **maqsadi** — O‘zbekistonda ichki va tashqi migratsiya transformatsiyasining urbanizatsiya jarayonlariga ta’sirini aniqlash va hududiy muvozanatni ta’minlash bo‘yicha takliflar ishlab chiqishdir. **Vazifalar:** (1) migratsiya saldosining 2010–2024-yillardagi o‘zgarishini baholash; (2) ichki migratsiyaning urbanizatsiya markazlariga yo‘nalishini hududlar kesimida tahlil qilish; (3) tashqi migratsiya va pul o‘tkazmalarining shaharlar rivojidagi o‘rnini aniqlash; (4) urbanizatsiyaning hududiy nomutanosiblik bilan bog‘liqligini ko‘rsatish.

Adabiyotlar va manbalar sharhi.

Mavzu bo‘yicha axborot bazasini huquqiy hujjatlar va xalqaro tashkilotlar hisobotlari tashkil etadi. Tashqi mehnat migratsiyasining huquqiy asoslari “Tashqi mehnat migratsiyasi to‘g‘risida”gi Qonunda belgilangan (O‘zbekiston Respublikasi,

2020). O‘zbekistondagi migratsiya vaziyati, hududlar kesimidagi ko‘chib kelganlar va ko‘chib ketganlar soni hamda pul o‘tkazmalari bo‘yicha eng yangi ma’lumotlar Xalqaro migratsiya tashkilotining 2025-yil yanvar–mart hisobotida keltirilgan (IOM, 2025). Mavjud manbalar migratsiyaning hajmi va yo‘nalishini yoritadi; migratsiya transformatsiyasini urbanizatsiya bilan bog‘liq holda, hududlar kesimida tahlil qilish masalasi esa yetarlicha ishlanmagan. Maqola shu bo‘shliqni to‘ldirishga qaratilgan.

Tadqiqot metodologiyasi. Tadqiqotda dinamik va qiyosiy tahlil, statistik guruhlash, hududiy taqqoslash va tizimli yondashuv usullaridan foydalanildi. Asosiy ma’lumot manbai — IOMning 2025-yil yanvar–mart hisoboti (IOM, 2025). Migratsiya saldosi ko‘chib kelganlar va ko‘chib ketganlar soni ayirmasi sifatida talqin qilindi. Hududlar ijobiy saldo (qabul qiluvchi markazlar) va manfiy saldo (aholi chiqib ketuvchi hududlar) bo‘yicha tasniflandi. Tahlil tavsifiy xarakterga ega bo‘lib, migratsiya va urbanizatsiya o‘rtasidagi sabab-oqibat bog‘liqligi ekonometrik usulda baholanmagan.

Tahlil va natijalar.

1. Migratsiya saldosining transformatsiyasi

2010–2024-yillar davomida migratsiya saldosi manfiyligicha qolgan, ammo uning hajmi –44 ming kishidan –8,6 ming kishigacha (2024-yilda –8 613 kishi) qisqargan (IOM, 2025). Bu holat aholi harakatining mutlaq qisqarishini emas, balki uning ichki tuzilishidagi o‘zgarishni anglatadi: tashqi migratsiya ma’lum darajada barqarorlashgan paytda ichki migratsiya oqimlari faollashib, aholining yirik shaharlarga, ayniqsa Toshkent shahriga jamlanishi kuchaymoqda. Bu esa urbanizatsiya jarayonlarining tezlashishiga xizmat qilmoqda.

2. Ichki migratsiya va urbanizatsiya markazlari

2025-yil 1-chorak ma’lumotlariga ko‘ra, jami migratsiyada 63 077 nafar aholi kelgan va 65 126 nafar ketgan, ichki migratsiya umumiy harakatning asosiy qismini tashkil etgan (IOM, 2025). Hududlar kesimida Toshkent shahri va Toshkent viloyatida ijobiy migratsiya saldosi kuzatilib, aholining asosiy qismi aynan shu hududlarga jamlanmoqda; aksincha, Qashqadaryo, Samarqand va Surxondaryo kabi hududlarda aholining chiqib ketishi ustun. Bu aholining iqtisodiy faolligi yuqori shahar markazlariga intilayotganini va urbanizatsiya hududiy nomutanosiblik asosida kechayotganini ko‘rsatadi. Asosiy ko‘rsatkichlar 1-jadvalda umumlashtirilgan.

1-jadval

O‘zbekistonda migratsiya va urbanizatsiya ko‘rsatkichlarining o‘zaro bog‘liqligi

Ko‘rsatkich	Qiymat	Urbanizatsiyaga ta’siri
Migratsiya saldosi (2024-y.)	–8 613 kishi	aholi chiqib ketishi kamayib, ichki jamlanish kuchaymoqda
Jami migratsiya (2025-y. 1-chorak)	63 077 kelgan / 65 126 ketgan	ichki harakat ustun
Ichki migratsiya ulushi	99 % ga yaqin	shaharlarga aholi oqimi oshmoqda
Toshkent shahri saldosi	+4 806 kishi	urbanizatsiya markazi
Qashqadaryo saldosi	–1 808 kishi	aholi chiqib ketuvchi hudud
Tashqi mehnat migrantlari	1,3 mln nafar	shahar iqtisodiyotiga ta’sir
Pul o‘tkazmalari (2024)	14,8 mlrd $	uy-joy va xizmatlar sohasi o‘sishi

Manba: *IOM (2025) ma’lumotlari asosida muallif tuzgan.*

Jadval ma’lumotlari migratsiyaning urbanizatsiya drayverlaridan biriga aylanayotganini ko‘rsatadi. Ichki migratsiya ulushining yuqoriligi aholining asosan shaharlarga yo‘nalayotganini bildiradi, bu esa shaharlarda aholi zichligining ortishi, xizmatlar bozorining kengayishi va iqtisodiy faollikning oshishiga olib kelmoqda. Toshkent shahridagi ijobiy saldo uni mamlakatning asosiy urbanizatsiya markaziga aylantirgan.

3. Tashqi migratsiya, pul o‘tkazmalari va urbanizatsiya

2024-yilda xorijda mehnat faoliyatini amalga oshirayotgan O‘zbekiston fuqarolari soni 1,3 mln nafardan oshgan, ular yuborgan pul o‘tkazmalari 14,8 mlrd AQSH dollariga yetgan (IOM, 2025). Bu mablag‘lar asosan shahar hududlarida uy-joy qurilishi, xizmat ko‘rsatish sohasi va kichik biznesni rivojlantirishga yo‘naltirilmoqda, natijada shahar iqtisodiyoti va infratuzilmasi rivojlanmoqda. Shu tariqa tashqi migratsiya urbanizatsiyani bilvosita rag‘batlantiruvchi omil sifatida namoyon bo‘ladi.

4. Urbanizatsiya va hududiy nomutanosiblik

Migratsiya urbanizatsiyani rag‘batlantirish bilan birga hududlar o‘rtasidagi nomutanosiblikni ham kuchaytirmoqda. Manfiy saldoga ega hududlarda mehnat resurslari kamayib, iqtisodiy faollik pasaymoqda; aholi jamlanayotgan hududlarda esa infratuzilmaga ortiqcha bosim shakllanmoqda. Migratsiya ta’sirining kanallari 2-jadvalda keltirilgan.

2-jadval

Migratsiyaning urbanizatsiyaga ta’sir kanallari

Migratsiya omili	Urbanizatsiyaga ta’siri	Hududiy natija
Ichki migratsiya (shaharlarga jamlanish)	aholi zichligi ortadi, xizmatlar bozori kengayadi, iqtisodiy faollik oshadi	Toshkent shahri va viloyatida ijobiy saldo, infratuzilmaga bosim
Tashqi migratsiya va pul o‘tkazmalari	shaharlarda uy-joy qurilishi, xizmatlar va kichik biznes rivojlanadi	urbanizatsiyaning yanada tezlashuvi
Aholining chiqib ketishi (manfiy saldo)	qishloq va chekka hududlarda mehnat resurslari kamayadi	Qashqadaryo, Samarqand, Surxondaryo, Qoraqalpog‘istonda iqtisodiy faollik pasayishi xavfi

Manba: muallif ishlanmasi.

Migratsiya orqali kelayotgan pul mablag‘lari shaharlarda iqtisodiy o‘sishni rag‘batlantirayotgan bo‘lsa-da, ularning asosan shaharlarga yo‘naltirilishi urbanizatsiyaning yanada tezlashuviga sabab bo‘lmoqda. Demak, migratsiya va urbanizatsiya o‘zaro bog‘liq holda rivojlanib, mamlakatda hududiy rivojlanishning asosiy yo‘nalishlarini belgilab bermoqda.

Xulosa va amaliy takliflar

O‘zbekistonda ichki va tashqi migratsiya transformatsiyasi urbanizatsiya jarayonlari bilan uzviy bog‘liq holda rivojlanayotgani aniqlandi. Migratsiya saldosining manfiyligicha qolishiga qaramay, uning hajmi kamayib borayotgani aholi harakatining ichki qayta taqsimlanishi kuchayganini anglatadi. Aholining iqtisodiy jihatdan rivojlangan shaharlarga, ayniqsa Toshkent shahriga jamlanishi urbanizatsiyaning asosiy omillaridan biri sifatida namoyon bo‘lmoqda. Tashqi mehnat migratsiyasi orqali kelayotgan pul o‘tkazmalari shaharlarda qurilish, xizmat ko‘rsatish va tadbirkorlik faoliyati o‘sishiga xizmat qilmoqda. Shu bilan birga, bu jarayonlar hududlar o‘rtasidagi ijtimoiy-iqtisodiy nomutanosibliklarni kuchaytirmoqda: ayrim hududlarda aholining chiqib ketishi mehnat resurslarini kamaytirsa, boshqalarida aholi jamlanishi infratuzilmaga ortiqcha bosim yuklamoqda. Demak, migratsiya urbanizatsiyani rag‘batlantiruvchi va hududiy muammolarni yuzaga keltiruvchi omil sifatida namoyon bo‘lib, uni zamonaviy tendensiyalarni hisobga olgan holda ilmiy asosda baholash muhimdir.

Quyidagi takliflar ilgari suriladi:

1. *Hududiy rivojlanishni muvozanatlashga qaratilgan iqtisodiy rag‘batlar.* Aholi chiqib ketayotgan hududlarda (Qashqadaryo, Surxondaryo, Qoraqalpog‘iston)

sanoat va xizmat ko‘rsatish sohalarini kengaytirish orqali mahalliy ish o‘rinlarini ko‘paytirish aholining majburiy migratsiyasini kamaytirishga xizmat qiladi.

2. *Urbanizatsiya markazlarida infratuzilma yuklamasini kamaytirish.* Toshkent shahri va boshqa yirik shaharlarda transport, uy-joy va ijtimoiy xizmatlar sohasidagi yuklamani kamaytirish maqsadida yangi turar-joy massivlari va yo‘ldosh shaharchalarni rivojlantirish zarur.

3. *Aholini ixtiyoriy hududiy qayta taqsimlashni rag‘batlantirish.* Aholi zich joylashgan hududlardan (Farg‘ona vodiysi, Samarqand) iqtisodiy imkoniyatlari kam o‘zlashtirilgan hududlarga (Sirdaryo, Navoiy, Qoraqalpog‘iston) ko‘chib borishni subsidiyalar, uy-joy va ish bilan ta’minlash orqali rag‘batlantirish maqsadga muvofiq.

4. *Tashqi migratsiyadan keladigan mablag‘larni urban rivojlanishga yo‘naltirish.* Migrantlar pul o‘tkazmalarini uy-joy qurilishi, shahar infratuzilmasi va kichik biznesni rivojlantirishga jalb qilish uchun moliyaviy instrumentlarni kengaytirish zarur.

5. *Migratsiya va urbanizatsiya monitoringi tizimini raqamlashtirish.* Aholi harakatini real vaqt rejimida kuzatish imkonini beruvchi raqamli platformalarni joriy etish migratsiya va urbanizatsiya jarayonlarini aniq baholash imkoniyatini kengaytiradi.

Adabiyotlar:

1. *IOM (2025) O‘zbekistonda migratsiya vaziyatiga oid hisobot: 2025-yil yanvar–mart. Toshkent: Xalqaro migratsiya tashkiloti.*
2. *O‘zbekiston Respublikasi (2020) “Tashqi mehnat migratsiyasi to‘g‘risida”gi Qonun. Toshkent.*

YOSHLAR BANDLIGI VA DEMOGRAFIK DIVIDEND: O'ZBEKISTON MEHNAT BOZORIDAGI TENDENSIYALAR VA USTUVOR YO'NALISHLAR

Qilichov Ulug‘bek Rustam o‘g‘li
Toshkent davlat iqtisodiyot universiteti huzuridagi
“O‘zbekiston iqtisodiyotini rivojlantirishning
ilmiy asoslari va muammolari” ilmiy-tadqiqot markazi
“Demografiya va mehnat bozori” sektori stajyor-tadqiqotchisi,
Toshkent davlat iqtisodiyot universiteti
magistratura talabasi
ORCID: 0009-0008-3508-1281

Annotatsiya. *Mazkur maqolada O‘zbekistonda yoshlar bandligi demografik dividend konsepsiyasi asosida so‘nggi yillardagi tendensiyalar doirasida tahlil qilinadi. Mehnat yoshidagi aholi soni va ulushi, rasmiy hamda xalqaro metodologiya bo‘yicha ishsizlik darajasi, yoshlar ishsizligi va NEET ko‘rsatkichlari Milliy statistika qo‘mitasi, Jahon banki hamda boshqa manbalar ma’lumotlari asosida o‘rganildi. Natijalar mehnat yoshidagi aholi soni ortib borayotganini, biroq uning jami aholi tarkibidagi ulushi kamayganini ko‘rsatadi. Rasmiy ishsizlik darajasida pasayish kuzatilgan bo‘lsa-da, xalqaro baholashlarda yoshlar ishsizligi nisbatan yuqori darajada saqlanib qolmoqda. Shuningdek, yosh ayollar orasida NEET ko‘rsatkichi erkaklarga nisbatan sezilarli darajada yuqori. Maqolada demografik imkoniyatni iqtisodiy dividendga aylantirishga qaratilgan takliflar ishlab chiqilgan.*

Kalit so‘zlar: *yoshlar bandligi, demografik dividend, yoshlar ishsizligi, NEET, mehnat resurslari, mehnat bozori, demografik o‘tish, bandlik siyosati, O‘zbekiston.*

ЗАНЯТОСТЬ МОЛОДЁЖИ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ДИВИДЕНД: ТЕНДЕНЦИИ НА РЫНКЕ ТРУДА УЗБЕКИСТАНА И ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

Киличов Улугбек Рустам угли
Стажёр-исследователь сектора
«Демография и рынок труда» Научно-исследовательского центра
«Научные основы и проблемы развития экономики Узбекистана»
при Ташкентском государственном экономическом университете
Магистрант Ташкентского государственного экономического университета
ORCID: 0009-0008-3508-1281

Аннотация. *В статье анализируется занятость молодёжи в Узбекистане на основе концепции демографического дивиденда и современных*

тенденций рынка труда. На основе данных Национального комитета по статистике, Всемирного банка и других источников изучены численность и доля населения трудоспособного возраста, уровень безработицы по национальной и международной методологии, безработица среди молодёжи и показатель NEET. Результаты показывают, что численность населения трудоспособного возраста увеличивается, однако его доля в общей численности населения постепенно сокращается. Несмотря на снижение официального уровня безработицы, международные оценки свидетельствуют о сохранении относительно высокой безработицы среди молодёжи. Кроме того, показатель NEET среди молодых женщин значительно выше, чем среди мужчин. В статье разработаны предложения по превращению демографического потенциала в экономический дивиденд.

Ключевые слова: *занятость молодёжи, демографический дивиденд, безработица среди молодёжи, NEET, трудовые ресурсы, рынок труда, демографический переход, политика занятости, Узбекистан.*

YOUTH EMPLOYMENT AND THE DEMOGRAPHIC DIVIDEND: LABOR MARKET TRENDS AND POLICY PRIORITIES IN UZBEKISTAN

Qilichov Ulugbek Rustam ogli
Research Intern of the "Demography and Labor Market"
Sector Research Center "Scientific Foundations and Issues
of Economic Development of Uzbekistan"
under Tashkent State University of Economics
Master's Student of Tashkent State University of Economics
ORCID: 0009-0008-3508-1281

Abstract. *This article examines youth employment in Uzbekistan through the concept of the demographic dividend and recent labor market trends. Drawing on data from the National Statistics Committee, the World Bank and other sources, it explores the size and share of the working-age population, unemployment under national and international methodologies, youth unemployment and the NEET rate. The findings show that the working-age population is growing, while its share of the total population is gradually declining. Although the official unemployment rate has decreased, international estimates indicate that youth unemployment remains relatively high. The NEET rate among young women is also considerably higher than among young men. The article puts forward recommendations for turning demographic potential into an economic dividend.*

Keywords: *youth employment, demographic dividend, youth unemployment,*

NEET, labor resources, labor market, demographic transition, employment policy, Uzbekistan.

Kirish.

Demografik dividend — aholi yosh tarkibidagi o‘zgarishlar natijasida mehnatga layoqatli aholi ulushi bolalar va keksalar ulushidan oshganda iqtisodiy o‘sish uchun vujudga keladigan imkoniyatdir [1]. Biroq bu imkoniyat o‘z-o‘zidan iqtisodiy samaraga aylanmaydi: u mehnatga layoqatli yoshdagi odamlarning ish bilan ta’minlanishi, sog‘lig‘i va malakasiga bog‘liq bo‘lib, mehnat bozori va ta’lim siyosatining sifati bilan belgilanadi [2].

O‘zbekiston bugun aynan shunday demografik bosqichda turibdi. Milliy statistika qo‘mitasi ma’lumotlariga ko‘ra, mehnat yoshidagi (erkaklar 16–60, ayollar 16–55 yosh) doimiy aholi soni 2021-yil 1-yanvardagi 20,1 million kishidan 2026-yil 1-yanvarga kelib 21,3 million kishiga oshgan [3]. Shu davrda doimiy aholining umumiy soni 34,6 milliondan 38,2 millionga yetgan [4], mehnat yoshidagilar ulushi esa 58,3 foizdan 55,8 foizgacha kamaygan [5]. 2026-yil boshida mehnat yoshidan kichiklar 12,3 million kishi (32,1%), mehnat yoshidan kattalar 4,6 million kishi (12,1%) bo‘lgan [6]. UNICEF prognoziga ko‘ra, 15–64 yoshdagi aholi soni 2024-yildagi 23,9 million kishidan 2050-yilga kelib 33 million kishidan oshadi [7].

Ishsizlik ko‘rsatkichlari umumiy olganda yaxshilanmoqda: mehnat resurslari tanlanma kuzatuvi bo‘yicha rasmiy ishsizlik darajasi 2021-yildagi 9,6 foizdan 2025-yilda 4,8 foizgacha pasaygan [4]. Biroq 15–24 yoshdagilar ishsizligi (ILO modeli asosidagi Jahon banki baholari) 2022-yildan buyon 10,8–11,4 foiz oralig‘ida turibdi va 2025-yilda 11,4 foizni tashkil etdi [8]. Jahon banki tadqiqotiga tayangan Yevropa ta’lim jamg‘armasi (ETF) hisobotiga ko‘ra, 16–24 yoshdagilarning 24 foizi ta’limda ham, bandlikda ham, kasbiy tayyorgarlikda ham ishtirok etmaydi (NEET) [9]. Ya’ni umumiy ko‘rsatkich yoshlar mehnat bozoridagi muammolarning bir qismini ko‘rsatmaydi.

Adabiyotlar tahlili.

Demografik dividend g‘oyasi iqtisodiy adabiyotda demografik o‘tish va iqtisodiy o‘sish o‘rtasidagi bog‘liqlikni o‘rganish jarayonida shakllangan. D. Bloom va J. Williamson Sharqiy Osiyo mamlakatlari tajribasini tahlil qilib, mehnatga layoqatli aholi ulushining ortishi mintaqadagi yuqori o‘sish sur’atlarining muhim omillaridan biri bo‘lganini ko‘rsatgan [1]. D. Bloom, D. Canning va J. Sevilla esa dividend avtomatik hosil bo‘lmasligini, uning miqdori sog‘liqni saqlash, ta’lim, mehnat bozori moslashuvchanligi va boshqaruv sifatiga bog‘liqligini asoslab bergan [2].

R. Lee va A. Mason demografik dividendni ikki bosqichga ajratadi. Birinchi dividend aholi yosh tarkibining qulay o‘zgarishi natijasida vaqtinchalik vujudga

keladi; ikkinchi dividend esa aholi qarishi bilan jamg‘armalar va kapital to‘planishining ortishi orqali yuzaga keladi [11]. Ushbu yondashuvga ko‘ra, birinchi bosqichda yaratilgan ish o‘rinlari va daromadlar keyingi bosqichdagi kapital zahirasini belgilaydi, shu bois yoshlar bandligi bo‘yicha qarorlar uzoq muddatli ta’sirga ega.

R. Easterlin tomonidan ilgari surilgan nisbiy avlod hajmi gipotezasiga muvofiq, katta avlodlar mehnat bozorida nisbatan past ish haqi va yuqori ishsizlik xavfiga duch keladi [12]. Mazkur gipoteza O‘zbekiston uchun ham dolzarb, chunki mehnat yoshiga yetayotgan avlodlar hajmi izchil oshib bormoqda. V. A. Lyuis modeli esa rivojlanayotgan iqtisodiyotlarda an’anaviy sektordagi ortiqcha ishchi kuchining zamonaviy sektorga o‘tishi tezligi bandlik natijalarini belgilashini ta’kidlaydi [13].

Xalqaro mehnat tashkiloti (ILO) hisobotlarida yoshlar ishsizligi odatda kattalar ishsizligidan bir necha baravar yuqori bo‘lishi, NEET ko‘rsatkichi esa rasmiy ishsizlik darajasi ko‘rsata olmaydigan yashirin zaxirani aks ettirishi qayd etiladi [14]. Ayollar orasida NEET ulushining yuqoriligi esa ko‘pincha mehnat bozoridan tashqaridagi omillar — oilaviy mas’uliyat va ijtimoiy me’yorlar bilan bog‘lanadi.

Umuman olganda, adabiyotlar demografik dividendning hosil bo‘lishi uch shartga bog‘liqligini ko‘rsatadi: yoshlarning mehnat bozoriga kirish suratiga mos ish o‘rinlari yaratilishi, ta’lim va kasbiy tayyorgarlikning bozor talabiga moslashuvi hamda ayollar va chekka hududlar aholisining iqtisodiy faollikka jalb etilishi. Ushbu maqolada O‘zbekiston ma’lumotlari aynan shu uch shart nuqtai nazaridan baholanadi.

Tadqiqot metodologiyasi.

Tadqiqotda tahlil va sintez, statistik guruhlash, dinamik qatorlar tahlili, qiyosiy tahlil hamda nisbiy ko‘rsatkichlarni hisoblash usullaridan foydalanildi. Tahlil davri 2021–2025-yillarni (aholi tarkibi bo‘yicha 2021–2026-yillarning 1-yanvar holatini) qamrab oladi, bu besh yillik dinamikani kuzatish imkonini beradi.

Ma’lumot manbalari: mehnat yoshidagi aholining soni va ulushi bo‘yicha Milliy statistika qo‘mitasining SIAT ma’lumotlar bazasi [3; 5] va qo‘mitaning matbuot xabarlari [6]; rasmiy ishsizlik darajasi, band aholi va aholi soni bo‘yicha mehnat resurslari tanlanma kuzatuvi natijalari [4]; 15–24 yoshdagilar ishsizligi bo‘yicha Jahon banki (ILO modeli asosidagi baholar) [8]; NEET, gender kesimidagi ko‘rsatkichlar va ishchi kuchida ishtirok darajasi bo‘yicha ETF hisoboti [9]; umumiy ishsizlik bo‘yicha ILO modeli baholari [10].

Hisob-kitoblar: demografik yuklama = (100 − mehnat yoshidagilar ulushi) / mehnat yoshidagilar ulushi × 1000; yillik o‘sish — 1-yanvar holatidagi qiymatlar farqi; jinslar nisbati — ayollar ko‘rsatkichining erkaklar ko‘rsatkichiga nisbati.

Tahlilning cheklovlari: birinchidan, rasmiy ishsizlik darajasi va ILO modelidagi

baholar turli metodologiyaga asoslangani uchun ular alohida keltirildi va bir-biriga solishtirilmadi. Ikkinchidan, NEET va jins bo‘yicha yoshlar ko‘rsatkichlari ETF hisobotidan olingan bo‘lib, yagona yillik qatorga ega emas. Uchinchidan, 2026-yilda o‘tkazilgan aholini ro‘yxatga olish natijalari aholi soni va tarkibining rasmiy hisobini qayta ko‘rib chiqishga sabab bo‘lishi mumkin.

Tahlil va natijalar.

Milliy statistika qo‘mitasi ma’lumotlariga ko‘ra, mehnat yoshidagi doimiy aholi 2021-yil 1-yanvardagi 20 135,1 ming kishidan 2026-yil 1-yanvarga kelib 21 324,5 ming kishiga yetdi, ya’ni besh yilda 1 189,4 ming kishiga (yiliga o‘rtacha 238 ming kishiga) ko‘paydi (1-jadval). Yillik o‘sish 2022-yilda 164,4 ming kishigacha sekinlashgan, so‘ngra izchil tezlashib, 2025-yilda 293,2 ming, 2026-yilda 285,3 ming kishiga yetgan, ya’ni 2022-yilga nisbatan taxminan 1,7 baravar yuqori bo‘lgan. Bu ko‘rsatkich ETF hisobotida keltirilgan, mehnat yoshidagi aholining yillik sof o‘sishi taxminan 250 ming kishi degan baholarga mos keladi [9].

1-jadval.

Doimiy aholining mehnat yoshidagi qismi, 1-yanvar holatiga

Sana	Doimiy aholi, mln kishi	Mehnat yoshida, ming kishi	Ulushi, %	Yillik o‘sish, ming kishi	Demografik yuklama, 1000 nafarga
2021-yil	34,56	20 135,1	58,3	+183,5	715
2022-yil	35,27	20 299,5	57,6	+164,4	736
2023-yil	36,02	20 505,3	56,9	+205,8	757
2024-yil	36,80	20 746,0	56,4	+240,7	773
2025-yil	37,54	21 039,2	56,0	+293,2	786
2026-yil	38,24	21 324,5	55,8	+285,3	792

Manba: *Milliy statistika qo‘mitasi (SIAT) va Invest Uzbekistan ma’lumotlari asosida muallif hisob-kitobi [3; 4; 5].*

Mehnat yoshidagilarning mutlaq soni o‘sib borayotgan bo‘lsa-da, umumiy aholi tezroq ko‘payganligi sababli ularning ulushi besh yilda 2,5 foiz bandga (58,3 dan 55,8 gacha) kamaydi, demografik yuklama esa har 1000 nafar mehnat yoshidagiga 715 dan 792 gacha oshdi. 2026-yil boshida mehnat yoshidan kichiklar 12,3 million (32,1%), mehnat yoshidan kattalar 4,6 million (12,1%) kishini tashkil etgan [6]. Demak, mehnat resurslari ko‘payib bormoqda, biroq ularning ulushi qisqarib, yuklama ortmoqda; dividend esa faqat har yili qo‘shilayotgan 285–293 ming kishining ish bilan ta’minlanishi sharti bilan namoyon bo‘ladi.

Ishsizlik: rasmiy va xalqaro baholar. Mehnat resurslari tanlanma kuzatuvi bo‘yicha rasmiy ishsizlik darajasi 2021–2025-yillarda 9,6 foizdan 4,8 foizgacha, ya’ni roppa-rosa ikki baravar kamaygan (2-jadval). Xalqaro mehnat tashkiloti (ILO) modeli asosidagi baholarda esa manzara boshqacha: umumiy ishsizlik 2022-yildan beri 4,4–

4,6 foiz oralig‘ida, 15–24 yoshdagilar ishsizligi 10,8–11,4 foiz oralig‘ida turibdi.

2-jadval

Ishsizlik darajasi, 2021–2025-yillar, %

Ko‘rsatkich	2021	2022	2023	2024	2025
Rasmiy ishsizlik darajasi (mehnat resurslari tanlanma kuzatuvi)	9,6	8,9	6,8	5,5	4,8
Jami ishsizlik darajasi (ILO modeli)	5,4	4,5	4,4	4,4	4,6
Yoshlar ishsizligi, 15–24 yosh (ILO modeli)	13,0	10,9	10,8	10,8	11,4

Manba: *[4; 8; 10]. Rasmiy va ILO modeli qatorlari turli metodologiyaga asoslangani uchun o‘zaro solishtirilmaydi.*

ILO baholarida yoshlar ishsizligi umumiy ko‘rsatkichdan har yili taxminan 2,4–2,5 baravar yuqori (2021-yilda 13,0 / 5,4, 2025-yilda 11,4 / 4,6). Bu — modelli baholar bo‘lgani uchun nisbat barqarorligi yosh kesimidagi rasmiy kuzatuv bilan tasdiqlanishi kerak. Rasmiy ma’lumotlarga ko‘ra, 2025-yilda band aholi 14,81 million, iqtisodiy faol aholi 15,57 million, mehnat resurslari 20,35 million kishini tashkil etgan va bandlik yil davomida 4,1 foizga oshgan [4]; mehnat yoshidagi aholi esa shu davrda 1,4 foizga ko‘paygan (1-jadval). ETF hisobotida Jahon banki tahliliga tayanib, so‘nggi besh yilda ish o‘rinlari yaratish o‘rtacha yiliga 1,1 foiz bo‘lgani, aholi o‘sishi esa taxminan 2 foiz ekani ta’kidlangan [9]; bu baho 2025-yilgi rasmiy bandlik o‘sishidan farq qiladi va o‘lchov metodologiyasi bo‘yicha qo‘shimcha tekshiruv talab etadi.

Yoshlar bandligi, NEET va gender tafovuti. ETF hisobotiga ko‘ra, 2025-yil 1-yanvar holatiga 14–30 yoshdagi yoshlar soni 9 630,6 ming kishi (aholining 25,7%) bo‘lgan, 2024-yilda 342 ming yosh ishsiz sifatida qayd etilgan. Jahon banki so‘rovnomasiga tayanib, 16–24 yoshdagilarning 24 foizi, 16–29 yoshdagilarning 26,4 foizi NEET toifasida [9]. Gender kesimida tafovut sezilarli: yosh ayollar orasida ishsizlik 15,5 foiz, erkaklar orasida 10,0 foiz, NEET ulushi esa mos ravishda 42,0 va 8,8 foiz bo‘lgan (3-jadval).

3-jadval.

Yoshlar ishsizligi va NEET ulushi jins bo‘yicha, %

Ko‘rsatkich	Ayollar	Erkaklar	Nisbat (marta)
Yoshlar ishsizligi	15,5	10,0	1,6
NEET ulushi	42,0	8,8	4,8

Manba: *Jahon banki tahlili asosida ETF hisoboti [9]; nisbat — muallif hisob-kitobi. Manbada yosh guruhi bu ko‘rsatkichlar uchun alohida ko‘rsatilmagan.*

Ishsizlik ayollar orasida erkaklarnikidan 1,6 baravar yuqori bo‘lsa, NEET ulushidagi farq 4,8 baravarga yetadi. Ya’ni yosh ayollarning katta qismi rasmiy ishsizlik statistikasiga tushmaydi, chunki ular ishchi kuchi tarkibidan tashqarida. ILO modeli bo‘yicha ishchi kuchida ishtirok darajasi 2020–2025-yillarda yaxshilangan

bo‘lsa-da, yoshlar orasida u hamon past (4-jadval).

Adabiyotlar tahlilida ko‘rsatilgan uch shart nuqtai nazaridan O‘zbekiston holati quyidagicha. Birinchi shart — ish o‘rinlari: mehnat yoshidagi aholining yillik o‘sishi 2022-yildagi 164,4 mingdan 285–293 minggacha tezlashgan; rasmiy ishsizlik pasaygan, ammo ILO baholarida yoshlar ishsizligi 2022-yildan beri 10,8–11,4 foizda qotib qolgan. Ikkinchi shart — malaka: bitiruvchilarning 59 foizi darhol ish topa olmagani bo‘sh ish o‘rinlari mavjudligida ta’lim va bozor talabi o‘rtasidagi nomuvofiqlikka ishora qiladi. Uchinchi shart — iqtisodiy faollikka jalb etish: NEET ulushining 24–26,4 foiz va yosh ayollar orasida 42 foiz ekani ishchi kuchining katta zaxirasi hali ishlatilmayotganini ko‘rsatadi.

Xulosa va takliflar.

Tadqiqot natijalari O‘zbekistonda demografik dividend imkoniyati mavjudligini, biroq uning iqtisodiy samaraga aylanishi yoshlar bandligi holatiga bog‘liqligini ko‘rsatdi. Asosiy xulosalar quyidagilardan iborat.

Birinchidan, 2021–2026-yillarda mehnat yoshidagi aholi 20,1 milliondan 21,3 million kishiga oshdi, yillik o‘sish 2022-yildagi 164,4 ming kishidan 2025–2026-yillarda 285–293 ming kishigacha tezlashdi. Shu bilan birga mehnat yoshidagilar ulushi 58,3 foizdan 55,8 foizgacha kamaydi, demografik yuklama esa har 1000 nafar mehnat yoshidagiga 715 dan 792 gacha oshdi.

Ikkinchidan, rasmiy ishsizlik darajasi 2021-yildagi 9,6 foizdan 2025-yilda 4,8 foizgacha pasaydi, ammo ILO modeli bo‘yicha 15–24 yoshdagilar ishsizligi 2022-yildan beri 10,8–11,4 foiz oralig‘ida saqlanmoqda. Ikki manba metodologiyasi farq qilgani sababli yoshlar bandligi bo‘yicha rasmiy, yosh kesimidagi kuzatuvni mustahkamlash zarur.

Uchinchidan, yoshlarning 24–26,4 foizi NEET toifasida; yosh ayollar orasida bu ulush 42 foizni, erkaklar orasida 8,8 foizni tashkil etadi (qariyb 4,8 baravar farq). Ya’ni yoshlar zaxirasining asosiy qismi ishsizlar emas, ishchi kuchi tarkibidan tashqaridagilardir.

To‘rtinchidan, ETF hisobotiga ko‘ra, 2024-yilda oliy ta’lim bitiruvchilarining 59 foizi bitirgach darhol ish topa olmagan, bu bo‘sh ish o‘rinlari mavjudligida ta’lim va bozor talabi o‘rtasidagi nomuvofiqlikka ishora qiladi.

Olingan natijalar asosida quyidagi takliflar ilgari suriladi:

1. Mehnat yoshidagi aholining yillik o‘sishini hududlar kesimida bashorat qiluvchi tizimni joriy etish va ish o‘rinlari yaratish dasturlarini shu prognozga bog‘lash.

2. Yosh ayollar uchun alohida dastur ishlab chiqish: moslashuvchan va masofaviy bandlik shakllari, bolalar parvarishi xizmatlari va qisqa muddatli kasbiy tayyorgarlikni kengaytirish.

3. Kasbiy ta’limni ish beruvchilar talabi bilan uyg‘unlashtirish, amaliyotga asoslangan (dual) ta’lim modellarini kengaytirish va bitiruvchilarning bandligini uzoq muddat kuzatish tizimini joriy etish.

4. Yoshlar bandligi dasturlarini baholashda ishtirokchilar soni emas, ish bilan ta’minlanganlarning 12 oydan keyingi bandlik holati kabi natijaviy ko‘rsatkichlardan foydalanish.

5. Yoshlar ishsizligi va NEET ko‘rsatkichlarini choraklik, jins va hududlar kesimida e’lon qilish hamda ILO metodologiyasi va rasmiy kuzatuv ma’lumotlarini muvofiqlashtirish.

Kelgusi tadqiqotlarda yoshlar bandligini hududlar va ta’lim darajasi kesimida o‘rganish, shuningdek, ta’lim va mehnat bozori talabi o‘rtasidagi nomuvofiqlikni miqdoriy baholash maqsadga muvofiq.

Adabiyotlar:

1. Bloom D.E., Williamson J.G. Demographic Transitions and Economic Miracles in Emerging Asia // World Bank Economic Review. – 1998. – Vol. 12. – No. 3. – P. 419–455.

2. Bloom D.E., Canning D., Sevilla J. The Demographic Dividend: A New Perspective on the Economic Consequences of Population Change. – Santa Monica: RAND, 2003.

3. O‘zbekiston Respublikasi Milliy statistika qo‘mitasi. Mehnatga layoqatli yoshdagi doimiy aholi soni (ko‘rsatkich 2.01.02.3120), yil boshiga, ming kishi. – URL: https://api.siat.stat.uz/media/uploads/sdmx/sdmx_data_2835.pdf

4. Invest Uzbekistan. Economy: Key economic indicators (mehnat resurslari tanlanma kuzatuvi; yil oxiridagi aholi soni). – Toshkent: Investitsiyalarni rag‘batlantirish agentligi, 2026. – URL: https://invest.gov.uz/en/reason/economy

5. O‘zbekiston Respublikasi Milliy statistika qo‘mitasi. Mehnatga layoqatli yoshdagi doimiy aholi sonining jami aholi soniga nisbatan ulushi (ko‘rsatkich 2.01.02.3125), %. – URL: https://api.siat.stat.uz/media/uploads/sdmx/

6. O‘zbekiston Respublikasi Milliy statistika qo‘mitasi. O‘zbekiston aholisining 56 foizi mehnatga layoqatli (2026-yil 1-yanvar holatiga). – URL: https://stat.uz/en/press-center/news-of-committee/68572-zbekiston-a-olisining-arijb-56-foizi-me-natga-lajo-atli-4

7. UNICEF projects Uzbekistan’s population to surpass 52 million by 2050 // Kun.uz. – 2026. – URL: https://kun.uz/en/news/2026/06/01/unicef-projects-uzbekistans-population-to-surpass-52-million-by-2050-80f666 ; Uzbekistan population to reach 52mn by 2050 // Daryo.uz. – 2026. – URL: https://daryo.uz/en/2026/05/30/uzbekistan-population-to-reach-52mn-by-2050-unicef-forecasts/

8. World Bank. Youth Unemployment Rate for Uzbekistan (SL.UEM.1524.ZS), modeled ILO estimate // FRED, Federal Reserve Bank of St. Louis. – URL: https://fred.stlouisfed.org/series/SLUEM1524ZSUZB

9. Tureniyazova A., Nurdinova S. Uzbekistan: Active Labour Market Measures for Youth. Working paper. – Turin: European Training Foundation, 2026. – URL: https://www.etf.europa.eu/sites/default/files/2026-07/Country%20Analysis%20ALMP_Uzbekistan_Final_EN.pdf

10. Unemployment rate in Uzbekistan from 1991 to 2025 // Statista. – 2026. – URL:https://www.statista.com/statistics/809064/unemployment-rate-in-uzbekistan/

11. Lee R., Mason A. What Is the Demographic Dividend? // Finance & Development. – 2006. – Vol. 43. – No. 3.

12. Easterlin R.A. Birth and Fortune: The Impact of Numbers on Personal Welfare. – New York: Basic Books, 1980.

13. Lewis W.A. Economic Development with Unlimited Supplies of Labour // The Manchester School. – 1954. – Vol. 22. – No. 2. – P. 139–191.

14. International Labour Organization. Global Employment Trends for Youth 2024: Decent work, brighter futures. – Geneva: ILO, 2024.

O‘ZBEKISTONDA AYOLLAR BANDLIGI VA TA’LIMI BILAN TUG‘ILISH KO‘RSATKICHLARI O‘RTASIDAGI BOG‘LIQLIK: HUDUDIY VA TARMOQ TAHLILI

Omanova Kamola Botir qizi
TDIU huzuridagi “O‘zbekiston iqtisodiyotini rivojlantirishning ilmiy asoslari va muammolari” ilmiy-tadqiqot markazi stajyor-tadiqotchisi
ORCID: 0009-0003-1371-2509
kamolabotirovna97@gmail.com

Annotatsiya. *Maqolada O‘zbekistonda ayollar bandligi va ta’lim darajasidagi o‘zgarishlarning tug‘ilish jarayonlari bilan bog‘liqligi hududiy-demografik nuqtayi nazardan tahlil qilinadi. Tadqiqotda 2010–2022-yillarda iqtisodiyotda band ayollar sonining hududiy dinamikasi, 2016–2024-yillarda iqtisodiy faoliyat turlari bo‘yicha ayollar ulushining o‘zgarishi, 2010, 2015, 2020 va 2022-yillardagi ayollar ishsizligi hamda hududlar kesimidagi tug‘ilish ko‘rsatkichlari ko‘rib chiqildi. Tahlilda statistik tavsiflash, hududlararo taqqoslash, grafik-kartografik tahlil va Spearman rang korrelyatsiyasi qo‘llanildi. Natijalar ayollar bandligining hududlar va iqtisodiy faoliyat turlari bo‘yicha notekis taqsimlanganini, ta’lim va sog‘liqni saqlash sohalarida ayollar ulushi yuqori ekanini, ishsizlik darajasi esa 2020-yilda keskin oshganini ko‘rsatadi. Hududlar bo‘yicha tug‘ilgan bolalar soni reytingi bilan ayollar bandligi va ishsizlik reytinglari o‘rtasida kuchli musbat rangli bog‘liqlik aniqlangan. Biroq tug‘ilgan bolalar sonining mutlaq qiymatlari aholi soniga bog‘liq bo‘lgani sababli, korrelyatsiya natijalari sababiy ta’sir sifatida talqin qilinmaydi.*

Kalit so‘zlar: *ayollar bandligi, tug‘ilish, hududiy tafovut, ta’lim, ayollar ishsizligi, iqtisodiy faoliyat tarmoqlari, Spearman korrelyatsiyasi.*

THE RELATIONSHIP BETWEEN FERTILITY RATES AND WOMEN'S EMPLOYMENT AND EDUCATION IN UZBEKISTAN: REGIONAL AND SECTORAL ANALYSIS

Omanova Kamola Botir qizi
Trainee researcher at the Research Center for "Scientific Foundations and Issues of Uzbekistan's Economic Development" under TSUE
ORCID: 0009-0003-1371-2509
kamolabotirovna97@gmail.com

Abstract. *The article examines the relationship between women's employment, educational attainment and fertility in Uzbekistan from a regional-demographic perspective. It reviews the regional dynamics of employed women in 2010–2022, changes in women's representation across economic activity sectors in 2016–2024, female unemployment in 2010, 2015, 2020 and 2022, and regional fertility indicators. Descriptive statistics, regional comparison, graphical and cartographic analysis, and Spearman's rank correlation are used. The findings show uneven regional and sectoral distributions of women's employment, particularly high female representation in education and health and social services, and a sharp rise in female unemployment in 2020. Strong positive rank associations are reported between regional rankings of births and rankings of women's employment and unemployment. Since absolute birth counts are influenced by regional population size, these correlations should not be interpreted as causal effects.*

Keywords: *women's employment, fertility, regional differences, education, female unemployment, economic sectors, Spearman's rank correlation.*

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЗАНЯТОСТИ И ОБРАЗОВАНИЯ ЖЕНЩИН С ПОКАЗАТЕЛЯМИ РОЖДАЕМОСТИ В УЗБЕКИСТАНЕ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ И ОТРАСЛЕВОЙ АНАЛИЗ

Оманова Камола Ботир кизи
стажер-исследователь Научно-исследовательского центра "Научные основы и проблемы развития экономики Узбекистана" при ТГЭУ
ORCID: 0009-0003-1371-2509
kamolabotirovna97@gmail.com

Аннотация. *В статье анализируется взаимосвязь изменений в занятости и уровне образования женщин с процессами рождаемости в Узбекистане с регионально-демографической точки зрения. Рассмотрены территориальная динамика численности занятых женщин в экономике за 2010–2022 годы, изменения доли женщин по видам экономической деятельности в 2016–2024 годах, уровень женской безработицы в 2010, 2015, 2020 и 2022 годах, а также региональные показатели рождаемости. В исследовании применены методы статистического описания, межрегионального сравнения, графического и картографического анализа, а также ранговая корреляция Спирмена. Результаты показывают неравномерное распределение женской занятости по регионам и видам экономической деятельности, высокую долю женщин в сферах образования, здравоохранения и социальных услуг, а также резкий рост женской*

безработицы в 2020 году. Выявлена сильная положительная ранговая взаимосвязь между региональными рейтингами числа родившихся детей, занятости женщин и женской безработицы. Вместе с тем, поскольку абсолютное число родившихся детей зависит от численности населения региона, полученные корреляционные результаты не следует интерпретировать как доказательство причинно-следственной связи.

Ключевые слова: *занятость женщин, рождаемость, региональные различия, образование, женская безработица, виды экономической деятельности, корреляция Спирмена.*

Kirish.

Jahonda aholi va mehnat resurslari sonining o‘sishi iqtisodiy-ijtimoiy imkoniyatlar bilan bir qatorda hududlarning demografik vaziyatiga ham ta’sir ko‘rsatadi. Aholi bandligini baholashda uning miqdoriy ko‘rsatkichlari bilan birga jinsiy tarkibi, ta’lim darajasi va iqtisodiy faoliyat turlari bo‘yicha taqsimotini o‘rganish muhimdir. Ayniqsa, ayollarning ta’lim olishi va iqtisodiy faolligidagi o‘zgarishlar oila shakllanishi, nikoh va farzand ko‘rish rejalari bilan uzviy bog‘liq.

Ayollar bandligi va tug‘ilish o‘rtasidagi munosabat bir yoqlama emas. Bandlik ayollarning daromadi, iqtisodiy mustaqilligi va oiladagi qaror qabul qilish imkoniyatlarini kengaytirishi mumkin. Shu bilan birga, mehnat faoliyati, kasbiy o‘sish va farzand parvarishi o‘rtasidagi vaqt taqsimoti reproduktiv rejalar bilan bog‘liq qarorlarga ta’sir ko‘rsatadi. Bu jarayonlar ta’lim darajasi, oilaviy qadriyatlar, hududiy iqtisodiy sharoit va bolalarni parvarishlash imkoniyatlari bilan birgalikda shakllanadi.

O‘zbekistonda ayollar ulushi aholining qariyb yarmini tashkil etadi. So‘nggi yillarda qizlarning oliy ta’limga qamrovi kengayib, iqtisodiyot tarmoqlarida ayollar bandligining tarkibi ham o‘zgarib bormoqda. Biroq bandlik darajasi va ishsizlik hududlar bo‘yicha bir xil emas. Shu sababli ayollar bandligini faqat respublika miqyosidagi umumiy ko‘rsatkichlar bilan emas, balki hududiy va tarmoq xususiyatlari hamda tug‘ilish ko‘rsatkichlari bilan bog‘liq holda o‘rganish zarur.

Maqolaning maqsadi — O‘zbekistonda ayollar bandligi va ta’limidagi o‘zgarishlarni hududiy hamda tarmoq kesimida tavsiflash, shuningdek, ularning tug‘ilish ko‘rsatkichlari bilan statistik bog‘liqligini baholash. Tadqiqotda band ayollar soni, iqtisodiy faoliyat turlari bo‘yicha ayollar ulushi, ayollar ishsizligi va hududlar kesimidagi tug‘ilish ko‘rsatkichlari tahlil qilindi.

Adabiyotlar sharhi.

Ayollar bandligi va tug‘ilish o‘rtasidagi munosabat demografiya hamda iqtisodiyot fanlarida uzoq vaqtdan beri o‘rganiladi. Dastlabki iqtisodiy

yondashuvlarda ayollarning mehnat bozorida ishtiroki oshishi farzand tarbiyasi va uy xo‘jaligiga ajratiladigan vaqtning muqobil qiymatini kuchaytirishi, natijada tug‘ilish kamayishi mumkinligi ta’kidlangan. Biroq zamonaviy tadqiqotlar bu munosabatning mamlakatlar, bandlik turlari va oilaviy siyosat sharoitlariga qarab farqlanishini ko‘rsatadi. Michaud va Tatsiramos (2008) Yevropa mamlakatlarida tug‘ilish hodisasining ayollar bandligiga bevosita va uzoq muddatli ta’sirini dinamik modellar yordamida tahlil qilgan. Mualliflar farzand tug‘ilishi ayollarning band bo‘lish ehtimoliga ta’sir qilishini, natijalar esa mamlakatlardagi mehnat bozori moslashuvchanligi va oilaviy siyosat bilan bog‘liqligini ko‘rsatadi. Demak, munosabat ikki tomonlama bo‘lib, bandlik ham tug‘ilish qarorlariga, tug‘ilish esa mehnat faoliyatiga ta’sir ko‘rsatishi mumkin.

Behrman va Gonalons-Pons (2020) 1960–2015-yillar bo‘yicha xalqaro ma’lumotlarni birlashtirib, ayollarning haq to‘lanadigan bandligi va tug‘ilish ko‘rsatkichlari o‘rtasida dunyoning asosiy mintaqalarida salbiy bog‘liqlik mavjudligini aniqlagan. Biroq mualliflar ushbu natija, ayniqsa, qishloq xo‘jaligidan tashqari bandlikda yaqqolroq ekanini qayd etadi. Bu xulosa bandlikning faqat miqdori emas, balki uning turi va tarmoq xususiyatlarini ham hisobga olish zarurligini anglatadi.

Ta’limning tug‘ilish xulq-atvoriga ta’sirini Amin va Behrman (2014) AQShdagi egizak ayollar ma’lumotlari asosida o‘rgangan. Ular ta’lim darajasining ortishi farzandlar sonining kamayishi va birinchi farzand tug‘ilishining kechikishiga ma’lum darajada sabab bo‘lishi mumkinligini, biroq oddiy kesimiy bog‘liqlik sababiy ta’sirni ortiqcha baholashi ehtimolini ko‘rsatadi. Behrman (2015) Malavi, Uganda va Efiopiya misolida ta’limning ortishi ayollarning istalgan farzandlar sonini kamaytirishini aniqlagan; shu bilan birga, ta’sir mexanizmlari mamlakatlar kesimida farqlangan.

O‘zbekiston bo‘yicha Tojiyeva va Ibragimov (2021) aholi va mehnat resurslarining hududiy taqsimoti, bandlik tarkibi hamda ayollar bandligining geografik xususiyatlarini tahlil qiladi. Ularning ishi mamlakatdagi bandlik jarayonlarini demografik rivojlanish bilan bog‘liq holda o‘rganish zarurligini asoslaydi. Mosakova (2012) rivojlangan mamlakatlar tajribasida ayollar bandligi va tug‘ilish dinamikasini ko‘rib chiqib, demografik o‘tish, iqtisodiy faollik va oilaviy vazifalar o‘rtasidagi aloqadorlikka e’tibor qaratadi. Orozialieva (2012) esa Qirg‘iziston mehnat bozorida ayollar bandligining muammolarini yoritadi; bu ish Markaziy Osiyo sharoitida gender xususiyatlarini qiyosiy ko‘rib chiqish uchun kontekst beradi. Mahalliy demografik adabiyotlarda Soliyev va boshqalar (2005) qishloq joylar demografiyasini, jumladan, reproduktiv xulq-atvor va hududiy demografik tafovutlarni yoritadi. Abdurakhmanov (2023) O‘zbekiston oilalarida tug‘ilishning ko‘payishi va unga ta’sir qiluvchi omillarni muhokama qiladi. Ushbu

manbalar O‘zbekistondagi hududiy va milliy xususiyatlarni sharhlash uchun muhim ahamiyatga ega.

Umuman olganda, adabiyotlar uchta muhim xulosani beradi: birinchidan, ayollar bandligi va tug‘ilish o‘rtasidagi bog‘liqlik ko‘pincha ikki tomonlama; ikkinchidan, ta’lim oilani shakllantirish vaqtiga va istalgan farzandlar soniga ta’sir qilishi mumkin; uchinchidan, bandlik turi, oilaviy siyosat, bolalarni parvarishlash xizmatlari va mahalliy madaniy sharoitlar ushbu munosabatni o‘zgartiradi. Shu bois O‘zbekiston bo‘yicha hududiy tahlilda bandlik darajasini ta’lim, tarmoq tarkibi va oilaviy-demografik omillar bilan birgalikda ko‘rib chiqish zarur.

Metodologiya.

Tadqiqotning axborot bazasini O‘zbekiston Respublikasi Prezidenti huzuridagi Statistika agentligining demografik va bandlikka oid statistik ma’lumotlari hamda maqolada foydalanilgan hududiy kartografik materiallar tashkil etdi. Tahlilda ko‘rsatkichlarning mavjudligiga qarab 2010, 2015, 2020, 2022 va 2024-yillardagi ma’lumotlar, 2016–2024-yillardagi tarmoq tarkibi hamda 2003 va 2024-yillarga oid xaritalardan foydalanildi.

Tadqiqotda statistik tavsiflash, hududlararo taqqoslash, jadval va grafik tahlili hamda kartografik taqqoslash usullari qo‘llanildi. Hududlar kesimida tug‘ilgan bolalar soni reytingi bilan ayollar bandligi va ishsizlik reytinglari o‘rtasidagi bog‘liqlik Spearman rang korrelyatsiyasi orqali baholandi. Koeffitsiyent $\rho = 1 - [6\Sigma d^2 / n(n^2 - 1)]$ formulasi asosida hisoblandi. Bunda d — ikki rang qatori o‘rtasidagi farq, n — hududlar soni. 14 ta hudud bo‘yicha ayollar bandligi uchun $\Sigma d^2=70$, ishsizlik uchun $\Sigma d^2=18$ bo‘lib, ularga mos koeffitsiyentlar taxminan 0,85 va 0,96 ni tashkil etdi.

Tahlilning metodologik cheklovi shundaki, korrelyatsiya hisobida tug‘ilgan bolalarning mutlaq sonidan foydalanildi. Hududlar aholi soni va reproduktiv yoshdagi ayollar soni bo‘yicha farqlangani sababli, mutlaq tug‘ilish soni bandlik yoki ishsizlik reytinglari bilan bog‘liqlikni kuchaytirib ko‘rsatishi mumkin. Shu sababli olingan natijalar sababiy ta’sirni emas, hududlar reytinglari o‘rtasidagi statistik moslikni ifodalaydi. Yig‘indi tug‘ilish koeffitsiyenti xaritalari esa hududiy tafovutlarni tavsifiy jihatdan taqqoslash imkonini beradi.

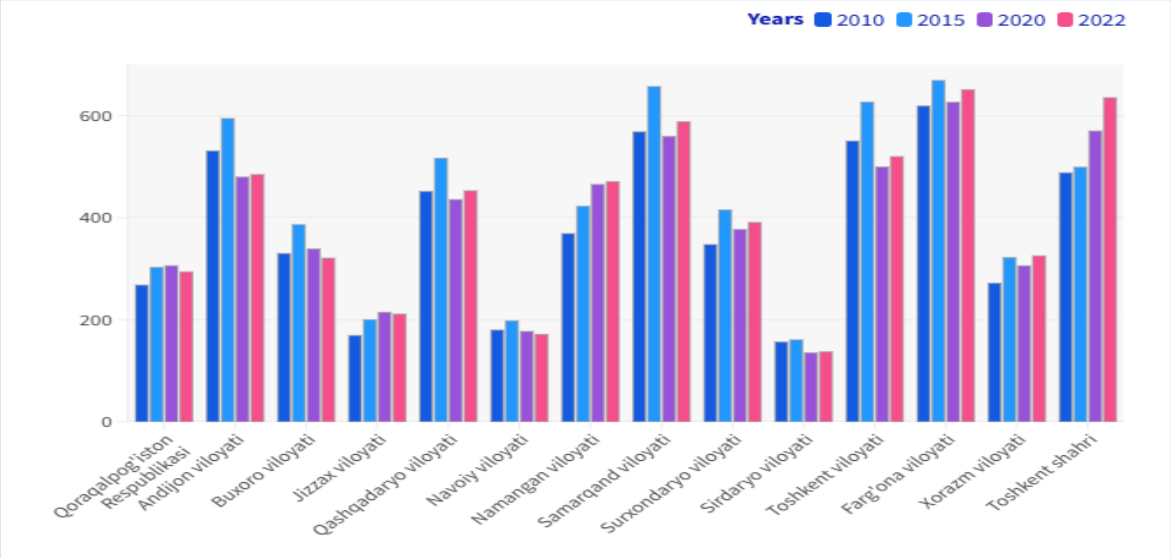
Natijalar va muhokama.

2024-yil yanvar holatiga ko‘ra, O‘zbekiston aholisi 36,8 mln kishini tashkil etgan. Shundan 49,7 foizi yoki 18,2 mln nafari ayollar, 50,3 foizi yoki 18,5 mln nafari erkaklardir. 2010-yilda jami aholi 28,0 mln kishi bo‘lib, ayollar ulushi 49,9 foizni tashkil qilgan. Demak, 2010–2024-yillarda aholi soni sezilarli oshgan, biroq jinsiy tarkib deyarli muvozanatli saqlangan. O‘rtacha yillik o‘sish sur’ati ayollarda 2,04 foiz,

erkaklarda 2,14 foizni tashkil etgan. Bu erkaklar soni nisbatan tezroq o‘sganini ko‘rsatadi.

Aholining jinsiy tarkibidagi muvozanat fonida ayollarning ta’lim olish imkoniyatlari ham kengaygan. 2010/2011-o‘quv yilida oliy ta’lim muassasalariga qabul qilinganlarning 36 foizini ayollar tashkil etgan bo‘lsa, 2022/2023-o‘quv yilida bu ulush 48,8 foizga yetgan. Shu o‘quv yilida bakalavriatga qabul qilinganlar tarkibida ayollar ulushi 48,7 foiz, magistraturada esa 49,7 foizni tashkil qilgan. Bu ko‘rsatkichlar oliy ta’limga qabul tarkibida gender nisbatining muvozanatlashib borayotganini ko‘rsatadi. Ta’lim qamrovidagi kengayish bilan bir davrda erta nikoh holatlari ham kamaygan: 2012-yildagi 7 839 ta holat 2023-yilda 68 tani tashkil etgan. Bu o‘zgarishlar ayollarning ta’lim olish imkoniyatlari va oilaviy-demografik xulq-atvorida yangilanishlar yuz berayotganini ko‘rsatadi. Biroq mavjud ma’lumotlar ta’lim qamrovining ortishi erta nikohlar kamayishiga bevosita sabab bo‘lganini aniqlash imkonini bermaydi.

Hududlar kesimida dinamika bir xil bo‘lmagan. 2010–2022-yillarda Namangan viloyatida band ayollar soni 368,6 ming kishidan 470,3 ming kishiga, Toshkent shahrida esa 487,8 ming kishidan 634,8 ming kishiga oshgan. Sirdaryo viloyatida, aksincha, ko‘rsatkich 156,1 ming kishidan 136,9 ming kishiga kamaygan. Bu tafovutlar hududlarning demografik salohiyati va iqtisodiy tarkibi turlicha ekanini ko‘rsatadi.

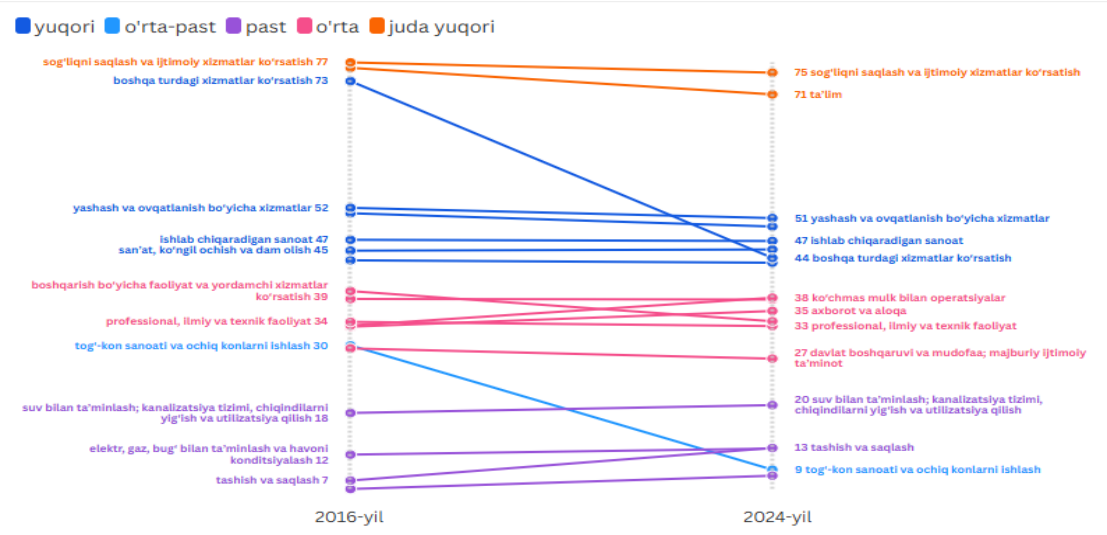
1-rasm. O‘zbekiston hududlarida iqtisodiyotda band ayollar sonining dinamikasi, 2010–2022-yillar

Manba: *O‘zbekiston Respublikasi Milliy statistika qo‘mitasi ma’lumotlari asosida muallif tomonidan tayyorlandi.*

1-rasmda band ayollar sonining hududlar bo‘yicha notekis taqsimlangani

ko‘rinadi. Farg‘ona, Samarqand va Toshkent viloyatlari hamda Toshkent shahrida band ayollar soni nisbatan yuqori, Sirdaryo, Jizzax va Navoiy viloyatlarida esa pastroq. Bunday farqlarni baholashda mutlaq sonlar bilan bandlik darajasini farqlash lozim: aholisi ko‘p hududlarda band ayollar soni ham yuqori bo‘lishi mumkin. Shu bois hududiy bandlikni to‘liq baholash uchun mutlaq ko‘rsatkichlarni mehnat yoshidagi ayollar soniga nisbatan hisoblangan ulushlar bilan to‘ldirish maqsadga muvofiq.

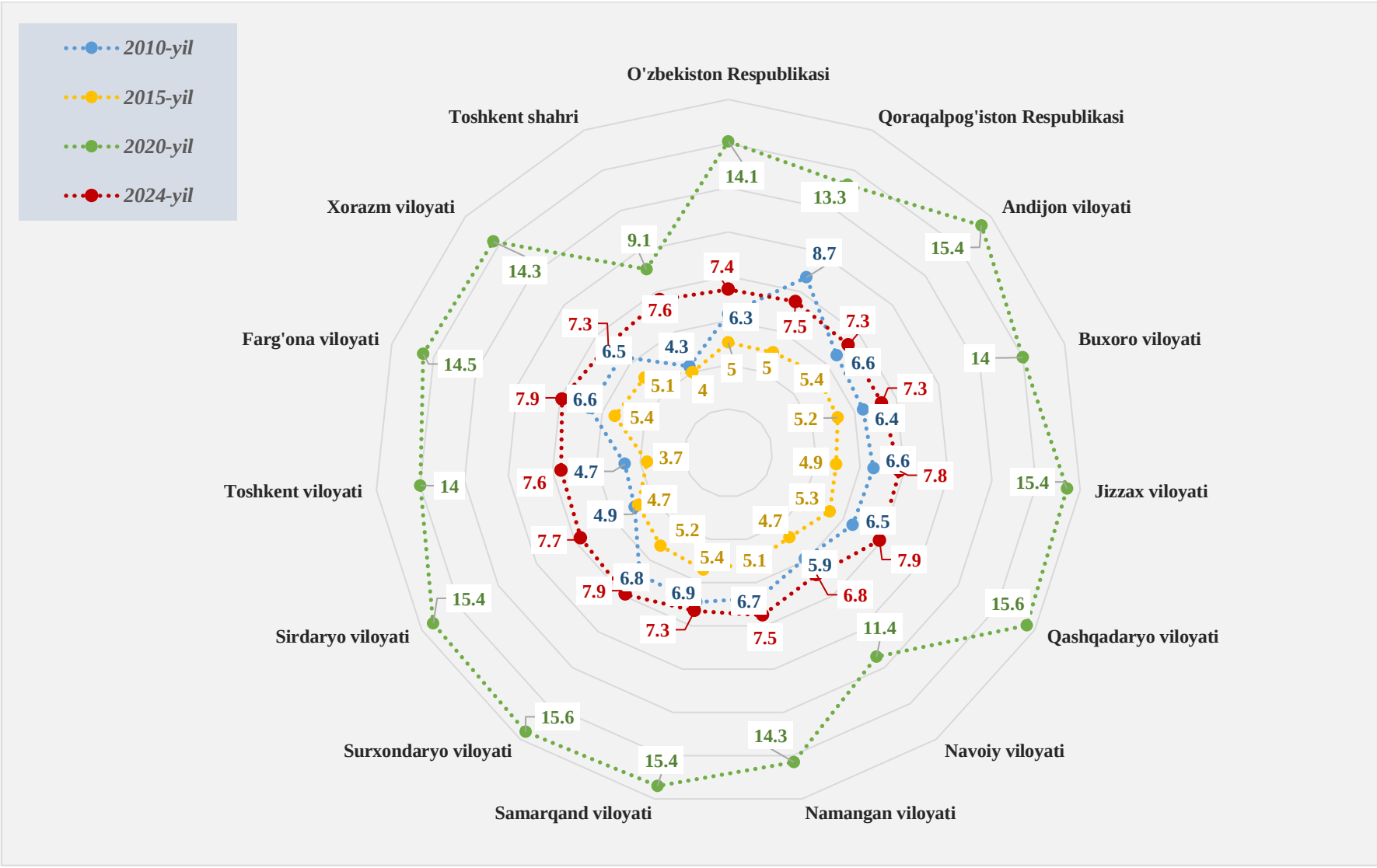
Iqtisodiy faoliyat turlari bo‘yicha taqqoslash ayollar bandligining tarmoq tarkibi 2016–2024-yillarda o‘zgarganini ko‘rsatadi. Ta’lim hamda sog‘liqni saqlash va ijtimoiy xizmatlar ayollar bandligi yuqori bo‘lgan yo‘nalishlar sifatidagi mavqeini saqlab qolgan. Ayni paytda ayrim xizmat va ishlab chiqarish tarmoqlarining o‘zaro reytingi o‘zgargan: moliyaviy va sug‘urta faoliyati, shuningdek, professional, ilmiy va texnik faoliyat yo‘nalishlarining o‘rni ko‘tarilgan, tog‘-kon sanoati va ochiq konlarni ishlash yo‘nalishining o‘rni esa pasaygan. Grafikdagi qiymatlar foiz ulushini emas, tarmoqlarning reyting o‘rnini ifodalaydi.

2-rasm. Iqtisodiy faoliyat turlari bo‘yicha ayollar ulushining 2016–2024-yillardagi o‘zgarishi

Manba: *O‘zbekiston Respublikasi Milliy statistika qo‘mitasi ma’lumotlari asosida muallif tomonidan tayyorlandi.*

2022-yilda jami band aholi tarkibida ayollar ulushi 41,2 foizni tashkil etgan. Tarmoqlar kesimida bu ko‘rsatkich sezilarli farqlangan: ta’lim sohasida bandlarning 72,7 foizi, sog‘liqni saqlash va ijtimoiy xizmatlarda 76,6 foizi ayollar hissasiga to‘g‘ri kelgan. Qurilish sohasida esa ayollar ulushi 5,9 foiz bo‘lgan. Qishloq xo‘jaligi, xizmatlar va yengil sanoatda ayollar ulushi 40–50 foiz oralig‘ida shakllangan. Demak, ayollar bandligi ayrim ijtimoiy xizmatlar sohasida yuqori jamlangan, qurilish kabi tarmoqlarda esa ancha pastligicha qolmoqda.

3-rasm. Hududlar kesimida ayollar ishsizlik darajasi

Manba: *O‘zbekiston Respublikasi Milliy statistika qo‘mitasi ma’lumotlari asosida muallif tomonidan tayyorlandi.*

Tarmoqlar bo‘yicha bunday tafovutlar ayollarning mehnat sharoiti, ish vaqti va oilaviy vazifalarni uyg‘unlashtirish imkoniyatlari bir xil emasligini anglatadi. Shuning uchun ayollar bandligi va tug‘ilish o‘rtasidagi munosabatni baholashda bandlikning umumiy darajasi bilan cheklanmay, uning tarmoq tarkibi va mehnat sharoitlarini ham hisobga olish zarur. Biroq mazkur tadqiqotdagi tarmoq ulushlari individual tug‘ilish xulq-atvori bilan bevosita bog‘lanmaganligi sababli, muayyan tarmoqda ishlash tug‘ilish darajasini oshiradi yoki kamaytiradi, degan xulosa chiqarib bo‘lmaydi.

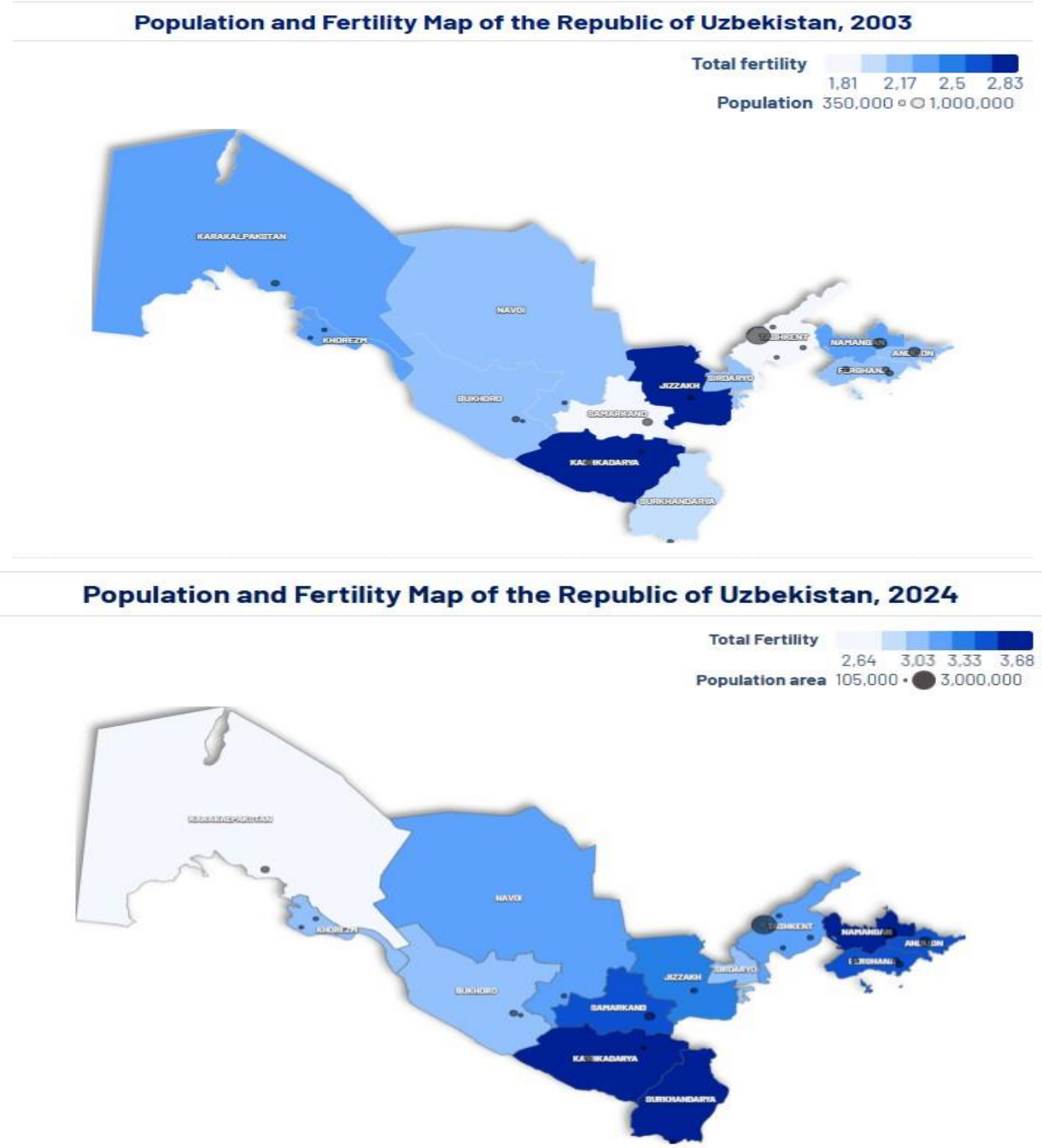
Respublika bo‘yicha ayollar ishsizlik darajasi 2010-yilda 6,3 foiz, 2015-yilda 5,0 foiz, 2020-yilda 14,1 foiz va 2022-yilda 13,4 foizni tashkil etgan. Demak, 2015-yilda ko‘rsatkich tahlil davridagi eng past darajada bo‘lgan, 2020-yilda esa keskin oshgan. 2022-yilda ishsizlik 2020-yilga nisbatan 0,7 foiz bandga pasaygan, ammo 2010 va 2015-yillardagi darajadan yuqori saqlangan.

Hududiy kesimda 2010-yilda eng yuqori ishsizlik Qoraqalpog‘iston Respublikasida (8,7 foiz), eng past ko‘rsatkich esa Toshkent shahrida (4,3 foiz) qayd etilgan. 2015-yilda Toshkent viloyatida 3,7 foiz, Samarqand va Andijon viloyatlarida 5,4 foiz ko‘rsatkich kuzatilgan. 2020-yilda eng past ko‘rsatkich Toshkent shahrida 9,1 foiz bo‘lgan, yuqori ko‘rsatkichlar esa Jizzax, Sirdaryo, Samarqand, Andijon, Qashqadaryo va Surxondaryo viloyatlarida qayd etilgan. 2022-yilda respublika bo‘yicha ishsizlik 13,4 foiz, Toshkent shahrida esa 7,9 foizni tashkil qilgan.

Ayollar ishsizligining 2020-yildagi keskin oshishi pandemiya davrida mehnat bozorida yuzaga kelgan bosim bilan bir vaqtga to‘g‘ri keladi. 2022-yilda ko‘rsatkichning biroz pasayishi kuzatilgan bo‘lsa-da, u pandemiyagacha bo‘lgan darajadan yuqori saqlangan. Bu holat ayollar bandligini qo‘llab-quvvatlashda hududiy tafovutlar bilan bir qatorda, ish o‘rinlarining barqarorligi va tarmoqlar bo‘yicha imkoniyatlarni ham hisobga olish zarurligini ko‘rsatadi.

2003-yilda O‘zbekiston hududlari bo‘yicha yig‘indi tug‘ilish koeffitsiyenti sezilarli hududiy tafovutlarga ega bo‘lgan. Xarita tasvirida Jizzax va Qashqadaryo viloyatlarida ko‘rsatkichlar nisbatan yuqori, Qoraqalpog‘iston Respublikasi, Navoiy, Buxoro va Xorazm viloyatlarida esa nisbatan past diapazonda aks etgan. 2003-yil xaritasida yig‘indi tug‘ilish koeffitsiyenti 1,81–2,83 oralig‘ida bo‘lgan.

2024-yil xaritasida hududiy manzara o‘zgargan. Qashqadaryo va Surxondaryo viloyatlarida yig‘indi tug‘ilish koeffitsiyenti yuqori darajada saqlangan, Samarqand viloyati ham yuqori ko‘rsatkichli hududlar qatorida namoyon bo‘lgan. Farg‘ona vodiysi hududlarida ham nisbatan yuqori tug‘ilish ko‘rsatkichlari kuzatiladi. Qoraqalpog‘iston Respublikasida esa ko‘rsatkich boshqa hududlarga nisbatan past diapazonda aks etgan; 2024-yil xaritasidagi qiymatlar 2,64–3,68 oralig‘ida joylashgan.

4-rasm. O‘zbekistonda yig‘indi tug‘ilish koeffitsiyentining hududiy taqsimlanishi, 2003 va 2024-yillar

Manba: *O‘zbekiston Respublikasi Milliy statistika qo‘mitasi ma’lumotlari asosida muallif tomonidan tayyorlandi.*

Ikki davr xaritasining qiyosiy tahlili tug‘ilish darajasi yuqori bo‘lgan ayrim hududlar o‘z mavqeini saqlab qolganini, shu bilan birga yuqori ko‘rsatkichli

hududlar geografiyasida ham o‘zgarishlar yuz berganini ko‘rsatadi. Ayniqsa, janubiy viloyatlar va Farg‘ona vodiysida tug‘ilish ko‘rsatkichlarining nisbatan yuqori bo‘lishi respublikada reproduktiv xulq-atvorning hududiy xususiyatlari bir xil emasligini anglatadi. Xaritalar turli yillar uchun alohida rang diapazonlarida tuzilganligi sababli, ularni rang intensivligi bo‘yicha bevosita miqdoriy qiyoslash emas, hududiy joylashuvdagi umumiy farqlarni aniqlash maqsadida talqin qilish lozim.

Hududiy demografik tafovutlar va bandlik ko‘rsatkichlari o‘rtasidagi statistik moslikni aniqlash maqsadida tug‘ilgan bolalar soni reytingi ayollar bandligi hamda ishsizlik reytinglari bilan taqqoslandi. 14 ta hudud bo‘yicha hisob-kitoblarda ayollar bandligi bilan bog‘liqlik uchun $\Sigma d^2=70$, ishsizlik bilan bog‘liqlik uchun esa $\Sigma d^2=18$ qiymatlari olindi. Spearman formulasi asosida hisoblangan koeffitsiyentlar mos ravishda $\rho\approx0,85$ va $\rho\approx0,96$ ga teng bo‘ldi.

1-jadval

Tug‘ilgan bolalar soni, ayollar bandligi va ishsizlik ko‘rsatkichlari bo‘yicha hududlar reytingi

Hudud	Tug‘ilgan bolalar soni	Tug‘ilish bo‘yicha rang	Ayollar bandligi rangi	d	d^2	Ishsizlik rangi	d	d^2
Qoraqalpog‘iston Respublikasi	42 835	11	11	0	0	11	0	0
Andijon viloyati	86 506	4	5	−1	1	3	1	1
Buxoro viloyati	45 058	9	10	−1	1	10	−1	1
Jizzax viloyati	40 743	12	12	0	0	12	0	0
Qashqadaryo viloyati	98 279	3	7	−4	16	4	−1	1
Navoiy viloyati	26 274	13	13	0	0	13	0	0
Namangan viloyati	82 330	5	6	−1	1	6	−1	1
Samarqand viloyati	111 505	1	3	−2	4	2	−1	1
Surxondaryo viloyati	81 547	6	8	−2	4	7	−1	1
Sirdaryo viloyati	23 320	14	14	0	0	14	0	0
Toshkent viloyati	73 556	8	4	4	16	5	3	9
Farg‘ona viloyati	101 308	2	1	1	1	1	1	1
Xorazm viloyati	44 920	10	9	1	1	9	1	1
Toshkent shahri	74 036	7	2	5	25	8	−1	1
Jami / Σd^2	**932 217**	**—**	**—**	**—**	**70**	**—**	**—**	**18**

Manba: *O‘zbekiston Respublikasi Milliy statistika qo‘mitasi ma’lumotlari asosida muallif hisob-kitoblari. Tug‘ilgan bolalar soni 2022-yilga tegishli.*

Hisoblangan 0,85 va 0,96 koeffitsiyentlari hududlar reytinglari o‘rtasida kuchli musbat bog‘liqlik mavjudligini ko‘rsatadi. Ya’ni tug‘ilgan bolalar soni yuqori bo‘lgan

hududlar ayollar bandligi va ishsizlik koʻrsatkichlari boʻyicha ham yuqoriroq oʻrinlarni egallashga moyil. Biroq bu natija bandlik yoki ishsizlik tugʻilishga bevosita ta’sir koʻrsatishini anglatmaydi. Hisob-kitobda tugʻilgan bolalarning mutlaq soni qoʻllanganligi sababli, aholisi koʻp hududlarda tugʻilishlar sonining yuqori boʻlishi korrelyatsiyani kuchaytirishi mumkin. Shu bois natijalar sababiy munosabat emas, hududlar reytinglari oʻrtasidagi statistik moslik sifatida talqin qilinishi lozim.

Umuman, korrelyatsiya natijalari hududiy demografik jarayonlar va ayollar bandligi koʻrsatkichlari oʻzaro bogʻliq holda namoyon boʻlishini koʻrsatadi. Keyingi tadqiqotlarda tugʻilgan bolalarning mutlaq soni bilan bir qatorda yigʻindi tugʻilish koeffitsiyenti yoki reproduktiv yoshdagi ayollarga nisbatan hisoblangan koʻrsatkichlardan foydalanish maqsadga muvofiq.

Xulosa.

Tadqiqot natijalari Oʻzbekistonda ayollar bandligi va ta’limidagi oʻzgarishlar hududlar hamda iqtisodiy faoliyat turlari boʻyicha notekis kechayotganini koʻrsatdi. 2010–2022-yillarda respublika boʻyicha band ayollar soni 2015-yilda eng yuqori darajaga yetgan, 2020-yilda kamaygan va 2022-yilda qisman tiklangan. Hududlar kesimida band ayollar soni Fargʻona, Samarqand va Toshkent viloyatlari hamda Toshkent shahrida nisbatan yuqori, Sirdaryo, Jizzax va Navoiy viloyatlarida esa pastroq boʻlgan.

Tarmoqlar boʻyicha ayollar ulushi ta’lim hamda sogʻliqni saqlash va ijtimoiy xizmatlarda yuqori, qurilishda esa past darajada. 2016–2024-yillardagi grafik taqqoslash ayrim tarmoqlarning reyting oʻrinlari oʻzgarganini koʻrsatadi. Bu holat ayollar bandligini baholashda umumiy koʻrsatkichlar bilan bir qatorda tarmoq tarkibi va mehnat sharoitlarini ham hisobga olish zarurligini anglatadi.

Ayollar ishsizligi 2015-yildagi 5,0 foizdan 2020-yilda 14,1 foizgacha oshgan va 2022-yilda 13,4 foizga pasaygan. Koʻrsatkichning pandemiyadan keyin ham yuqori saqlanib qolishi ayollar mehnat bozoridagi hududiy tafovutlar va ish oʻrinlari barqarorligini alohida oʻrganish zarurligini koʻrsatadi.

Spearman tahlili tugʻilgan bolalar soni reytingi bilan ayollar bandligi reytingi ($\rho \approx 0{,}85$) va ishsizlik reytingi ($\rho \approx 0{,}96$) oʻrtasida kuchli musbat bogʻliqlik mavjudligini koʻrsatdi. Biroq bu natijalar sababiy munosabatni isbotlamaydi, chunki hisob-kitoblarda tugʻilishning mutlaq soni ishlatilgan va hududlar aholi soni boʻyicha farqlanadi. Kelgusi tadqiqotlarda yigʻindi tugʻilish koeffitsiyenti, reproduktiv yoshdagi ayollar soni, ta’lim, nikoh yoshi va bandlikning tarmoq tarkibini birgalikda hisobga olish maqsadga muvofiq.

Amaliy jihatdan ayollar bandligini qoʻllab-quvvatlash siyosati ta’lim, kasbiy tayyorgarlik, moslashuvchan ish shakllari va bolalarni parvarishlash xizmatlari bilan

uyg‘unlashtirilishi lozim. Bunday yondashuv ayollarning iqtisodiy faolligini kengaytirish bilan birga, oilaviy va reproduktiv rejalarni amalga oshirish uchun qulay sharoit yaratishga xizmat qilishi mumkin.

Adabiyotlar:

1. Amin, V., & Behrman, J. R. (2014). Do more-schooled women have fewer children and delay childbearing? Evidence from a sample of US twins. Journal of Population Economics, 27(1), 1–31. https://doi.org/10.1007/s00148-013-0470-z

2. Behrman, J. A. (2015). Does schooling affect women’s desired fertility? Evidence from Malawi, Uganda, and Ethiopia. Demography, 52(3), 787–809. https://doi.org/10.1007/s13524-015-0392-3

3. Behrman, J., & Gonalons-Pons, P. (2020). Women’s employment and fertility in a global perspective (1960–2015). Demographic Research, 43, 707–744. https://doi.org/10.4054/DemRes.2020.43.25

4. Michaud, P.-C., & Tatsiramos, K. (2008). Fertility and female employment dynamics in Europe: The effect of using alternative econometric modeling assumptions (IZA Discussion Paper No. 3853). Institute of Labor Economics. https://www.iza.org/publications/dp/3853

5. Mosakova, E. A. (2012). Динамика занятости женщин и рождаемости в современных развитых странах мира [Rivojlangan zamonaviy mamlakatlarda ayollar bandligi va tug‘ilish dinamikasi]. Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление, (2), 36–44. https://journals.vsu.ru/econ/article/view/9791

6. Orozialieva, A. S. (2012). Женщины на рынке труда Кыргызской Республики [Qirg‘iziston Respublikasi mehnat bozorida ayollar]. Reforma, 2(54), 85–88.

7. Soliev, A. S., Bo‘riyeva, M. R., Tojiyeva, Z. N., Nazarov, M., Muhamedov, O., & Atajonov, M. (2005). Qishloq joylar demografiyasi [Qishloq joylar demografiyasi]. Toshkent.

8. Tojiyeva, Z., & Ibragimov, L. (2021). Labour market and employment in Uzbekistan. Geografický časopis / Geographical Journal, 73(4), 359–374. https://doi.org/10.31577/geogrcas.2021.73.4.19

9. Abdurakhmanov, X. (2023). O‘zbekiston oilalarida tug‘ilishning ko‘payish sabablari va omillari. SamDU ilmiy axborotnomasi, 4-son, 2-seriya.

10. International Labour Organization. (n.d.). Working women: Facts and figures. https://www.ilo.org

11. National Statistics Committee of the Republic of Uzbekistan. (n.d.). Official statistics. https://stat.uz/en/

DEMOGRAPHIC TRENDS AND THEIR IMPACT ON LABOUR MARKET ACTIVITY IN UZBEKISTAN: EVIDENCE ON THE DEMOGRAPHIC WINDOW OF OPPORTUNITY

Hamrokulov Mirabbos Ortiqovich,
Doctoral candidate, Scientific Research Center
"Scientific Foundations and Problems of Economic
Development of Uzbekistan"

Annotation. *This article analyses how demographic trends in Uzbekistan affect labour market activity. Rapid growth of the working-age population, a young age structure, declining but still elevated fertility, urbanisation and large-scale external labour migration are examined through the theories of the demographic dividend and labour supply. The methodology combines a decomposition of labour force growth, a comparison of participation and employment indicators by sex, age and region, an assessment of the gap between new labour market entrants and job creation, and an analysis of the migration and remittance channel. The results show that roughly 450–550 thousand people enter the labour market each year, while formal job creation falls short of this inflow. The gap is absorbed by informal employment, seasonal work, labour force withdrawal and emigration. Women, rural youth and young people not in employment, education or training (NEET) form the main reservoir of unused labour potential. Remittances support household incomes but increase exposure to external shocks. The demographic window of opportunity is open, but it will not automatically become an economic dividend. Its realisation depends on formal job creation, the quality of human capital, female participation and the management of migration. The paper proposes a policy framework linking demographic projections to employment, education and migration policy.*

Keywords: *demographic transition, labour market, labour force participation, youth employment, informality, labour migration, demographic dividend, Uzbekistan.*

O'ZBEKISTONDA DEMOGRAFIK TENDENSIYALARNING MEHNAT BOZORI FAOLLIGIGA TA'SIRI TAHLILI: DEMOGRAFIK IMKONIYAT OYNASI BO'YICHA DALILLAR

Hamrokulov Mirabbos Ortiqovich
"O'zbekiston iqtisodiyotini rivojlantirishning ilmiy asoslari
va muammolari" ilmiy tadqiqot markazi doktoranti

Annotatsiya. *Maqolada O'zbekistondagi demografik tendensiyalarning mehnat*

bozori faolligiga ta'siri tahlil qilinadi. Tadqiqotda mehnatga layoqatli aholining tez o'sishi, yosh aholi tarkibi, tug'ilish darajasining pasayishi, urbanizatsiya va keng ko'lamli tashqi mehnat migratsiyasi demografik dividend hamda mehnat taklifi nazariyalari asosida ko'rib chiqiladi. Metodologiya mehnat resurslari o'sishini dekompozitsiya qilish, ishtirok va bandlik ko'rsatkichlarini jins, yosh va hududlar kesimida taqqoslash, mehnat bozorining yangi ish o'rinlarini qabul qilish sig'imidagi bo'shliqni baholash hamda migratsiya va pul o'tkazmalari kanalini o'rganishni qamrab oladi. Natijalarga ko'ra, mamlakatda har yili taxminan 450–550 ming nafar yangi ishchi kuchi mehnat bozoriga kiradi, rasmiy ish o'rinlari yaratish esa bu oqimdan orqada qolmoqda; farq norasmiy bandlik, mavsumiy ish, ishchi kuchidan chetda qolish va tashqi migratsiya hisobiga qoplanmoqda. Ayollar, qishloq yoshlari va NEET toifasidagi yoshlar ishlatilmagan mehnat salohiyatining asosiy zaxirasini tashkil etadi. Pul o'tkazmalari xonadonlar daromadini qo'llab-quvvatlasa-da, tashqi shoklarga bog'liqlikni oshiradi. Demografik "imkoniyat oynasi" ochiq, biroq u o'z-o'zidan iqtisodiy dividendga aylanmaydi. Uning amalga oshishi rasmiy ish o'rinlari yaratish, inson kapitali sifati, ayollar ishtiroki va migratsiyani boshqarishga bog'liq. Maqolada demografik prognozlarni bandlik, ta'lim va migratsiya siyosati bilan bog'lovchi tavsiyalar taklif etilgan.

Kalit so'zlar: *demografik o'tish, mehnat bozori, ishchi kuchida ishtirok, yoshlar bandligi, norasmiy bandlik, mehnat migratsiyasi, demografik dividend, O'zbekiston.*

АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ В УЗБЕКИСТАНЕ НА АКТИВНОСТЬ РЫНКА ТРУДА: ДАННЫЕ О ДЕМОГРАФИЧЕСКОМ ОКНЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Хамрокулов Мираббос Ортикович
докторант научно-исследовательского центра
«Научные основы и проблемы развития экономики Узбекистана»

Аннотация. *В статье анализируется влияние демографических тенденций Узбекистана на активность рынка труда. Быстрый рост населения трудоспособного возраста, молодая возрастная структура, снижающаяся, но всё ещё высокая рождаемость, урбанизация и масштабная внешняя трудовая миграция рассматриваются на основе теорий демографического дивиденда и предложения труда. Методология включает декомпозицию роста рабочей силы, сравнение показателей участия и занятости по полу, возрасту и регионам, оценку разрыва между притоком новых работников и способностью рынка создавать рабочие места, а также анализ канала миграции и денежных переводов. Результаты показывают, что ежегодно на рынок труда выходит около 450–550 тыс. человек, тогда как создание формальных рабочих мест отстаёт от этого притока; разрыв компенсируется неформальной занятостью, сезонной работой, выходом из рабочей силы и эмиграцией. Женщины, сельская молодёжь и молодёжь*

категории NEET составляют основной резерв неиспользованного трудового потенциала. Денежные переводы поддерживают доходы домохозяйств, но повышают зависимость от внешних шоков. «Демографическое окно возможностей» открыто, однако оно не превращается в экономический дивиденд автоматически. Его реализация зависит от создания формальных рабочих мест, качества человеческого капитала, участия женщин и управления миграцией. В статье предложены рекомендации по увязке демографических прогнозов с политикой занятости, образования и миграции.

Ключевые слова: *демографический переход, рынок труда, участие в рабочей силе, занятость молодёжи, неформальная занятость, трудовая миграция, демографический дивиденд, Узбекистан.*

Introduction.

Demographic change is among the slowest-moving yet most consequential determinants of labour market outcomes. When fertility declines faster than mortality, the share of the working-age population rises relative to dependants, and the economy enters a period commonly described as a demographic window of opportunity or demographic dividend (Bloom & Williamson, 1998; Bloom, Canning & Sevilla, 2003). Historical evidence from East Asia shows that this period can raise per-capita income growth substantially, but only when the additional workers find productive employment and when savings, education and institutions support their absorption (Lee & Mason, 2006; Bloom et al., 2003). Where labour demand does not keep pace, the same demographic structure produces unemployment, informality, social tension and emigration.

Uzbekistan is the most populous country in Central Asia, with a population of about 36 million in the early 2020s. Its demographic profile differs sharply from most post-socialist economies, which are ageing and shrinking. The median age is below 30, close to a third of the population is under 16, and the cohorts born in the 2000s and 2010s, larger than those born in the 1990s, are now entering working age. At the same time the economy has undergone far-reaching market reforms since 2017, including currency liberalisation, price deregulation, opening to trade and investment, and a reorientation of social policy. These reforms alter the structure of labour demand just as the supply of labour is expanding quickly.

The central problem examined here is whether demographic trends in Uzbekistan are being translated into higher labour market activity and productive employment, or whether they primarily generate pressure on the labour market that is released through informality and migration. Three gaps motivate the study. First, most national analyses describe population dynamics and labour market indicators separately; their interaction is rarely quantified. Second, the regional and gender

dimensions of the labour supply shock are insufficiently documented. Third, the role of external migration is typically treated as a social issue rather than as an integral component of labour market adjustment.

The paper's contribution is an integrated framework that links demographic projections to labour absorption capacity, together with a structured assessment of the gender, regional and migration dimensions specific to Uzbekistan.

Literature review.

The analytical basis rests on four strands of literature. The first is the demographic transition and dividend literature. Bloom and Williamson (1998) attributed a large share of East Asian growth to changes in age structure, and Lee and Mason (2006) distinguished a *first dividend*, arising from a rising share of workers, from a *second dividend*, arising from higher savings and capital accumulation in anticipation of longer lives. Ashraf, Weil and Wilde (2013) showed that the income effects of fertility reduction are positive but depend on the channel, being driven largely by capital dilution and investment in child quality. Bloom, Canning and Fink (2010) emphasised that ageing eventually reverses these gains unless participation and productivity adapt.

The second strand concerns labour supply and participation. Mincer (1962) and Becker (1960) established the household time-allocation approach in which participation depends on wages, household income and the opportunity cost of fertility. Goldin (1995) described the U-shaped relationship between development and female participation: participation falls as incomes rise from low levels and recovers with education and services-sector growth. Easterlin (1961) argued that relative cohort size affects young people's labour market prospects, so that large cohorts face lower relative wages and weaker employment chances.

The third strand addresses structural change and labour absorption. In the dual-economy model of Lewis (1954), surplus labour in a traditional sector is gradually absorbed by a modern sector. Harris and Todaro (1970) and Todaro (1969) showed that rural-urban and international migration respond to expected rather than actual income differentials, so migration continues even where urban unemployment is high. The fourth strand studies migration and remittances: Adams and Page (2005) found that migration and remittances reduce poverty in developing countries, while the broader literature documents offsetting effects on labour supply and exposure to shocks in the host country.

For transition economies, Kuddo (2009) documented the weakness of employment services and active labour market programmes in Eastern Europe and Central Asia, an institutional context relevant to Uzbekistan's current reform

trajectory.

Research methodology.

The study employs a mixed-method, secondary-data design with a macro-demographic and a labour-market component. The unit of analysis is the national economy, supplemented by regional (viloyat) and socio-demographic breakdowns where data are available. The period covered is 2000–2023 for historical analysis and 2024–2040 for projections.

Because national and international sources differ in definitions (for example, official registered unemployment versus ILO-defined unemployment) and in modelling assumptions, the paper reports ranges where discrepancies are material and uses ILO definitions for cross-country comparability.

Analysis and results.

(a) Labour supply decomposition. Labour force growth is decomposed into a demographic component (change in the working-age population) and a behavioural component (change in participation rates):

$$\Delta L = \Delta P_{15+} \times \alpha_0 + P_{15+,1} \times \Delta\alpha$$

where L is the labour force, P_{15+} the population aged 15 and above, and α the participation rate. This isolates how much of labour force growth is due to demography rather than changes in behaviour.

(b) Dependency and support ratios. The total dependency ratio, the youth dependency ratio and the effective support ratio (employed persons per dependant) are computed to distinguish the potential from the realised demographic dividend (Lee & Mason, 2006).

(c) Labour absorption gap. The annual absorption gap is defined as

$$Gap_t = E_t^{new} - \left(J_t^{formal} + J_t^{other}\right)$$

where E^{new} is the net inflow of working-age persons seeking work, J^{formal} the net creation of formal wage jobs, and J^{other} the growth of other employment forms. The residual is interpreted as unemployment, discouragement, informal activity or emigration.

(d) Segmentation analysis. Participation, employment and NEET rates are compared by sex, age group (15–24, 25–34, 35–54, 55+), urban/rural residence and region.

(e) Migration channel. Labour emigration is assessed through stock estimates, remittance inflows relative to GDP, and the sectoral and skill composition of migrants. Remittance dependence is evaluated against the Harris–Todaro expected-income logic.

(f) Projection scenarios. Three scenarios to 2040 are constructed using UN medium-variant projections: (1) *baseline* (current participation and job creation continue); (2) *accelerated absorption* (female participation and formal job creation increase); and (3) *stagnation* (weak job creation and rising emigration).

The study relies on secondary data; labour force survey coverage of informal and seasonal work is imperfect; and long-run projections are sensitive to fertility assumptions. Where figures are rounded or reported as ranges, this reflects genuine uncertainty across sources. The analysis identifies associations and mechanisms rather than formal causal effects. Future work should apply panel and cointegration techniques (Dickey & Fuller, 1979; Johansen, 1988; Granger, 1969) to regional time series as consistent regional datasets become available.

Uzbekistan's population has roughly increased by half since independence, from about 20 million in 1991 to some 36 million in the early 2020s. Fertility fell sharply during the 1990s and early 2000s, from above four children per woman in 1990 to roughly 2.3–2.6 in the 2000s, then partly recovered in the 2010s to a range of about 2.4–3.0 depending on the source. This created a distinctive cohort pattern: small cohorts born in the late 1990s and early 2000s are now in their twenties, while larger cohorts born in the 2010s will reach working age after 2028. Consequently the labour supply shock is not a single wave but a sustained expansion lasting beyond 2040.

Table 1

Key demographic and labour market indicators, Uzbekistan (approximate, early 2020s)

Indicator	Approximate value	Labour market implication
Total population	~36 million	Large domestic labour supply and consumer market
Median age	~28–30 years	Young labour force, long window
Share aged 0–14	~28–30%	Large future entrant cohorts
Share aged 15–64	~64–66%	Peak working-age share; low dependency
Annual new labour market entrants	~450–550 thousand	Needs comparable job creation
Female participation (ILO-modelled)	~50%	About 25–30 p.p. below male participation
Unemployment (ILO definition)	~5–7%; official figure higher	Underestimates slack because of informality
Informal employment share	~50% or more of employment	Low productivity and weak social protection
Youth NEET rate	~20% or more, higher among young women	Large pool of unused potential
Remittances	~14–20% of GDP in recent years	Strong migration dependence

Source: *compiled from State Statistics Committee of Uzbekistan, UN WPP 2022, ILOSTAT and World Bank data; rounded.*

Table 1 summarises the main indicators. Figures are rounded approximations drawn from the sources in Section 2.2 and should be checked against the latest releases before citing.

The working-age share has risen above 60% and the youth dependency ratio has fallen from the 1990s peak, so the country is within the first-dividend phase described by Lee and Mason (2006). However, the effective support ratio is lower than the demographic support ratio would suggest, because a large fraction of working-age people are inactive, in informal low-productivity work, or abroad.

The decomposition in Section 2.3(a) shows that demographic growth accounts for the dominant share of labour force expansion; changes in participation contribute little and, for some groups, are slightly negative. In other words, labour supply is growing mainly because there are more people, not because more of them are active. This is a key difference from East Asian experiences, where rising female participation and urban migration added a behavioural component to the demographic one (Bloom & Williamson, 1998).

Three patterns stand out.

Gender. Women's participation is markedly lower than men's. The gap reflects early marriage and high fertility in some regions, unpaid household and care work, limited childcare provision, occupational segregation and constrained mobility. This is consistent with the U-shaped relationship described by Goldin (1995): in lower-middle-income economies with limited service-sector expansion, educated women often remain outside paid work. The result is a large untapped labour supply, and the gender gap represents the single largest source of potential labour supply gains.

Age and youth. Youth unemployment and NEET rates exceed adult rates. Entrants face a mismatch between education and employer needs, limited job experience and limited access to formal jobs. In line with Easterlin (1961), large entering cohorts compete for a restricted number of formal entry positions, which depresses relative wages and pushes many into informal or foreign employment.

Region and urban–rural divide. Population growth is fastest in the densely settled Fergana Valley, Samarkand, Kashkadarya and Surkhandarya, and in rural areas more generally, where non-agricultural job opportunities are scarcer. Tashkent and a few industrial and tourist centres absorb a disproportionate share of formal jobs and investment. Regional disparities therefore translate into internal migration pressure and external migration from labour-surplus districts.

Applying Section 2.3(c), the annual inflow of new entrants (about half a million) exceeds net formal wage job creation. The remainder is absorbed through four channels:

1. Informal and self-employment, including household farming, small trade,

construction and services.

2. Seasonal and temporary work, especially in agriculture and construction.

3. Inactivity and discouragement, particularly among women and rural youth.

4. External labour migration, chiefly to Russia and Kazakhstan, and increasingly to South Korea, Turkey and Gulf countries.

The composition of these channels, rather than the headline unemployment rate, is the best indicator of labour market stress. The official unemployment rate understates slack because informal work and migration conceal underemployment.

Labour emigration functions as the principal external adjustment mechanism. Estimates of Uzbek workers abroad range from roughly two to three million at different times, with strong seasonal variation. Remittances have become one of the largest sources of foreign currency and, in recent years, equal a double-digit percentage of GDP. They raise household consumption, reduce poverty (Adams & Page, 2005) and finance housing and small enterprises. Migration also relieves pressure on domestic labour demand and acts as a training ground, as migrants acquire skills and savings.

There are, however, costs. Migrants are concentrated in low-skill construction, trade and services abroad, so their human capital is often not fully used. Remittance income can reduce labour supply incentives among recipient households and raise the reservation wage, while exposure to shocks in the Russian economy or changes in migration regulation can reduce inflows abruptly, as demonstrated in 2014–2015 and 2020. Finally, the departure of working-age adults from rural districts affects family structure and local labour markets.

Baseline. Working-age population keeps growing; formal job creation increases gradually. Informality remains above 40% and emigration stays high. The effective support ratio improves only slowly.

Accelerated absorption. Female participation rises by several percentage points, formal job creation expands in manufacturing, agri-food, tourism and digital services, and skill-matching improves. The effective support ratio rises markedly and the first dividend is realised. Labour productivity growth becomes the main driver of income convergence.

Stagnation. Weak investment and a shock to remittance-sending countries combine with continued cohort growth. Open and hidden unemployment rise and social pressure intensifies, especially in labour-surplus regions.

The divergence among scenarios shows that, over a 15–20-year horizon, policy choices matter more than demographic parameters, which are largely predetermined by existing cohort sizes.

The results support the view that Uzbekistan is in the early-to-middle stage of

a demographic window, but the effective realisation of its dividend is incomplete. Three arguments emerge.

First, the binding constraint is labour demand and job quality, not labour supply. Supply is abundant and will remain so. The decisive question is whether the economy can create enough productive formal jobs. The East Asian experience combined demographic change with export-oriented labour-intensive manufacturing, high investment in education and rapid urbanisation (Bloom & Williamson, 1998; Mason, 2001). Uzbekistan's reforms since 2017 open the same possibilities, but sectoral job creation, particularly in tradable sectors, remains the central challenge. This is consistent with the Lewis (1954) dual-economy interpretation: the modern sector has to expand faster than population growth for surplus labour to be absorbed.

Second, the second dividend depends on human capital and savings. Following Lee and Mason (2006) and Ashraf et al. (2013), the largest long-term gains arise when smaller families invest more per child and when workers expect longer lives. In Uzbekistan's case, the fertility decline has been partial and heterogeneous, and the quality of vocational and tertiary education and its alignment with employer needs will determine whether the second dividend materialises. The rapid expansion of higher education capacity needs to be matched by quality assurance and employer links.

Third, migration is both a symptom and a policy instrument. Under the Harris–Todaro logic (Harris & Todaro, 1970), emigration will continue while expected foreign income exceeds expected domestic income. Policy should therefore shift from tolerating migration to managing it: bilateral labour agreements, pre-departure training and certification, recognition of skills, cheaper remittance channels and return-migration incentives that convert foreign experience into domestic enterprise. Without these steps, the country risks a pattern of dependent labour export that postpones structural transformation.

The findings also bear on ageing. Although Uzbekistan is currently young, the demographic transition will eventually produce an older population, and economies that fail to build productive employment and savings while young face greater difficulty adjusting later (Bloom, Canning & Fink, 2010; Lutz, Sanderson & Scherbov, 2008). The present window is therefore time-limited.

1. Link employment policy to demographic projections. Establish a regular cohort-based labour supply forecast by region and skill, and use it to set job-creation and training targets.

2. Promote formal job creation in labour-intensive tradable sectors. Prioritise manufacturing, textiles and garments, agri-food processing, construction materials,

tourism and ICT services, with regional placement aimed at labour-surplus districts.

3. Raise female participation. Expand affordable childcare and pre-school provision, flexible and remote work, women's entrepreneurship finance, and legal protection against discrimination.

4. Reduce youth NEET rates. Strengthen dual vocational training, apprenticeships, career guidance and public employment services, which in transition economies often remain under-resourced (Kuddo, 2009).

5. Formalise informal work. Simplify registration and taxation for micro-enterprises, extend social insurance to the self-employed, and use digital platforms to link labour supply and demand.

6. Manage migration strategically. Negotiate bilateral agreements, certify skills, protect migrants' rights, and create incentives to channel remittances into productive investment.

7. Improve labour statistics. Harmonise national definitions with ILO standards, expand the coverage of informal and migrant work, and publish regionally disaggregated data to support analysis and accountability.

Conclusions and suggestions.

Demographic trends in Uzbekistan create a large and sustained expansion of labour supply. This provides a substantial opportunity, a first demographic dividend, but not a guarantee. Because labour force growth is overwhelmingly demographic rather than behavioural, and because formal job creation lags behind new entrants, the adjustment occurs through informality, inactivity among women and rural youth, and external migration. Realising the dividend requires a combined strategy: expanding productive formal employment, improving education and skills, increasing female participation, formalising informal activity and managing migration so that it supports rather than substitutes for domestic development. Given that the window will not remain open indefinitely, the next decade is decisive.

References:

1. Adams, R. H., & Page, J. (2005). Do international migration and remittances reduce poverty in developing countries? World Development, 33(10), 1645–1669.

2. Ashraf, Q. H., Weil, D. N., & Wilde, J. (2013). The effect of fertility reduction on economic growth. Population and Development Review, 39(1), 97–130.

3. Becker, G. S. (1960). An economic analysis of fertility. In Demographic and Economic Change in Developed Countries (pp. 209–240). Princeton University Press.

4. Bloom, D. E., Canning, D., & Fink, G. (2010). Implications of population ageing for economic growth. Oxford Review of Economic Policy, 26(4), 583–612.

5. Bloom, D. E., Canning, D., & Sevilla, J. (2003). The Demographic Dividend: A New

Perspective on the Economic Consequences of Population Change. RAND.

6. Bloom, D. E., & Williamson, J. G. (1998). Demographic transitions and economic miracles in emerging Asia. World Bank Economic Review, 12(3), 419–455.

7. Dickey, D. A., & Fuller, W. A. (1979). Distribution of the estimators for autoregressive time series with a unit root. Journal of the American Statistical Association, 74(366), 427–431.

8. Easterlin, R. A. (1961). The American baby boom in historical perspective. American Economic Review, 51(5), 869–911.

9. Goldin, C. (1995). The U-shaped female labor force function in economic development and economic history. In T. P. Schultz (Ed.), Investment in Women's Human Capital (pp. 61–90). University of Chicago Press.

10. Granger, C. W. J. (1969). Investigating causal relations by econometric models and cross-spectral methods. Econometrica, 37(3), 424–438.

11. Harris, J. R., & Todaro, M. P. (1970). Migration, unemployment and development: A two-sector analysis. American Economic Review, 60(1), 126–142.

12. International Labour Organization. (n.d.). ILOSTAT database. https://ilostat.ilo.org

13. Johansen, S. (1988). Statistical analysis of cointegration vectors. Journal of Economic Dynamics and Control, 12(2–3), 231–254.

14. Kuddo, A. (2009). Employment services and active labor market programs in Eastern European and Central Asian countries. World Bank Social Protection Discussion Paper No. 0918.

15. Lee, R., & Mason, A. (2006). What is the demographic dividend? Finance & Development, 43(3), 16–17.

16. Lewis, W. A. (1954). Economic development with unlimited supplies of labour. The Manchester School, 22(2), 139–191.

17. Lutz, W., Sanderson, W., & Scherbov, S. (2008). The coming acceleration of global population ageing. Nature, 451, 716–719.

18. Mason, A. (Ed.). (2001). Population Change and Economic Development in East Asia: Challenges Met, Opportunities Seized. Stanford University Press.

19. Mincer, J. (1962). Labor force participation of married women: A study of labor supply. In Aspects of Labor Economics (pp. 63–105). Princeton University Press.

20. State Statistics Committee of the Republic of Uzbekistan. (n.d.). Demographic and labour market statistics. https://stat.uz

21. Todaro, M. P. (1969). A model of labor migration and urban unemployment in less developed countries. American Economic Review, 59(1), 138–148.

22. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. (2022). World Population Prospects 2022. https://population.un.org/wpp

23. *World Bank. (n.d.). World Development Indicators. https://databank.worldbank.org*

НЕФОРМАЛЬНАЯ ЗАНЯТОСТЬ: МАСШТАБЫ И ПУТИ ДАЛЬНЕЙШЕЙ ФОРМАЛИЗАЦИИ

к.э.н. доцент Нуруддинова Адиба Газиевна
заместитель директора Лаборатории социальной политики при Национальном агентстве социальной защиты при Президенте Республики Узбекистан, Ташкентского филиала Российского экономического университета имени Г.В.Плеханова

Аннотация. *В статье исследуются масштабы неформальной занятости в Республике Узбекистан, особенности развития самозанятости и основные проблемы формализации трудовых отношений. На основе статистических и ведомственных данных анализируются динамика численности самозанятых граждан, их распределение по видам экономической деятельности, уровень социальной защищённости и возможности участия в системе социального страхования. Особое внимание уделяется вопросам уплаты социального налога, формирования трудового стажа, пенсионного обеспечения и нестабильности доходов самозанятого населения. Выявляются основные институциональные и экономические барьеры формализации занятости, включая недостатки статистического учёта и изменения налогового законодательства. Предлагаются направления совершенствования государственной политики занятости, упрощения налогового администрирования, развития цифровых механизмов регистрации и расширения охвата населения системой социального страхования.*

Ключевые слова: *неформальная занятость, неформальная экономика, самозанятость, рынок труда, формализация занятости, трудовые ресурсы, социальная защита, социальное страхование, социальный налог, трудовой стаж, пенсионное обеспечение, налоговое регулирование, нестабильные доходы, государственная политика занятости, цифровизация, трудовые отношения, экономически активное население.*

NORASMIY BANDLIK: KO‘LAMI VA UNI YANADA RASMIYLASHTIRISH YO‘LLARI

i.f.n. dotsent Nuruddinova Adiba Gaziyevna
O‘zbekiston Respublikasi Prezidenti huzuridagi Ijtimoiy himoya milliy agentligi huzuridagi ijtimoiy siyosat laboratoriyasi direktori o‘rinbosari, G.V. Plexanov nomidagi Rossiya iqtisodiyot universitetining Toshkent shahridagi filiali

Annotatsiya. *Maqolada O‘zbekiston Respublikasida norasmiy bandlik ko‘lami, o‘zini o‘zi band qilishning rivojlanish xususiyatlari hamda mehnat munosabatlarini rasmiylashtirishning asosiy muammolari tadqiq etiladi. Statistik va idoraviy ma’lumotlar asosida o‘zini o‘zi band qilgan fuqarolar sonining o‘zgarish dinamikasi, ularning iqtisodiy faoliyat turlari bo‘yicha taqsimlanishi, ijtimoiy himoyalanganlik darajasi hamda ijtimoiy sug‘urta tizimida ishtirok etish imkoniyatlari tahlil qilinadi. O‘zini o‘zi band qilgan aholining ijtimoiy soliq to‘lashi, mehnat stajini shakllantirishi, pensiya ta’minoti va daromadlarining beqarorligi bilan bog‘liq masalalarga alohida e’tibor qaratiladi. Bandlikni rasmiylashtirishga to‘sqinlik qiluvchi asosiy institutsional va iqtisodiy omillar, jumladan, statistik hisob yuritishdagi kamchiliklar hamda soliq qonunchiligidagi o‘zgarishlar aniqlanadi. Davlat bandlik siyosatini takomillashtirish, soliq ma’muriyatchiligini soddalashtirish, ro‘yxatdan o‘tkazishning raqamli mexanizmlarini rivojlantirish hamda aholini ijtimoiy sug‘urta tizimi bilan qamrab olishni kengaytirish bo‘yicha takliflar ishlab chiqiladi.*

Kalit so’zlar: *norasmiy bandlik, norasmiy iqtisodiyot, o‘zini o‘zi band qilish, mehnat bozori, bandlikni rasmiylashtirish, mehnat resurslari, ijtimoiy himoya, ijtimoiy sug‘urta, ijtimoiy soliq, mehnat staji, pensiya ta’minoti, soliqlarni tartibga solish, beqaror daromadlar, davlat bandlik siyosati, raqamlashtirish, mehnat munosabatlari, iqtisodiy faol aholi.*

INFORMAL EMPLOYMENT: SCALE AND PATHWAYS TO FURTHER FORMALIZATION

c.e.n., associate professor Nuruddinova Adiba Gaziyevna
Deputy Director of the Social Policy Laboratory at the National Agency for Social Protection under the President of the Republic of Uzbekistan,
Tashkent Branch of Plekhanov Russian University of Economics

Annotation. *This article examines the scale of informal employment in the Republic of Uzbekistan, the characteristics of self-employment development, and the key challenges associated with the formalization of labor relations. Drawing on official statistics and administrative data, the study analyzes trends in the number of self-employed individuals, their distribution across economic activities, levels of social protection, and access to social insurance. Particular attention is paid to social tax payments, the accumulation of pensionable service, pension provision, and income instability among self-employed individuals. The article identifies major institutional and economic barriers to employment formalization, including shortcomings in statistical reporting and changes in tax legislation. It proposes measures to improve*

public employment policy, simplify tax administration, develop digital registration mechanisms, and expand social insurance coverage.

Keywords: *informal employment, informal economy, self-employment, labor market, formalization of employment, labor resources, social protection, social insurance, social tax, length of service, pension provision, tax regulation, unstable income, state employment policy, digitalization, labor relations, economically active population.*

Введение.

В силу демографических, структурных и экономических вызовов развивающейся экономики сфера труда Республики Узбекистан отличается высоким уровнем неформальных трудовых отношений[5]. По состоянию на 1 января 2025 года численность незанятого населения составила 5823,3 человек[6] (29% от общей численности трудовых ресурсов), из которых значительная часть вовлечена в неформальные трудовые отношения в той или иной степени.

В ходе данного исследования проведен обзор текущего состояния самозанятости, как одной из самых масштабных форм нестандартной занятости в Узбекистане. По состоянию на 1 января 2025 года общая численность населения Узбекистана достигла 37 543,2 тыс. чел., из которых 15 097,9 тыс. чел. относится к экономически активному населению[7] (или 40,2% от общей численности населения).

Из общей численности экономически активного населения 14 261,9 тыс. чел (или 94%), заняты в разных секторах экономики (рис.1). Из них 51,7% заняты в официальном секторе (7 373,4 тыс. чел), 38,8% в неформальном секторе (5 533,6 тыс. чел) и 9,5% работают за рубежом (1 254,9 тыс. чел.). С учетом трудовых мигрантов, которые также формируют потенциал незанятого населения, общий масштаб занятых в неформальном секторе может быть оценен в размере 6 788,5 тыс. чел.

С 2020 года в Узбекистане действует институт самозанятости, позволивший создать дополнительные условия для формализации неформальных работников. Самозанятые – это физические лица, которые сами находят работу и сами её выполняют с получением дохода. Самозанятыми могут быть репетиторы, няни, сантехники, электрики, парикмахеры, курьеры, мойщики автомобилей, ремесленники, уборщики, портные, программисты и др.

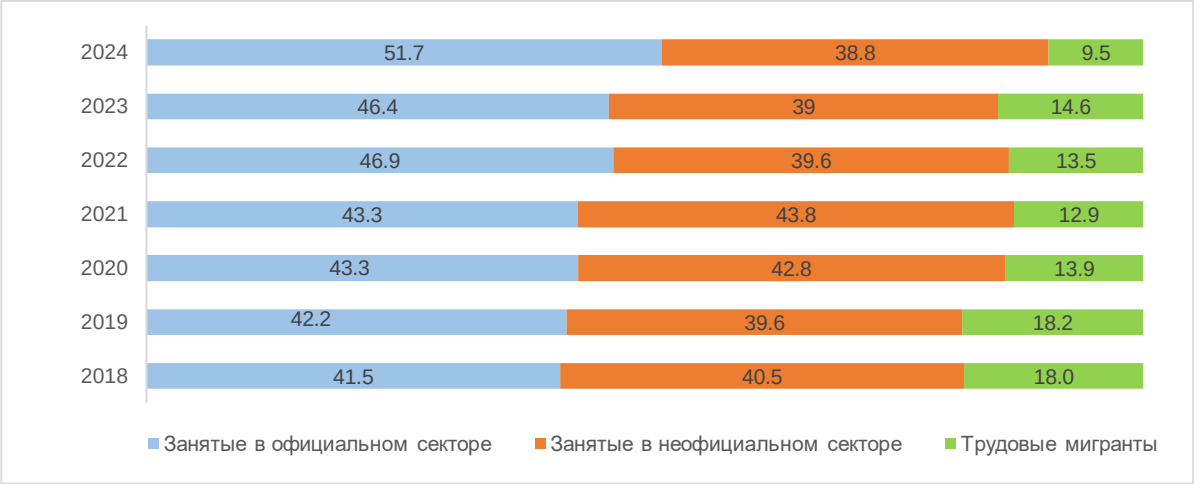

Рис. 1. Структура занятости населения в течение 2018-2024 гг., в % к численности экономически активного населения[8]

Источник: *Рассчитано по данным МЗСБ https://gov.uz/oz/bv/news/view/56768, результатов обследования рабочей силы (ОРС) за 2018-2023 гг.*

Институт самозанятости был усилен в 2021 году путём льгот со стороны государства путем предоставления субсидий и возмещение части расходов по аренде нежилых помещений для молодых самозанятых лиц, которые находятся в трудной жизненной ситуации[9], других льгот и преференций.

Реформа трудового законодательства позволила приступить к расширению обязательного социального страхования на работников нестандартных форм занятости. В декабре 2025 года был принят Закон о государственном социальном страховании,[10] который охватил три пособия – по беременности и родам, по болезни и по безработице. В соответствии с Положением[11] пособия назначаются только для официально трудоустроенных лиц. Теперь под это условие подпадает как работа по трудовому договору с работодателем, так и гражданско-правовые договора с юридическими или физическими лицами, а также другие формы трудовой деятельности, предусмотренные в ТК. Таким образом, работники частного сектора (независимо от форм занятости) получили возможность участвовать в схемах социального страхования. С 1 января 2026 года Государственный Фонд социального страхования при Национальном Агентстве социальной защиты (НАСЗ) начал выплату пособий по беременности и родам в таком формате. Выплата пособий по болезни начнётся с 1 июля 2026 года.

Такая масштабная работа подразумевает, прежде всего, правильный учёт числа работников разных форм нестандартной занятости. В частности, было озвучено,[12] что по состоянию на 1 июля 2025 года число самозанятых

достигло 5,5 млн. чел. Но кроме самозанятых есть работники и других форм нестандартной занятости, а также работоспособные, но экономически неактивные группы населения, включая 836 тыс. безработных лиц (из которых только 1,6% признаны безработными официально).[13]

Анализ практики самозанятости показывает, что за время существования института самозанятости накопились вопросы, требующие решений на законодательном уровне.

Во-первых, уровень уплаты социального налога лицами, зарегистрированными в качестве самозанятых, остается низким. В частности, в течение 2020-2023 гг. из 2,5 млн. самозанятых только 13 % (336 тыс. чел.) заплатили социальный налог. В настоящее время (конец 2025 года) доля уплативших налог составляет около 20% от общей численности зарегистрированных самозанятых. Это означает, что только они и будут иметь право претендовать на получение государственной пенсии по старости.

Во-вторых, существуют некоторые несоответствия в законодательных актах при определении размера социального налога, уплачиваемого самозанятыми лицами. Согласно статье 408 Налогового Кодекса Республики Узбекистан[14] для исчисления трудового стажа самозанятые лица должны уплачивать социальный налог в размере не менее 1 БРВ в год. Однако в базовом Постановлении Президента № 4742 (п.3) социальный налог установлен в размере 50% БВР. Это создает недоразумения и проблемы в правоприменительной практике. В частности, в случае уплаты самозанятыми социального налога в размере менее 1 БРВ трудовой стаж за соответствующий год не засчитывается. При этом не сформирована практика возврата уплаченной суммы в данной ситуации. Так, в 2023 году в Ташкенте 70,7 % самозанятых граждан уплатили налог в размере 0,5 БРВ, но трудовой стаж за данный год не был засчитан, не была возвращена и незачтенная сумма.

В-третьих, согласно действующему законодательству, с 1 ноября 2022 года введен порядок регистрации и учета трудоспособного населения. Согласно ему женщины, достигшие 55 лет, и мужчины, достигшие 60 лет, не могут регистрироваться в качестве самозанятых лиц в электронной системе налоговых органов, потому что уже достигли пенсионного возраста. Это ограничивает возможность получения трудового стажа через институт самозанятости в случаях, когда трудового стажа недостаточно для назначения пенсии по возрасту. В соответствии с законодательством, даже если у них не хватает нескольких дней до 7-летнего минимального стажа (при котором уже можно претендовать на получение государственной пенсии по старости), они не могут претендовать на пенсию, а пособие по возрасту будет назначено

женщинам лишь с 60 лет, а мужчинам - с 65 лет.

Необходимо установить единый размер социального налога для самозанятых. В случаях, когда уплаченная сумма социального налога, не соответствует установленному размеру и не позволяет засчитать 1 год трудового стажа, предлагается: 1) стаж работы учитывать пропорционально (учитывать месяцы стажа с учетом суммы уплаченного налога), или 2) ввести правовые механизмы возврата уплаченной суммы налогоплательщику.

Кроме того, предлагается предоставить гражданам предпенсионного и пенсионного возраста возможность работать самозанятыми, устранив возрастные ограничения при регистрации граждан при получении данного статуса.

По данным Налогового комитета Республики Узбекистан по состоянию на 1 июля 2025 года[15] число самозанятых в Узбекистане превысило 5,5 млн. чел. По сравнению с 2023 годом прирост числа самозанятых составил более 3 млн. человек. В структуре самозанятых преобладают мужчины – 58% (см. Табл. 1).

Таблица 1

Численность и гендерная структура самозанятых в 2024-2025 гг.

Показатель	**2023 год** (на 1 октября)	**2024 год** (на 1 октября) [16]	**2025год** (на 1 июля) [17]
1	2	3	4
Общее число самозанятых, чел	ок. 2 500 000	4 083 700	5 539 700
Рост, млн. чел	N/A	+1,58	+1,46
Рост, %	N/A	63,0	35,6
Доля мужчин, %	N/A	57,0	58,0
Доля женщин, %	N/A	43,0	42,0

Источник: *Составлено автором по данным базы данных самозанятых лиц Налогового комитета.*

Отраслевой портрет самозанятости. По всем сферам происходит рост численности самозанятых. В абсолютном значении больше всего самозанятых работают в сфере предоставления бытовых услуг – 2,21 млн. чел. (из них около 35% – самозанятые таксисты). Хотя в сфере IT работает меньше всего самозанятых, здесь наблюдается самый высокий прирост численности за год (на 60,3%, см. колонку 4 в табл. 2).

Важно отметить, что количественные индикаторы позволяют оценить рост числа самозанятых по всем сферам. Однако, чтобы адекватно оценивать сектор с точки зрения социально-экономической значимости важно понимать

не только количество, но и качество этих рабочих мест, уровень доходов и условия труда. Такие данные недоступны, поэтому требуется проведение дополнительных обследований/опросов.

Таблица 2

Численность самозанятых по видам деятельности, чел.

Сфера деятельности	2024 год (на 1 октября)[18]	2025 год (на 1 июля)[19]	Рост 2025/2024
Бытовые услуги	1 726 300	2 217 200	128,4%
в т.ч. пассажирские перевозки (такси)	611 600	776 700	127,0%
Сельское хозяйство	1 027 000	1 524 600	148,5%
Социальные услуги	462 200	581 800	125,9%
Промышленность	380 400	503 600	132,4%
Производство товаров и обслуживание (ТНП)	382 900	544 300	142,1%
Информационные технологии (IT-фрилансеры)	104 900	168 200	160,3%
Итого:	**4 083 700**	**5 539 700**	**135,6%**

Источник: *Составлено автором по данным Налогового комитета.*

Министерство занятости и сокращения бедности (МЗСБ) с 1 января 2020 года внедрило МАПК «Единая национальная система труда» (ЕНСТ). Данная система содержит сведения о работодателях – юридических лицах в государственном и негосударственном секторах (корпоративный сектор). Хотя ЕНСТ не содержит данных о самозанятых и ИП, анализ данных корпоративного сектора, который охватывает ЕНСТ, позволяет сделать некоторые выводы о динамике изменений масштаба неформальной занятости.

В 2020-2025 годах в Узбекистане происходило реформирование системы социальной защиты населения. Цель реформы – создание прозрачной и управляемой из единого центра системы социальной защиты, где помощь предоставляется не отдельными министерствами/ведомствами, а через цифровую платформу на основе автоматической оценки степени нуждаемости. Компоненты реформы: а) централизация управления; б) повышение адресности помощи; в) цифровизация процесса выплат, г) расширение социального страхования и д) обеспечение соответствия международным стандартам в сфере социальной защиты. Реформа осуществлялась в несколько этапов:

Подготовительный этап (2019–2021 гг.). При участии международных организаций начался диалог по обсуждению видения стратегии реформирования. Ключевую роль сыграл совместный проект МОТ, ЮНИСЕФ и

Всемирного банка, в рамках которого был подготовлен доклад «Оценка системы социальной защиты в Узбекистане на базе основного диагностического инструмента CODI (Core Diagnostic Tool). CODI – методология, разработанная Всемирным банком, МОТ и ЮНИСЕФ для комплексной оценки национальных систем социальной защиты в контексте достижения Целей Устойчивого Развития (ЦУР). На этом же этапе началось создание ИС «Единый Реестр социальной защиты»[20], которая стала цифровой основой реформы[21]. Пилотный проект по апробации Реестра был запущен в октябре 2019 года в Сырдарьинской области и поэтапно внедрён по всей стране до конца 2020 года, несмотря на пандемию коронавируса.

Этап консолидации законодательства и создания институтов (2022–2023 гг.). В июле 2022 года была принята Стратегия социальной защиты до 2030 года и Дорожная карта по ее реализации[22]. Документы были подготовлены при содействии МОТ в рамках реализации Страновой Программы достойного труда Республики Узбекистан на 2021-2025 гг. с вовлечением широкого круга министерств и ведомств и нескольких раундов общественного обсуждения. С августа 2022 года в составе Министерства финансов начал работу Государственный Фонд социального страхования (ФСС)[23]. С июня 2023 года начало работу Национальное Агентство социальной защиты (НАСЗ) при Президенте Республики Узбекистан. Агентство стало единым органом, объединившим функции соцзащиты, распределенные ранее между шестью министерствами и ведомствами[24]. В составе Агентства была создана социальная инспекция (контроль соблюдения законодательства в сфере соцзащиты для уязвимых групп)[25]. Кроме того, под управлением Агентства по всей стране начали работу центры социальных услуг «Инсон» (более 200 центров)[26].

Этап совершенствования порядка и формата предоставления социальных пособий и услуг (2024–2025 гг.). Начали активно внедряться новые механизмы для расширения охвата пособиями через более точную оценку нуждаемости[27]. Следующие инструменты были разработаны для достижения данной цели:

• *Введение «Социальной карты»[28], её интеграция с другими базами и внедрение автоматического предоставления пособий и услуг через карту*. Социальная карта – единый платежно-учетный документ, который заменяет бумажные документы, удостоверяющие личность (паспорт, пенсионное удостоверение) для получения адресной соцпомощи, пособий (детских, по инвалидности, малообеспеченности), компенсаций и льгот (транспорт, ЖКХ), а также доступ к 65+ видам социальных услуг. Карта выпускается

уполномоченными банками, оформить ее можно через Единый портал интерактивных государственных услуг (ЕПИГУ)[29], центры «Инсон» или приложение «Социальная карта».

• *Внедрение новой системы адресного обучения безработных[30]*. С 1 февраля 2025 года внедрена система профессионального обучения безработных членов малообеспеченных семей под заказ работодателей через Центры профессиональных навыков Министерства занятости и сокращения бедности, с выплатой стипендий (лицам с инвалидностью и членам семей из «Реестра бедных семей») и внедрением ваучеров для покрытия расходов образовательных организаций[31].

• *Проактивные услуги*. С 1 марта 2025 года пенсии по возрасту стали назначаться автоматически без необходимости обращения (заявки) граждан и предоставления документов[32]. Соответствующие документы/данные берутся из электронных баз ведомств (Министерство юстиции, Налоговый комитет, Министерство занятости и сокращения бедности), а SMS сообщение с решением о назначении пенсии приходит на телефон.

• *Пилотные проекты по дневному уходу за лицами, нуждающимися в постоянном уходе*. С марта 2025 года начался пилотный проект дневной службы ухода и присмотра за детьми с инвалидностью (в возрасте 3-18 лет). В рамках проекта государство предоставляет субсидии предпринимателям (механизм государственно-частного партнерства - ГЧП).

С июня 2025 года был начат аналогичный пилотный проект «Шаг к активной жизни» по уходу за взрослыми с предоставлением услуг на дому (социально-бытовые услуги, медико-социальная реабилитация, личный помощник, дневной присмотр и др.). Механизм проекта – ГЧП – с системой ваучеров, через которые государство компенсирует расходы предпринимателям (участвующим в проекте) через платформу «Партнер семьи».

• *Реформирование системы социального страхования* в направлении соответствия требованиям Конвенции МОТ №102 «О минимальных нормах социального обеспечения», Конвенции МОТ № 183 «Об охране материнства» и Рекомендации МОТ № 202 «О минимальных уровнях соцзащиты». В декабре 2025 года принят Закон о государственном социальном страховании (охватил три пособия – по беременности и родам, по болезни и по безработице)[33]. Пособия назначаются только для официально трудоустроенных лиц. Под это условие подпадает как работа по трудовому договору с работодателем, так и гражданско-правовые договора с юридическими или физическими лицами, а также другие формы трудовой деятельности, предусмотренные

законодательством. Учитывая, что в Трудовой Кодекс были внесены значительные изменения, направленные на регулирование нестандартных форм занятости, значительное число работников, вовлеченных в неформальные трудовые отношения, получила право участвовать в схемах социального страхования.

Этап 2026-2030 гг. направлен на достижение полного охвата социальными пособиями и услугами всех нуждающихся и расширение охвата социальным страхованием. На решение данных задач будут направлены следующие меры:

• *Репликация опыта пилотных проектов по дневному уходу за лицами, нуждающимися в постоянном уходе.* В течение 2026-2027 гг. планируется открыть 20 территориальных центров социального обслуживания, где лицам с инвалидностью, лицам, нуждающимся в постороннем уходе, а также одиноким гражданам будет предоставляться комплексная социальная помощь: уход, присмотр, абилитация, реабилитация и обучение с акцентом на предоставление ухода на дому и в дневных центрах)[34].

• *Дифференциация соцподдержки семей по уровню социально-экономического положения и возможностей занятости*. Будет введен Социальный Реестр, в котором семьи будут классифицироваться на: семьи, находящиеся на гособеспечении; малообеспеченные семьи и семьи, находящиеся на грани бедности. Для каждой категории будут определены соответствующие меры социальной защиты и социальные услуги.

• *Разработка правовых актов, расширяющих охват социальным страхованием по остальным социальным рискам в соответствии с международными нормами минимальной социальной защиты.* Ключевой принцип минимальных уровней – обеспечить универсальный (всеобщий) доступ к гарантиям защиты по 9 основным социальным рискам на протяжении всей жизни человека. В настоящее время в Узбекистане действуют акты по защите в старости, беременности и родам, болезни и безработицы. К «оставшимся» рискам относятся: 1) медицинская помощь (доступ к основным услугам и лекарствам); 2) производственный травматизм (пособия и медпомощь при травмах, полученных на работе); 3) поддержка семей в трудной жизненной ситуации; 4) поддержка лиц с инвалидностью и 5) потеря кормильца (поддержка иждивенцев). По двум из «оставшихся» рисков уже сделаны усилия, которые продолжатся и дальше. В частности:

• *Медицинская помощь.* Происходит переход к модели государственного медицинского страхования (ГМС). ГМС предполагает предоставление бесплатного медицинского обслуживания в рамках пакета гарантированных

услуг. В него входят первичная медико-санитарная помощь, скорая помощь, специализированная и высокотехнологичная помощь. С октября 2024 года механизм ГМС начал внедряться в Ташкенте. В 2025 году были приняты акты[35] для пилотирования новой модели первичной медико-санитарной помощи с реорганизацией больниц, их финансирования и стимулирования медработников. В ноябре 2025 года были обновлены правила получения бесплатной медпомощи.

Ожидается, что к концу 2026 года страна завершит создание системы ГМС, при которой государство выступит страховщиком, оплачивая гарантированные услуги медучреждений и их обеспечение лекарствами через Государственный фонд медицинского страхования (госбюджет), а также ваучерную систему для лиц с инвалидностью. Процесс замедляется из-за создания цифровой инфраструктуры ("Электронная поликлиника", "Электронная больница"), обучения медперсонала, организационных и технических сложностей в сфере доступа к лекарствам, обеспечения прозрачности финансирования и других вызовов.

• *Поддержка и социальная адаптация лиц с инвалидностью.* В 2020 году был принят Закон «О правах лиц с инвалидностью»[36]. Происходит переход от медицинской модели установления инвалидности (исходя из степени утраты трудоспособности) к социальной модели (исходя из наличия барьеров, с которыми сталкиваются лица с инвалидностью, и их социальной адаптации). Рекомендации по такому переходу изложены в Конвенции ООН о правах инвалидов (ратифицирована Узбекистаном в 2021 году).

Делается фокус на расширении доступа лиц с инвалидностью к рынку труда. При желании и возможности трудиться, они в обязательном порядке должны быть приняты на работу в рамках квоты (обязательный резерв рабочих мест, создается всеми работодателями для уязвимых категорий)[37]. Для работающих лиц с инвалидностью предоставлен ряд льгот (сокращенный рабочий день без потери в оплате труда, удлиненный трудовой отпуск, работа только с согласия и по медицинским показаниям).

В мае 2025 года были приняты акты, призванные повысить занятость лиц с инвалидностью. Они направлены на: 1) усиление стимулов для работодателей по приему на работу лиц с инвалидностью;[38] 2) повышение степени трудоспособности лиц с инвалидностью[39] за счёт введения пяти новых услуг, которые разрешено оказывать не только центрам социальных услуг «Инсон», но и самозанятым, индивидуальным предпринимателям и юридическим лицам; 3) упрощение порядка назначения и выплат пенсий/ компенсаций[40] (перевод в проактивную форму и цифровизация процедур на

основе биометрической идентификации (Face-ID) и ЭЦП. Данные меры призваны повысить занятость для: а) самих лиц с инвалидностью и б) членов семей, которые имеют образование и желание работать, но вынуждены быть дома чтобы ухаживать за своими близкими, имеющими инвалидность.

Таким образом, реформа стартовала с внедрения цифровых технологий и новой системы учёта для обеспечения адресности пособий и социальных услуг, а сейчас фокусируется на расширении охвата, повышения эффективности и перехода на механизмы социального страхования для всех категорий работников, используя международные стандарты.

Финансирование социальной защиты представляет собой многоканальную систему, сочетающую государственное финансирование (госбюджет), внебюджетные источники и поступления социального страхования. При этом важно разделять финансирование: а) социальной политики в целом и б) собственно программ социальной защиты.

Финансирование социальной политики (социальные расходы). Сюда включаются расходы государства в сферу образования, здравоохранения, трансферты в Пенсионный Фонд, а также расходы на разные социальные выплаты (социальная защита). Узбекистан традиционно отличается высокой социальной направленностью государственных расходов. В 2020-2025 году доля социальных расходов составляла от 48,4% (2024 год) до 52,2% (2021 год) от общего размера расходов государственного бюджета (Рис. 2).

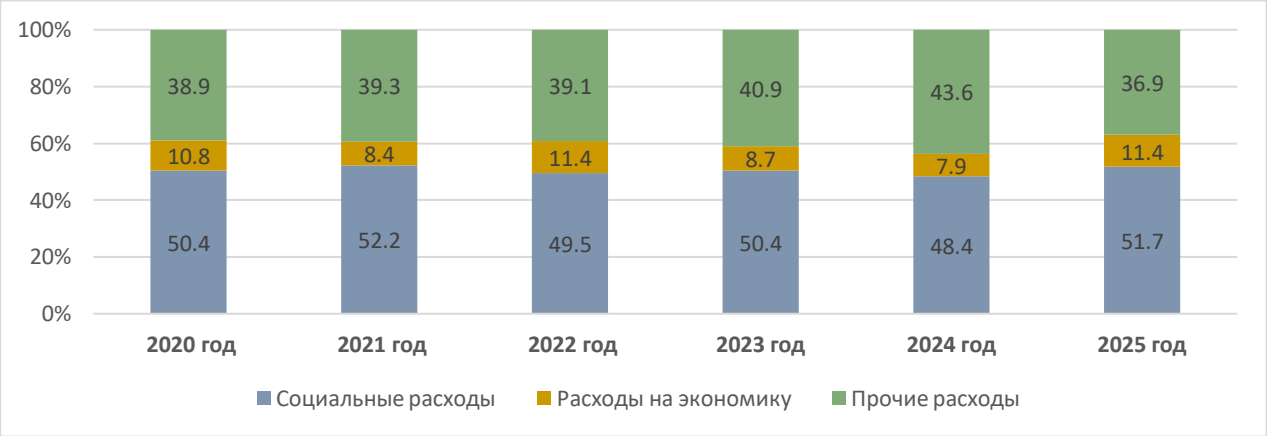

Рис. 2. Прогноз основных видов расходов Государственного бюджета на 2020-2025 гг.

Источник: *2020 год-«Бюджет для граждан», https://www.gazeta.uz/ru/2019/11/01/budget/ 2021 год- ИБ_2021_ru_6_1.pdf 2022 год – https://api.mf.uz/media/document_files/%D0%98%D0%91_2022_ru_9.pdf 2023 год - https://www.imv.uz/media/gugb/07_03_2023/ Budjet_23_ru.pdf 2024 год - https://api.mf.uz/media/document_files/ Budjet_P_24_ru.pd 2025 год - https://api.mf.uz/media/filestore/Budjet_P_25_uz.pdf*

При разработке и внедрении стратегии перехода к формальной занятости, согласно рекомендациям МОТ, должны учитываться предпочтения населения, параметры неформальной экономики и структуру рынка труда, действующие законы, политика и практика, а также институциональный и финансовый потенциал государственных органов. Для перехода в формальную экономику чрезвычайно важно установить правильные стимулы и устранить препятствия. Основная идея вариантов расширения охвата и защиты от безработицы категорий работников неформального сектора экономики заключается в их поэтапной формализации, использовании гибких форм уплаты социальных взносов и др.

Исследование, посвященное анализу социально-экономического положения самозанятых граждан и их отношения к системе социальной защиты в Республике Узбекистан был проведён в ноябре 2025 года и охватил занятых в сфере пассажирских и грузовых перевозок, доставки (курьерских услуг), прочих бытовых услуг, сельскохозяйственной деятельности, а также домашнего производства. География исследования включала Ташкентскую, Ферганскую и Хорезмскую области и город Ташкент[41].

Результаты показали, что значительная часть самозанятых работает вне формальной системы: только 39% респондентов зарегистрированы официально, среди которых менее четверти уплачивает регулярные социальные взносы. Основными причинами отказа от регистрации и уплаты взносов являются низкий и нестабильный доход, а также недостаточная информированность о возможностях и преимуществах системы социального страхования.

Исследование выявило высокую степень уязвимости самозанятых: более половины респондентов сталкивались с потерей дохода в течение последнего месяца, чаще всего из-за отсутствия заказов или проблем со здоровьем. При этом большинство компенсируют потери за счёт личных сбережений или помощи родственников. Вместе с тем значительная часть опрошенных выражает готовность участвовать в системе социального страхования при условии прозрачности, доступных взносов и доверия к государственным институтам.

Полученные результаты подчеркивают необходимость разработки гибких и адресных механизмов социальной защиты, учитывающих специфику занятости и уровень доходов самозанятого населения. Средний возраст опрошенных – 35 лет. Из них 70,7% - мужчины и 29,3% женщины. 75% имеют по крайней мере одного ребенка (среднее число детей на одного респондента 2,56). Опрос проводился методом персонального контактного интервью, с

помощью единого стандартизированного вопросника.

Состав респондентов по уровню образования: среднее – 36,5%, среднее специальное – 52,1%, высшее – 11,4%. Женщины сосредоточены в домашних и «традиционно женских» видах самозанятости: шитьё (44,8%), домашняя кулинария (36,8%), ЛПХ (14,3%). Самые популярные для женщин сферы — те, которые можно выполнять дома и совмещать с уходом за семьёй.

Молодёжь тяготеет к быстрым, доступным видам заработка (доставка, частично перевозки). Люди среднего возраста сосредоточены в профессиях, требующих опыта (ремонт, перевозки). Старшие возраста концентрируются в малозатратных видах самозанятости — ЛПХ и ручных ремёслах. Таксисты и доставщики преимущественно используют различные платформы (Яндекс, Uzum), в то время как остальные в основном находят заказы самостоятельно, либо через социальные сети (Telegram, Instagram).

Финансовая уязвимость самозанятых. Потеря дохода - частое явление. свыше 51% сталкивались с вынужденными простоями в последний месяц. За последний год с этим сталкивались по крайней мере несколько раз все респонденты. Главные причины: болезнь (38%), отсутствие заказов (23%), поломки техники (19%). В такие периоды респонденты: 61% - живут за счёт сбережений, 34% - за счёт помощи родственников, 15% - берут в долг.

Осведомлённость о социальном страховании и обеспечении. 34% не слышали о системе соцстрахования, 61% - не знает что им может дать оплата взносов в фонд социального страхования. 69% никогда не пользовались никакими видами социального обеспечения.

Ожидания от системы социальном страхования (привлекательность ССС). 78% - прозрачность и доверие, 40% - льготные ставки, 29% - дополнительные гос. Субсидии, 26% - льготные кредиты для участников.

Налоговый режим. В течение последних лет налоговые режимы для самозанятых и для ИП отличались и не были до конца понятны для широкой аудитории. С 1 января 2026 года в налогообложении обеих категорий произошли существенные изменения, направленные на упрощение правил и сближение режимов при определенных оборотах.

До конца 2030 года для ИП и самозанятых будет создан специальный правовой режим[42] в виде цифровой платформы, объединяющей ключевые услуги от момента регистрации до сдачи отчётности и уплаты налогов. Через платформу ИП и самозанятые смогут оформить деятельность, открыть и управлять счетами, рассчитывать и уплачивать налоги, формировать чеки, открыть электронный кошелёк и др. Документы (договоры, акты и т.п.) можно будет подписывать без ЭЦП (через биометрию и SMS). Для ИП

и самозанятых, имеющих электронный кошелёк, открытие банковских счетов станет необязательным.

Выводы и рекомендации:

1. Сектор неформальной занятости в Узбекистане сложен для проведения детального анализа из-за отсутствия комплексных баз данных. Существующие базы данных самозанятых (ЕНСТ и Налогового комитета) начали формироваться недавно и сталкиваются с рядом методологических и технических проблем. При этом они не гармонизированы между собой (что-то учитывают, что-то нет), а также не отражают данные по разным категориям самозанятых. База данных такси онлайн агрегаторов пока сопряжены только с Налоговыми органами. Базы данных по другим категориям платформенных занятых отсутствуют, так же, как и базы других нестандартных форм трудовых отношений (сезонные работники, дистанционные работники, надомники и др.).

Рекомендуется продолжить формирование полноценных баз данных по всем категориям нестандартных форм занятости (включая методологические, кадровые, программный и другие вопросы), которые отражены в новой редакции Трудового кодекса Республики Узбекистан (вступил в силу 30 апреля 2023 года)[43].

2. Сектор самозанятости сталкивается с рядом регуляторных проблем, обусловленных активным реформированием налогового законодательства. Только в течение последних нескольких лет налоговый режим (ставки и порог налогообложения) для самозанятых менялся несколько раз. Так, с 1 января 2026 года введён обязательный налог с оборота в размере 1% для самозанятых с годовым доходом до 100 млн. сумов. Ранее такие доходы не облагались этим налогом, что вызывает опасения по поводу роста финансовой нагрузки. При этом для тех, чей оборот составляет от 100 млн до 1 млрд. сумов, ставка также устанавливается на уровне 1%, что упрощает систему, но требует ведения более строгого учета. Кроме того, вступил в силу обновленный, более строгий перечень разрешенных видов деятельности для самозанятых. Это исключает возможность легальной работы в ряде направлений, которые ранее допускались, и вынуждает либо закрывать деятельность, либо переходить в статус ИП с более сложной отчетностью. Такие ежегодные изменения не способствуют формированию стабильной деловой среды и снижают доверие к государству, даже несмотря на невысокие ставки налогообложения. Непрозрачность учёта, отсутствие ясных социальных гарантий и слабая правовая защищенность самозанятых из-за превышения

лимита оборота или нарушения условий снижают желание самозанятых к полной легализации деятельности.

Целесообразно регуляторный и налоговый режим для самозанятых должен быть неизменным в течение 5 лет.

3. Значительная часть работников готова участвовать в страховых механизмах при условии прозрачности, доверия и приемлемой стоимости участия. Структура самозанятости показывает важность гибких форматов страхования, которые учитывали бы нерегулярность заработка, простои и сезонность отдельных видов деятельности. Самозанятые по-прежнему сталкиваются с дефицитом социальных гарантий. Так, работа в режиме самозанятости не засчитывается в трудовой стаж автоматически, если гражданин не уплачивает социальный налог в добровольном порядке. Кроме того, у самозанятых нет оплачиваемых больничных, отпусков и пособий по безработице.

Рекомендуется обеспечить адаптацию механизмов страхования к реальному профилю работ разных категорий самозанятых. Без этого переход к формализованной социальной защите будет ограниченным.

4. Процесс регистрации самозанятых и процесс социального страхования (отчислений взносов, их распределения, прав на соответствующие социальные выплаты и др.) отделены друг от друга. Это не позволяет самозанятым работникам понять преимущества перехода на механизм обязательного социального страхования.

Целесообразно объединить процесс регистрации самозанятости и подключения к социальному страхованию, а также ввести автоматический расчёт взноса и интеграцию оплаты в привычные платёжные сервисы с детальной разбивкой структуры выплат. При этом также надо создать возможность оплаты небольшими суммами ежемесячно или еженедельно.

Литературы:

1. Закон «О государственном социальном страховании» №1101 от 9 декабря 2025 года https://lex.uz/ru/docs/7889171

2. Налоговый комитет Республики Узбекистан https://t.me/fiskaltahlil/1219

3. Национальный комитет по статистике https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/labor-market

4. Налоговый кодекс Республики Узбекистан https://lex.uz/ru/docs/4674893

5. Согласно текущей методологии к неформальному сектору относятся:

на уровне предприятий: деятельность домохозяйств и некорпорированных единиц (индивидуальных предпринимателей без регистрации), целью которых является создание рабочих мест и получение дохода для участников. На уровне занятости: 1) трудовые отношения, основанные на устной договоренности без заключения письменного контракта; 2) работа на незарегистрированных предприятиях; 3) самозанятость, не прошедшая процедуру официальной регистрации или налогового учета. Понятие неформального сектора не тождественно понятию теневой или ненаблюдаемой экономики, он может включать как самозанятых, так и занятых по найму (на предприятиях неформального сектора или у физических лиц).

6. Расчётно: разница между численностью трудовых ресурсов (20085,2 тыс. чел.) и занятого населения (14261,9 тыс. чел). Данные Национального комитета по статистике https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/labor-market

7. Источник: Национальный комитет по статистике https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/labor-market

8. Под официальным сектором понимаются экономические единицы, которые официально признаны производителями товаров и услуг. Формальный сектор включает нефинансовые и финансовые корпорации и квазикорпорации, правительственные подразделения, сектор некоммерческих организаций, обслуживающих домашние хозяйства, и неинкорпорированные предприятия домашних хозяйств, зарегистрированные для налоговых или подобных целей.

9. Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан «О дополнительных мерах по социальной поддержке молодежи» №132 от 11 марта 2021 года.

10. Закон «О государственном социальном страховании» №1101 от 9 декабря 2025 года https://lex.uz/ru/docs/7889171

11. Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан № 796 от 17 декабря 2025 года https://lex.uz/en/actinfo/card1/-7926684, Указ Президента Республики Узбекистан «О мерах по совершенствованию системы назначения и выплаты платежей по государственному социальному страхованию» №206 от 3 ноября 2025 года https://www.lex.uz/ru/docs/7813698

12. *Источник*: пресс-служба Налогового комитета Республики Узбекистан https://t.me/fiskaltahlil/1219

13. *Источник*: Национальный комитет по статистике https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/labor-market

14. Налоговый кодекс Республики Узбекистан https://lex.uz/ru/docs/4674893
15. Источник: https://www.spot.uz/ru/2025/07/22/self-employed/, https://t.me/fiskaltahlil/1219
16. Источник: данные Налогового комитета https://kun.uz/ru/news/2024/10/24/chislo-samozanyatyx-v-uzbekistane-uvelichilos-na-866-za-god, https://t.me/fiskaltahlil/980
17. Источник: данные Налогового комитета https://www.spot.uz/ru/2025/07/22/self-employed/, https://t.me/fiskaltahlil/1219
18. Источник: Налоговый комитет https://kun.uz/ru/news/2024/10/24/chislo-samozanyatyx-v-uzbekistane-uvelichilos-na-866-za-god, https://t.me/fiskaltahlil/980
19. Источник: Налоговый комитет https://www.spot.uz/ru/2025/07/22/self-employed/, https://t.me/fiskaltahlil/1219
20. Постановление Президента Республики Узбекистан «О дополнительных мерах по автоматизации процедур предоставления государственных социальных услуг и помощи населению» №4797 от 5 августа 2020 года https://lex.uz/ru/docs/4930656
21. Информационная система для предоставления государственных социальных услуг и помощи, основанная на межведомственном обмене данными для автоматической проверки финансового статуса лиц, подающих заявления на пособия. На основе этой оценки определяется право на участие и вид полагающейся помощи.
22. Указ Президента Республики Узбекистан «Об утверждении Стратегии социальной защиты населения Республики Узбекистан» № 175 от 25 июля 2022 года https://lex.uz/ru/docs/6130271
23. Указ Президента Республики Узбекистан «Об утверждении Стратегии социальной защиты населения Республики Узбекистан» № 175 от 25 июля 2022 года https://lex.uz/ru/docs/6130271
24. Указ Президента Республики Узбекистан «Об оптимизации функций некоторых министерств и ведомств по оказанию соцуслуг и помощи населению в связи с созданием Национального агентства социальной защиты при Президенте Республики Узбекистан» № 216 от 27 декабря 2023 года https://www.lex.uz/ru/pdfs/6738462
25. Указ Президента Республики Узбекистан «О комплексных мерах по оказанию качественных социальных услуг и помощи населению, а также

налаживанию их эффективного контроля» №82 от 1 июня 2023 года https://lex.uz/docs/6480351

26. Постановление Президента Республики Узбекистан «О мерах по дальнейшему совершенствованию системы оказания социальных услуг и помощи населению» № 319 от 28 сентября 2023 года https://lex.uz/ru/docs/6624641

27. Постановление Президента Республики Узбекистан «О кардинальном совершенствовании порядка предоставления населению государственной социальной поддержки» №267 от 18 июля 2024 года https://lex.uz/ru/docs/7031130

28. Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан «О мерах по внедрению системы «Социальная карта» в социальной поддержке населения» №897 от 27 декабря 2024 года https://lex.uz/docs/7290258

29. ЕПИГУ - главная онлайн-платформа страны (my.gov.uz), которая позволяет гражданам и бизнесу получать разные государственные услуги удаленно и бесплатно.

30. Постановление Президента Республики Узбекистан «О мерах по обеспечению занятости населения и сокращению бедности в 2025 году» № 12 от 17 января 2025 года https://lex.uz/ru/docs/7328113

31. Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан «О введении системы обучения профессиям и иностранным языкам на основе ваучеров с привлечением государственных и негосударственных образовательных организаций» № 527 от 21 августа 2025 https://lex.uz/uz/docs/7696938

32. Постановление Президента Республики Узбекистан «О дополнительных мерах, направленных на повышение качества предоставляемых государственных услуг по назначению пенсии населению» №353 от 21 октября 2023 года https://lex.uz/ru/pdfs/6650138

33. Закон «О государственном соцстраховании» №1101 от 9 декабря 2025 года https://lex.uz/ru/docs/7889171

34. Пресс служба Президента Республики Узбекистан, 17 декабря 2025 г. https://president.uz/ru/lists/view/8793

35. Указ Президента Республики Узбекистан "О мерах по последовательному продолжению реформирования сферы здравоохранения путем совершенствования данной системы и принципов оказания медицинских услуг населению в республике" № 88 от 19 мая 2025 года https://lex.uz/ru/docs/7534278 и Постановление Президента Республики Узбекистан "О дополнительных мерах по реализации реформ в системе

здравоохранения"№ 185 от 19 мая 2025 года https://www.lex.uz/uz/docs/7538095

36. Закон «О правах лиц с инвалидностью» № 641 от 15 октября 2020 года https://lex.uz/ru/docs/5049549

37. Указ Президента Республики Узбекистан «О дополнительных мерах по совершенствованию системы трудовых отношений и профессионального обучения, а также стимулированию работодателей» № 126 от 4 августа 2025 года https://lex.uz/docs/7678734

38. Указ Президента Республики Узбекистан «О дополнительных мерах по совершенствованию системы обеспечения занятости лиц с инвалидностью» №85 от 8 мая 2025 года https://lex.uz/uz/docs/7518498

39. Постановление Президента Республики Узбекистан «О мерах по расширению спектра социальных услуг лицам, нуждающимся в постороннем уходе» № 171 от 8 мая 2025 года https://www.lex.uz/uz/docs/7516929

40. Постановление Президента Республики Узбекистан «О внедрении проактивных услуг при назначении пенсий по инвалидности и компенсаций» № 194 от 27 мая 2025 года https://lex.uz/ru/pdfs/7546382

41. М. Кодирхонова, Д. Матрасулов Расширение социальной защиты работников неформальной экономики в Узбекистане. Жамият ва бошқарув, 2026, №2, 62-74 б. https://dsba.uz/uploads/docs/c4e8ce2b50fb6566d0cacf52066c 206e.pdf

42. Постановление Президента Республики Узбекистан «О мерах по созданию благоприятных условий для индивидуальных предпринимателей и самозанятых лиц» №247 от 12 августа 2025 года https://lex.uz/ru/pdfs/7681524

43. Новый Трудовой кодекс https://lex.uz/docs/6257291 + обновлён в 2025 году - Закон «О внесении изменений и дополнений в Трудовой кодекс Республики Узбекистан № 1030 от 13.02.2025 года https://lex.uz/ru/docs/7380905)

DEMOGRAFIYA VA MEHNAT BOZORI

BOSH MUHARRIR:
Umurzoqov Bahodir Xamidovich

MUHARRIR:
Bahriddinova Muazzam Azam qizi